

Annotation

•

Юлия Климова

Грымза с камелиями

Глава 1

День открытых дверей в сумасшедшем доме

– А давайте поедem в Крым, – мечтательно выдохнула Солька.

– Кое-кто, может, и поедет, а тебе, помнится, отпуска не давали, – ответила я.

– Так что же, без меня поедешь?

– Нет, зачем же, возьмем весь твой класс из двадцати восьми душ, оформим это как экскурсию в музей истории обороны «Аджимушкayских каменоломен», и вперед...

– Если я очень попрошу, мне отпуск дадут, – надулась Солька.

– Правильно, – согласилась я, – незаменимых учителей какой-то там ботаники у нас нет.

По паспорту моя подруга – Ефросинья Андреевна Потапчукова. Имя свое она не очень-то жалует, так что мы зовем ее Солькой. Она преподает в школе ботанику и свято верит, что тем самым сеет доброе и вечное. Я частенько подкалываю ее, и мы даже время от времени ссоримся, но все же мы лучшие подруги, и с этим уже ничего не поделаешь.

– А я, девочки, вчера из клуба уволилась, надоело в кордебалете ногами дрыгать, – сказала Альжбетка, разглядывая позолоченные часы, – как вам эти?

Альжбетка очень яркий персонаж нашей троицы – эффектная тридцатилетняя дамочка с накладными ногтями и давно уже вросшими в пятки десятисантиметровыми каблуками. Она жутко комплексует из-за своего возраста, хотя, по моему скромному мнению, волноваться нечего – Альжбетка похожа на девушку с обложки глянцевого журнала и ни о каких морщинах речи пока не идет.

А я Анна – вредная особа двадцати восьми лет. Симпатичная и стройная, хотя проблемы с лишним весом иногда серьезно нервируют мою закаленную житейскими трудностями душу. Подружек своих люблю трепетной сестринской любовью, но в педагогических целях особо не балую.

Мы соседки – живем на одном этаже тихо и мирно, но иногда все же попадаем в разные истории и дружно из них выпутываемся. Совсем недавно нам пришлось изрядно поволноваться – нужно было срочно куда-нибудь приткнуть труп престарелого «жениха» Альжбетки, который скоростижно скончался, не выдержав ее страстных объятий. А потом мы охотились за большими деньгами. Все закончилось нашей полной победой (мы получили десять процентов от трех найденных миллионов долларов), и теперь просто наслаждаемся жизнью – шатаемся по магазинам и тратим деньги на всякое барахло.

– Часики – фигня, положи на место. И не прижимай к себе столько золота, сейчас в моде бижутерия, – провозгласила я, думая только о том, как бы уже выгнать Альжбетку из ювелирного: еще немного – и она скупит здесь абсолютно все.

– Я есть хочу, – заныла Солька.

Молодец, вовремя.

– Сейчас найдем какую-нибудь забегаловку и отметим Альжбеткино увольнение.

– И заодно твой отпуск, – поддержала меня Солька. Видно, есть ей хотелось очень сильно.

Мы вышли из душного магазина и огляделись.

– Смотри, – сказала Солька, глотая слюну, – вон харчевня «Толстая поросся», пойдете скорее, я мяса хочу.

– Ну, поросся, так поросся, – согласилась я и решительно кивнула в сторону яркой вывески.

Столики в небольшом зале были деревянные, как и положено во всех порядочных харчевнях, замасленные по углам и замызганные по краям.

– Красота, – выдала Солька.

– Кошмар, – сморщилась Альжбетка.

Солька заказала столько, что можно было бы накормить бизона, но мы с Альжбеткой ее даже не одернули, ибо смотреть, как она ест, для нас особое развлечение.

– Я вот хочу поехать за границу... – сказала Альжбетка, – пока не решила, куда. Отдохну дней десять...

– Поезжайте вместе, – предложила Солька, открывая и выставляя перед собой баночки с горчишкой, соевым соусом и кетчупом.

– Нет, у меня и паспорта заграничного не имеется, да и не хочу, – отмахнулась я, – еще подумаю, куда податься, время есть.

– Может, мне все-таки дадут отпуск, – заныла Солька.

– Ты что! Конец сентября, кто тебя сейчас отпустит, – развеяла все ее мечты Альжбетка.

Учительница ботаники нахмурилась и стала раскладывать салат на три кучки: отдельно рис, отдельно кукурузу, отдельно крабовые палочки. Каждую кучку она полила разным соусом, а потом решительно все это перемешала.

Альжбетка зажмурилась, ей стало плохо.

– Значит, завтра у тебя последний рабочий день? – уточнила Солька.

– Ага, – кивнула я, – приятненько, вроде и поработала немного, а отпуск заслужила.

В фирме «Ланди» я вкалываю секретарем, первый мой начальник как-то очень быстро умер (в этом ему немножко помогли), зато второй... Ах! Воронцов Виктор Иванович из числа тех мужчин, которых называют Настоящими. Когда я его вижу, то просто млею, но, конечно же, держу себя в руках, чтобы он не догадался о моих пламенных чувствах к нему. Интуиция подсказывает, что я ему тоже нравлюсь. Эх! Эх!

– Вот пока ты будешь в отпуске, какая-нибудь вертихвостка твоего Воронцова и окрутит, начальники, знаешь ли, не залеживаются, – сказала Альжбетка, поедая морковный салатик.

– Так он у нее еще ни разу и не лежал... – влезла Солька.

– Не будем о грустном, – вздохнула я. – Боюсь, после того, как он познакомился с моей чудесной маман, мне уже ничего не светит.

Если вы пока не знакомы с моей мамой, то поверьте, все самое интересное у вас еще впереди.

– Мы как-то неправильно живем, – сказала Солька, – зачем нам вообще эти начальники, давайте откроем собственное дело и будем сами себе хозяйками.

Альжбетка внимательно посмотрела, как Солька раскручивает рулетик из баклажана и счищает с него творог, который потом намазывает на лаваш, а баклажан мажет горчицей и скручивает обратно, и сказала:

– Хорошо бы, но мы ничего не умеем делать, и потом, денег для этого осталось маловато.

– Если сложимся, то хватит, – отрезала Солька, запихивая в рот видоизмененный баклажан.

– Идея хорошая, – одобрила я, – но пока повременим. Дайте хоть в отпуск спокойно смотаться. Вернусь, все обдумаем.

Собственное дело – это, конечно, идея притягательная, и я знала: стоит мне хорошенько поразмышлять об этом, как меня уже будет не остановить... Плавное течение мыслей вдруг резко затормозилось – за окном стоял мужчина и пристально смотрел на нас...

Вообще-то, он смотрел не на нас, а на Альжбетку. Тут ничего удивительного нет, Альжбетка у нас красивая, модная, стильная, и все на нее пялятся, и, пожалуй, к этому мы уже давно привыкли, но это был какой-то странный мужчина... Маленького росточка – метр шестьдесят, не больше, и полвека уж точно прожил на этом свете. Он был слишком упитан и напоминал гладкий, блестящий арбуз на

прилавке магазина. Его реденькие волосы переливались на солнце, потому что изрядное количество геля накрепко прилепило их к лысоватой голове. Оторванный до середины карман на светлом пиджаке повис в каком-то отчаянии, и легкий ветерок то и дело приподнимал его края.

Поверьте, такие мужчины не смотрят на Альжбетку: они смущаются, краснеют и убегают прочь, пожалуй, они даже боятся ее. Этот же представитель мужского населения планеты Земля, не зная робости и страха, неотрывно следил за нашей длинноногой красавицей, чем все больше и больше изумлял меня.

– У тебя появился новый поклонник, – сказала я, кивая в сторону окна.

Альжбетка обернулась и увидела толстячка. Мужчина не просто оживился... он запрыгал на одном месте, делая знаки, чтобы мы немедленно вышли.

– Это вообще что? – удивленно спросила Альжбетта.

– Мне кажется, он хочет с тобой познакомиться, – ответила я.

– Нет, девочки, ну что это такое! Мы не пойдем к нему... мы же едим, в конце концов, – пряча за щекой кусок колбасы, сказала Солька.

– Конечно, не пойдем, мне кажется, он какой-то странный, – заволновалась Альжбетта.

Мужчина тем временем стал что-то выкрикивать и стучать кулаком по стеклу, чем привлек внимание широкоплечего охранника.

Он подошел к нам и спросил:

– Вы знаете этого человека?

Альжбетка просто изменилась в лице:

– Нет, нет! Сделайте же что-нибудь!

– Не беспокойтесь, – сказал охранник, и через минуту мы увидели, как Альжбеткиного воздыхателя оттаскивают от окна за угол ресторана. Картина была душераздирающая – бедняга непрерывно цеплялся за воздух и издавал странные звуки, которые долетали до нас в виде приглушенного визга.

– Интересно, чего он хотел? – кокетливо пожала плечами Альжбетка.

– Телефончик твой, – удовлетворила я ее самолюбие.

– А мне кажется, он о еде мечтал, – вздохнув, сказала Солька, – и мы поступили не очень хорошо, не по Божьим законам, так сказать...

Альжбетка поперхнулась, но Солька сильно вошла в роль и наверняка уже представляла себя на классном часе перед томящимися учениками.

– Надо было вынести кусочек хлеба или позвать к нам и накормить этого оголодавшего человека...

– Сердобольная ты наша, – перебила я, пододвигая к Сольке свою тарелку.

Молниеносно с моей тарелки исчезли грибы, селедка и картофельная котлета.

На улицу мы вышли сытые и довольные.

– Все же открыть свое дело, это неплохая идея, – напомнила нам Альжбетка, – вот говорю вам, мы бы справились.

Направляясь к Альжбеткиной машине, мы обсуждали планы на будущее. Солька предлагала открыть частную школу, Альжбетка –

ночной клуб, а я занималась тем, что разбивала все их идеи на лету и получала от этого какое-то волшебное удовольствие. Завтра мой последний рабочий день... я не увижу Воронцова целый месяц... как он будет без меня... а как я без него?..

– Наконец-то! – послышался визгливый голос, и маленький толстенький мужчина бросился из-за остановки прямо на Альжбетку.

Она ловко увернулась, а мужчина упал на свой воздушный живот и крякнул.

– Вам помочь? – опасливо прячась за моей спиной, спросила Солька.

Мужчина без чьей-либо помощи ловко вскочил на ноги и сделал еще один рывок в сторону Альжбетки.

– Отдай, слышишь, отдай мои сокровища!!! – вскричал он, хватая ошарашенную Альжбетку за руку.

Он ненормальный, он точно ненормальный...

– Они мои, они по праву принадлежат мне! – прижимая онемевшую красотку к себе, восклицал маленький человечек.

Мне кажется, что настала та минута, та историческая минута, когда в происходящее должна вмешаться я!

– Позвольте, – начала я, отцепляя Воздушный Шарик от подруги, – все сокровища наша Альжбетта носит при себе, и чтобы иметь на них какие-либо права, вам надо сначала на ней жениться.

Альжбетка жалобно посмотрела на меня, и я ей ответила взглядом – спокойно, женихи не всегда доживают до свадьбы.

– О чем вы говорите? Мои сокровища... пусть отдаст... – заканючил мужчина.

Лечить его, пожалуй, не будут... диагноз – безнадежен, решила я.

– Хорошо, присаживайтесь, – сказала я, указывая на скамейку.

Мужчина охотно сел, при этом его штаны задрались чуть ли не до колен, показывая всему миру пухленькие волосатые ножки.

– Сокровища – это не тема для криков и пустой болтовни, согласны ли вы со мной, уважаемый? – осведомилась я, делая знаки девчонкам.

Знаки мои означали – машина недалеко, как только я побегу, вы – за мной.

– Я согласен, я с вами бесконечно согласен, – сцепив пальчики, заговорил мужчина.

– Как вас зовут? – поинтересовалась я.

– Я представляюсь, я с удовольствием представляюсь, – затараторил наш бесподобно милый собеседник, – Осиков Арсений Захарович, но вот только пусть она отдаст все, что принадлежит мне!

Он ткнул пальцем в Альжбетку.

– А когда она у вас это забрала? – поинтересовалась на всякий случай Солька.

Я наклонила голову набок, давая команду «на старт».

– Я вас первый раз вижу, – негодуяще сказала Альжбетка, – и я ничего у вас не брала!

– Вы не волнуйтесь, – сказала я, хватая за руку подскочившего Осикова. Чувствовалось, что его негодование сейчас польется через край. – Она, конечно же, вам все отдаст, вы имеете дело с порядочными людьми.

Я наклонила голову еще ниже, отдавая команду «внимание». Солька прижала к себе сумку.

– Отчасти я вас понимаю, – обратился Арсений Захарович к Альжбетке, – будь я на вашем месте, возможно, тоже отказывался бы и делал вид, что ничего не случилось... но все же я взываю к вашей совести, нельзя присваивать чужое имущество. Это мое сокровище, отдайте его мне! – Вдруг лицо Осикова побелело, и дрогнувшим голосом он спросил: – Вы же не потратили мое состояние?

– Нет, – торопливо заверила я, – все в целости и сохранности, не беспокойтесь.

– Тогда немедленно пойдете, и вы вернете мое богатство.

Я кивнула головой, отдавая последнюю команду – «марш», и мы сорвались с места...

Все случилось так быстро, что бедный Осиков даже не понял, что произошло: он так и остался сидеть на скамейке с изумленным выражением лица.

Хлопнули дверцы машины, и мы под рев мотора устремились вперед. Сдерживать смех было просто невозможно.

– Альжбетка, отдай сокровища!!! – захлебываясь, пицала Солька.

– Мне кажется, он верил в то, что говорил, – хихикала Альжбетка, – я уже стала сомневаться, а не брала ли я чего у этого толстячка?

– Да он просто не в себе, – сказала я, – осеннее обострение.

– Нет, но как он напирал, а как призывал к нашей совести?! – смеялась Солька.

– Не к нашей, а к Альжбеткиной совести, – поправила я, – а интересно, почему он именно ее обвинил, почему только к ней приставал?

– Потому что она, как фонарный столб, вся мошкара к ней летит, – сказала Солька.

– Вовсе нет, посмотри на себя, разве кто-нибудь подумает, что у тебя могут быть сокровища, – тут же огрызнулась Альжбетка.

– Да ну его, – отмахнулась я, – завтра у меня последний рабочий день, а потом отпуск, давайте мечтать о моем отпуске.

– Поезжай в дом отдыха, познакомься с кем-нибудь, – посоветовала Альжбетка.

– У тебя только одно в голове, – поддела Солька, – мужики, мужики, мужики!

– Хорошо тебе говорить, у тебя Славка под боком... – ответила Альжбетка.

– А у нее Воронцов есть.

– В том-то и дело, что его у меня нет, – с грустью сказала я.

– Вот пусть и едет отдыхать и заведет себе кого-нибудь, отвлечется, – прописала мне лекарство Альжбетка.

Не так давно Солька стала встречаться с нашим общим соседом Славкой. Он отличный парень, так что ничего против этого союза мы не имеем. Подкалываем их иногда, но исключительно с добрыми побуждениями – жизнь влюбленных не должна быть скучной и

однообразной. Раньше Славка пилил гробы, потом переметнулся на производство тумбочек. Вот когда Солька отправилась поздравлять его с этим повышением, тогда-то они и полюбили друг друга.

– Ладно, – сказала я, – завтра куплю сослуживцам тортики, а себе толстый журнал по туризму и быстренько решу, куда податься. Конец сентября, я еще смогу найти пляж, на котором можно будет раскинуть свое бесподобное тело.

Прекрасное утро. Ужасное утро.

Кстати, я похудела еще на два килограмма, кушайте гречку и пейте зеленый чай!

На работу собиралась быстро и ритмично – надо еще забежать в булочную недалеко от офиса и купить четыре торта.

Я выдавила пасту на электрическую щетку и зажужжала. Наверное, за этим жужжанием я не сразу услышала Альжбеткин визг, но когда я оказалась на лестничной площадке, с пастой, стекающей изо рта, точно кровь у вампира, то увидела просто невероятную сцену.

Дверь соседней квартиры была распахнута, на пороге стояла полуодетая Альжбетка, а на полу на коленях стоял Осиков Арсений Захарович и молил нашу богиню красоты и вожделения следующими словами:

– Отдай мои сокровища, я прошу, отдай мои сокровища!!!

Открылась дверь Солькиной квартиры, и заспанная, замотанная в одеяло учительница ботаники спросила:

– Ему что, хлеба?

– Нет, – покачала я головой, – ему сокровища.

В этот момент открылась дверь лифта, и ко мне навстречу шагнула моя разлюбленная Мария Андреевна.

– Мама, а ты-то тут какими судьбами? – изумилась я, глотая остатки пасты.

– В отпуск я еду с тобой, – решительно заявила она и заинтересованно посмотрела на Осикова.

Мир рухнул.

Глава 2

Мы возвращаем сокровища владельцу, но есть один нюанс...

Я подняла Арсения Захаровича с пола и впихнула в Альжбеткину квартиру, туда же засеменила Солька, обмотанная одеялом. Вот теперь я могу разобраться со своей мамой!

– О каком отпуске ты говоришь? – грозно спросила я.

– О твоём, дорогая.

– О МОЕМ! Так вот, мой отпуск – это мой отпуск, и я сама разберусь, как и где, а главное, с кем мне его проводить!

– Ты грубишь матери!

С одной стороны, она права, но лучше сразу взять ситуацию в свои руки, иначе я и не замечу, как мама окажется в моей багажной сумке.

– Я опаздываю на работу, прости, мне надо бежать.

Я нажала на кнопку лифта, и он гостеприимно раскрыл двери перед надувшейся от обиды мамой.

– А кто этот очаровательный мужчина? – спросила она, поглядывая в приоткрытую дверь Альжбеткиной квартиры.

– Маньяк!

– Мне просто необходимо с ним познакомиться!

Сказав это, мама направилась вовсе не в сторону лифта, а в сторону Альжбеткиной квартиры.

Открывая дверь, она сладко произнесла:

– Альжбетта, душечка, ты же не откажешь мне в чашечке кофе с дороги, мы так давно с тобой не виделись.

На секунду я представила себе Альжбетку в полуобморочном состоянии.

Ринувшись в свою квартиру, я запила остатки зубной пасты глотком ледяного вчерашнего чая, причесалась, посмотрела на себя в зеркало и сказала:

– Чует мое сердце, не будет у тебя отпуска, все планеты сейчас выстраиваются в иной ряд, все звезды рисуют иные созвездия, не будет у тебя отпуска, не бу-дет!!!

В офисе все суетились, никому и дела не было до того, что сегодня у меня последний рабочий день. Я разнесла тортики и печенье по любимым отделам и уже собиралась прибраться на столе, как из своего кабинета вынырнула Любовь Григорьевна и поманила меня пальцем.

Любовь Григорьевна – финансовый директор, и, помимо рабочих моментов, нас связывает одна маленькая тайна: я ей помогла влюбиться в себя одного очень милого юриста – Крошкина Илью Андреевича. Моя интуиция подсказывает, что все у них получится.

Закрывая за мной дверь, она зашептала:

– Он сделал мне предложение, ты можешь себе представить, он сделал мне предложение!

– Надеюсь, – сказала я саркастично, – вы не сразу ответили согласием, а сказали, что года три подумаете.

– Нет, – замотала головой директриса, – я почему-то сразу согласилась.

– Странно, – пожала я плечами, еле сдерживая улыбку.

Любовь Григорьевна смотрела на меня в замешательстве. Я засмеялась и обрушила на нее целый поток поздравлений и пожеланий.

– Вы молодец! – воскликнула я. – С детишками не тяните, пока медицина бесплатная, надо торопиться. Он как сделал предложение, цветы подарил? Поздравляю, поздравляю, поздравляю!

Я совсем закружила Любовь Григорьевну, и она, совершенно счастливая, рухнув на стул, стала обмахиваться розовой папкой.

– Ты думаешь, я правильно поступила, что согласилась?

– Само собой, зря мы, что ли, столько партизанили! Еще раз поздравляю.

– Это все благодаря тебе, и я хочу, чтобы ты обязательно была на нашей свадьбе.

– А когда свадьба? – поинтересовалась я.

– Через две недели.

– Так быстро?

– Мы дней десять назад подали заявление, но я как-то смущалась сказать.

– А я в отпуск отбываю, где-то на месяц, так что букетик ваш поймать не смогу, но вы его засушите, я потом его заберу.

– Ах, ну да, Виктор Иванович что-то говорил...

– Я уже и заявление написала.

– Тогда поздравляю тебя с отпуском, что-то быстро тебе его дали.

– Заслужила!

Еле сдержалась, чтобы не захихикать. Финансовая директриса всегда ждет от меня какого-нибудь подвоха или чего-нибудь из ряда вон выходящего. Так и есть – Любовь Григорьевна покраснела.

– Да нет, не тем способом, что вы подумали, все было куда прозаичнее.

Просто я помогла Воронцову найти те самые миллионы, на проценты от которых мы теперь покупаем безделушки, вот он и решил меня так отблагодарить. У меня на столе зазвонил телефон, и я поспешила в приемную.

– Фирма «Ланди».

– Это я, – зашипела Альжбетка.

– Не беспокойся,

я тебя еще узнаю.

– Как ты могла нас бросить в такой ситуации...

– А что в мире делается?

– Твоя мама шушукается и обхаживает этого промасленного Арсения Захаровича, Солька пошла на работу, а я тут одна с этими... это, конечно, твоя мама, но ты же понимаешь, что моя жизнь висит на волоске...

– Я приду после обеда, надо утрясти кое-какие дела, я еще даже с Воронцовым не разговаривала.

– Но это так долго!

– Знаешь что, я с мамой прожила больше двадцати лет – и ничего, жива, здорова.

– Но зато у тебя есть отклонения.

– Какие такие отклонения? – заворчала я.

– От нормы, – прошипела Альжбетка.

– Сиди там и слушай, о чем они говорят, – зло прошипела я, – в конце концов, это ты стащила у бедного толстяка его последние сокровища!

– Я не брала у него ничего, я даже его не знаю...

– Вот иди и расскажи ему об этом, ему будет интересно.

Я положила трубку, понимая, что это бесконечный разговор. Я, конечно, не завидую Альжбетке, общение с моей мамой может пагубно отразиться на ее психике, но мне временно не до этого, так что пусть немножко помучается.

Приведя бумаги в порядок, известив всех о своем отпуске и ответив на кучу телефонных звонков, я посмотрела на дверь Воронцова – он еще не приезжал, и я его ждала.

Что бы сказать ему такое... чтобы думал обо мне целый месяц? Я подошла к окну и размечталась. Хлопнула дверь, и я услышала знакомый голос:

– У тебя неплохой вид сзади.

Я резко развернулась.

– Виктор Иванович, какого черта вы опаздываете на работу?!

– Пойдем в кабинет, расскажу тебе все новости.

Воронцов сразу направился к бару и налил в два бокала коньяк, мне не хотелось, но надо, так надо.

– За твой отпуск, – сказал он и сделал глоток.

– Спасибо, – ответила я и последовала его примеру, – вот вернусь, а вы тут без меня совсем зачахли, похудели, осунулись...

Воронцов усмехнулся.

– Я же как раз собирался рассказать тебе новость – я больше не буду работать здесь, у меня своих дел куча, порядок я навел, так что у тебя теперь появится новый начальник.

– Что? – изумилась я.

Эта новость меня вовсе не обрадовала. Воронцов – весьма обеспеченный человек и моим начальником, по сути, оказался случайно. Когда-то он подарил эту фирму своей сестре, и та доверила ее руководство мужу – Селезневу Валентину Петровичу. Супруг

скончался, и Воронцов временно взял бразды правления в свои руки. Я очень надеялась, что это «временно» изменится на что-нибудь более постоянное. Например – навсегда.

– После отпуска познакомишься с новым директором, а я возвращаюсь к своей прежней работе. На это место я нашел вполне толкового парня, так что, думаю, проблем не будет.

– Вы что, – возмутилась я, – бросаете меня?

– Отдаю в хорошие руки, – заулыбался Воронцов.

Вот гад!

– Ладно, – я резко встала и залпом допила коньяк, – надеюсь, он будет помоложе вас, а то, когда вы ходите, раздается скрип ваших древних суставов.

С этими словами я вышла в приемную, и тут вновь зазвонил телефон.

– Это я, – опять сказала Альжбетка.

– И что дальше?

– Мама твоя ушла.

– Я рада за тебя, за себя и за всех, кто живет в нашем доме.

– Но Осиков-то остался!

– А что он делает?

– Сидит и молчит.

– Странно...

– Ничего странного, – вздохнула Альжбетка, – я объяснила ему, что ты у нас главная, и что, пока ты не придешь, ничто с мертвой точки не сдвинется.

– Какая ты молодец, лучше не придумаешь! Сама сокровища затырила, а я разбирайся.

– Анечка, милая, я прошу тебя, приходи скорее, я боюсь его, ты же знаешь, я ничего не брала!

Анечка, Анечка... Да, меня так зовут, и что дальше?! Вечно мне приходится решать все за всех.

И вдруг мне стало действительно жалко Альжбетку, я вздохнула, мысленно прощаясь с Воронцовым, и сказала:

– Скоро буду, жди меня.

– Спасибо тебе.

– А у Сольки сколько сегодня уроков?

– Вроде три, тоже обещала скоро прийти.

– Вот и ладненько, не волнуйся, мы без боя не сдадимся.

Повесив трубку, я стала собирать свою сумку. Пусть только попробует меня остановить... Заглянула в дверь Воронцова и спросила:

– А можно будет считать, что отпуск у меня с сегодняшнего дня?

– Нет, нельзя, – ехидно сказал Воронцов.

– До свидания, – буркнула я, закрывая дверь.

В душе плескались грусть и обида. Ругать за то, что я сбегаю, Виктор Иванович меня не будет, это я знаю, да и неизвестно, вернусь

ли я сюда после отпуска – не хочу другого директора. Не хочу!

Когда я вышла на улицу, зазвонил мой мобильный.

– Что надо? – спросила я, думая, что это уже Солька.

– Отдохни хорошо, малышка, – услышала я голос Воронцова.

– Ладно, – вяло ответила я.

– Сверху у тебя тоже неплохой вид.

Я задрала голову и увидела Воронцова около окна. Милый! Махнула ему рукой, показала язык и направилась к остановке. Много ли надо нам, ненормальным, для счастья...

Дома у Альжбетки я застала следующую картину.

Осиков сидел в кресле с газетой в руках (откуда, интересно, у Альжбетки в квартире газета?) и совершенно бесцеремонно болтал левой ногой в воздухе, нервируя бедную хозяйку. Она теребила край скатерти, робко надеясь, что этот кошмар – все же мираж, который растает в воздухе с минуты на минуту.

– Добрый день, – отчеканила я.

Осиков вскочил, отшвырнул газету – это оказался толстый рекламный проспект, и провозгласил:

– Осиков Арсений Захарович!

Я сочувственно посмотрела на Альжбетку.

– Знаю, мы с вами уже неоднократно встречались, – тактично напомнила я. Забудешь такое, как же!

– Помню, просто теперь, я надеюсь, – Арсений Захарович заходил по комнате, – дело примет иной оборот, более официальный.

– Да будет так, – подняла я глаза к небу.

– Мне нужны мои сокровища!

Мои уши заболели.

– А с чего вы взяли, что мы имеем к этому отношение?

– В основном к этому имеет отношение она, – сказал Осиков, кивая в сторону Альжбетки, – но мне стало известно, что всем здесь заправляете вы, – он остановился и посмотрел мне в глаза, – так что будьте любезны!

Арсений Захарович развел руками, давая понять, что он все сказал и теперь дело за мной. Я по-прежнему ничего не понимала и жутко хотела конкретики. Пожалуй, надо быть более решительной и настойчивой.

– Предъявите улики, пока все, что вы говорите, это лишь пустые слова.

– С удовольствием, – оживился Осиков, чем меня сильно удивил.

Он принялся с достоинством выворачивать карманы брюк, кидая при этом весьма многозначительные взгляды на нас.

На столе оказались Альжбеткина помада, носовой платок, карточка видеопроката, квитанция об уплате за мобильный телефон, два накладных ногтя и замызганный пропуск в один из дорогих косметических салонов Москвы, на котором в правом верхнем углу была приклеена Альжбеткина фотография. Все это принадлежало когда-то Альжбетке, и если говорить об уликах, то тут мы были бессильны, нас приперли к стенке. Правда, пока что это не объясняло ничего. Пожалуй, Осикову было нетрудно узнать, где проживает наша

длинноногая красавица, а до ресторана он нас скорее всего выследил. Представив, как он крался за нашими спинами, я еле сдержала улыбку.

Я посмотрела на Альжбетку.

– Да, это мое, – обрадовалась она и с трепетом стала перебирать любимые вещи, – я это все потеряла...

Альжбетка осеклась.

– Где? – поинтересовалась я.

– Там, где хранились мои сокровища! – воскликнул Арсений Захарович.

– Вы нас извините, – сказала я, – дело, бесспорно, проясняется, но нам надо уединиться на кухне, чтобы уточнить некоторые детали...

– Только недолго, – заволновался Осиков.

– Не беспокойтесь... а кто, кстати, пришил вам карман, мне кажется, он был оторван?

– О! Ваша мама, добрейшей души человек!

Я посмотрела на Альжбетку.

– Она нитки попросила, ну, я и дала, а что было делать...

Я потащила Альжбетку в кухню.

– Ты где это все потеряла? – поинтересовалась я.

– В гараже, в этом ненавистном гараже Селезнева, когда мы деньги искали...

– Точно... у тебя тогда сумка упала, и все рассыпалось...

– Ну да, я собирала все в такой спешке, вот и недоглядела...

Предыдущее приключение здорово заставило нас побегать: полагая, что искомые деньги находятся в гараже моего к тому времени умершего начальника, мы наведались туда с ревизией. Отыскав сейф, мы дико обрадовались, но только открыть его сразу не смогли и не придумали ничего лучшего, как попросту притащить его ко мне в квартиру. В сейфе денег не оказалось (там лежали только образцы пород камней – кусочки мрамора, гранита и прочая белиберда), и нам пришлось искать совсем в другом месте.

– А о каких же сокровищах он твердит? – задумалась я.

– Не знаю, не о деньгах же твоего покойного начальника.

– Ты что, к этому он вообще никакого отношения не имеет, тем более, что в гараже их не было. Пойдем, обрадуем его, что к нам частично вернулась память. Говорить буду я, а ты молчи.

– Хорошо.

В дверь зазвонили.

– Это Солька, – сказала Альжбетка.

– Иди открывай.

Осиков нервно ходил по комнате.

– Мы обсудили создавшееся положение, – начала я, кивая вошедшей Сольке, – но нам хотелось бы уточнить, где именно вы нашли эти вещи?

– В гараже, в гараже моего приятеля Вальки! Он умер, и это ужасно...

Арсений Захарович сел на диван и удрученно посмотрел на нас. Уже лучше – оказывается, мой бывший начальник некогда был его приятелем.

– А ваши сокровища хранились в гараже?

– Ну да, где им еще храниться!

– Логично... а почему вы думаете, что это именно Альжбетка их похитила?

Осиков вскочил и ловко извлек из кучки накладной ноготь.

– Это я нашел в том месте, где все и было спрятано, а это, – Осиков поднял в воздух второй накладной ноготь, – лежало вместе с остальными вещами в кучке около дивана.

Да уж, работа была проделана капитальная, этот Осиков – просто ищейка, да и только, ему бы клетчатое пальто и узенькую длинную собаку на поводке...

– В каком месте было спрятано ваше сокровище?

Осиков посмотрел на нас с явным неодобрением, ему казалось, что мы морочим ему голову.

– В сейфе, конечно, – пожал он плечами, – а сейфа там больше нет, только пыльный квадрат на полу остался.

Мы так и сели.

– Так вам камни эти нужны, – выпалила Солька, – так бы сразу и сказали!

Осиков расцвел, ему было приятно осознавать, что его наконец-то поняли и слышали.

– Камни! Да, камни, верните мне их, пожалуйста.

Сейф проживал у меня на балконе, на нем стояла старая лампа, которую мама все грозилась забрать, а мне уже давно хотелось ее выкинуть... значит, ему нужны эти булыжники, сколько возни из-за ерунды... Наверное, мой бывший начальник увлекался раскопками и географией или еще чем-нибудь в этом роде, если набил свой сейф природными материалами.

– Пойдемте, – сказала я, – сейф у меня на балконе, мне его Валентин Петрович на хранение отдал, говорит: «Пусть у тебя постоит, а то я ремонт в гараже затеял».

– Так вы знали Вальку?! – воскликнул Осиков, пытаясь меня обнять.

Я тактично отстранилась и сказала:

– Вообще-то, это мой бывший начальник, мы работали вместе, пойдемте, я отдам вам камушки.

На балконе было свежо, и я с удовольствием глотнула прохладного воздуха. Этот суетливый Осиков измотал меня просто до невозможности.

– Забирайте своего железного друга, – сказала я, указывая на ладненький сейф, который мы с таким трудом втащили сюда.

Осиков вдруг изменился в лице, бросился к сейфу, распахнул его и... стал выбрасывать коробочки с камнями, как будто это ненужный хлам...

Нашему удивлению не было границ. Еще недавно этот человек трепетно называл эти булыжники сокровищами... теперь же было похоже, что он интересуется совсем другим и камни для него не имеют никакого значения...

Выкинув почти все на пол, Арсений Захарович углубился в изучение старых потрепанных журналов.

– Простите, – начала Солька, – но разве это не то, что вы искали?

Она указала на кучу прозрачных коробочек с булыжниками разной величины.

– Нет, что вы, это просто камни, детские забавы, никому не нужная коллекция...

– Но вы же кричали – отдайте мне мои камни, – напомнила я.

– Ну да... не мешайте...

Осиков продолжал копаться в журналах, он листал их, тряс, рассматривал газетные вырезки и какие-то схемы, казалось, он не видит и не слышит нас. Из одного журнала выпала заляпанная карта. Осиков вскочил и заметался. Я убрала светильник с сейфа, и он смог расстелить карту.

– Вот! – воскликнул он, тыкая в какие-то леса и поля, – здесь мои камушки!

Мы переглянулись: надежда на то, что он умственно здоров, опять начала таять как дым.

Свернув карту, Осиков сказал:

– Я пошел, спасибо.

– Идите, – кивнула я.

Маленький мужчина зашагал в коридор, мы остались на балконе.

– Что-то мне это не нравится, – сказала Солька.

– Мне тоже, – прошипела Альжбетка.

Я промолчала: дверь квартиры была закрыта, а ключи лежали в моем кармане.

Осиков вернулся и с недоумением посмотрел на нас.

– Там закрыто, – сказал он.

– Я знаю.

– Так откройте, – пожал плечами Арсений Захарович.

– И куда вы пойдете? – спросила я, чувствуя, что на моем балконе хранилось нечто большее, чем горсть отбитых камней.

– В лес, по карте, – сообщил Осиков.

– Один? – вопрошала я. – А вы волков не боитесь?

Арсений Захарович вдруг побледнел.

– Вы же никому не скажете, что я здесь был? Так?

Я почувствовала, что затронула болезную тему...

– Значит, эти камни, – я указала на пол, – не являлись пределом ваших мечтаний, значит, вас интересует кое-что другое?

– Вы можете нам довериться, – душевно пропела Солька, – мы и так уже знаем очень много, – добавила она уже другим тоном.

– Я предлагаю вам рассказать нам все. Вы как на это смотрите? – спросила я.

Арсений Захарович помедлил, вытер выступивший на лбу пот, тяжело вздохнул и сказал:

– Согласен, тем более, что мне одному, наверное, не справиться.

Глава 3

Мы узнаем многое, но я уверена, что не все

Предвкушая нечто интересное, мы удобно расположились на диване и приготовились слушать.

– Не так давно... – начал Осиков, но я тут же его перебила:

– Сколько лет назад?

– Девять... – смутился Арсений Захарович, – я был вынужден уехать на какое-то время...

– Куда? – поинтересовалась Солька.

– Вы что, будете меня все время перебивать? – возмутился Осиков, вскакивая с кресла.

Альжбетка своим профессиональным томным взглядом усадила его на место.

– Поймите, Арсений Захарович, нам нужна полная картина происходящего, только тогда этот разговор имеет смысл.

Я уважительно посмотрела на Альжбетку, Солька победно закивала.

– Так где вы провели эти девять лет? – поинтересовалась я.

– В тюрьме... – взвизгнул Осиков, – но это ничего не значит, в те времена очень многие интеллигентные люди оказывались взаперти!

Мы переглянулись.

– Я приблизительно догадываюсь, за что сидели в тюрьме интеллигентные люди, но хотелось бы поподробнее узнать вашу причину пребывания за колючей проволокой.

Арсений Захарович тяжело вздохнул и сказал:

– Бриллианты.

– Что?! – воскликнула Солька.

– Вот это да.... – протянула Альжбетка.

– Это весьма свойственно интеллигентным людям того времени, – улыбаясь, сказала я.

– Напрасно, напрасно вы думаете, что я украл их, вовсе нет, я занимался бизнесом, это сейчас так называется? – поинтересовался Осиков.

– Так, так, вы рассказывайте, – торопила Солька, глаза ее горели.

– Мы скупали бриллианты, которые производили из краденого якутского сырья...

– Вы сказала «мы», давайте подробнее, – попросила я.

– Я и мой напарник... он умер в тюрьме... и все по праву принадлежит мне!

– Конечно, конечно, – закивала Солька.

– Когда мы уже вложили достаточную сумму денег и решили начать новую жизнь, тут-то и пошли все наши напасти...

– А сколько было бриллиантов? – поинтересовалась Альжбетка, уж она-то в этом точно разбирается. Любовники всегда проходят жесткий конкурсный отбор и впоследствии балуют ее, чем только могут. Альжбетта в запросах скромна, но требовательна.

– Мешочек, – смутившись, потупив взор, сказал Осиков.

– А в денежном эквиваленте? – строго спросила Солька, собрав в кучу весь свой словарный запас.

– Я не знаю... я же в тюрьме сидел... но так прикинул... сейчас это где-то два миллиона долларов... там много крупных камней...

– Маловато будет, – сказала Солька.

– Да вы что, это же такие деньжищи! – возмутился Арсений Захарович.

Он, бедный, не знал, что еще совсем недавно мы пытались украсть на миллион больше.

Я «загасила» Сольку взглядом и спросила:

– А где вы брали средства на покупку этих крупных бриллиантов?

Арсений Захарович сцепил пальцы и резко дернул головой.

– Мы немного воровали... вагонами...

Я прикрыла глаза, представляя, как Осиков интеллигентно ворует что-то вагонами.

– Вы же говорили, что занимались только бизнесом и не брали чужого? – уточнила я.

– Я сказал, что бриллианты мы не воровали, а все остальное... я вообще не буду ничего рассказывать, – надулся Арсений Захарович.

– Обещаем вас больше не перебивать, – сладко улыбнулась Альжбетта.

– Мы с напарником работали на железной дороге, я был начальником станции, а Служаков, фамилия у него такая, – помощником, грузы разные шли... мы вроде сначала брали понемногу, а потом дело как-то быстрее пошло... Я до этого в училище преподавал историю...

Еще один преподаватель на мою голову. Я посмотрела на Сольку: могла бы, интересно, она воровать вагонами?..

– Но училище наше закрыли, городишко-то маленький, вот и сделался я почти сразу начальником на станции, там все и закрутилось...

– Ну, с вашим интеллигентным прошлым более-менее понятно, а теперь расскажите, как все это оказалось в сейфе, который сейчас стоит у меня на балконе.

– Так Селезнев приятелем моим был... вот ведь, умер уже...

– Не отвлекайтесь, – торопила Солька, капая слюной на пол от жадности.

– Мы уже знали, что наши противозаконные действия почти раскрыты, так что сели в проходящий мимо поезд на Москву, и все – прощайте, родные края. Приехали – и мечемся по платформе, куда податься, не знаем. Очень боялись, что по нашему следу милиция уже идет. Я тут про Селезнева и вспомнил, думаю, Валька поможет, мы с

ним по молодости в походы ходить любили, это потом уже жизнь раскидала...

– Он, значит, вам помог? – постаралась направить разговор в нужное русло Альжбетка.

– Ну да, я ему позвонил и спросил, не мог бы он у себя мою диссертацию попридержать, ну, как будто я уезжаю ненадолго, а она у него полежит. Мы с напарником подумали, что, пока наши сокровища побудут в надежном месте, мы пару месяцев в городе побродим, заметем следы, а потом уж и заживем честной жизнью.

Я просто умилялась, глядя на этого невозможного человека.

Осиков почесал нос и добавил:

– Вальку-то мы не хотели особо впутывать, вдруг бы у него неприятности начались, вот я и ляпнул про диссертацию, и тут такая удача! Он, оказывается, едет в отпуск охотиться и рыбу ловить, и уже на чемоданах сидит. У нас домик охотничий был, по молодости часто куролесили – развалюха, но жить можно... далековато, двое суток на поезде и пешком полдня, зато там речка, хочешь, рыбу лови, хочешь, купайся, капканы когда-то ставили...

– Вы не отвлекайтесь, – гнула свою линию Солька.

– Ну вот, он в те края и направлялся, у него поезд через три часа был. Мы решили, что лучше и не придумаешь. Бриллианты у нас в мешочке в коробке лежали. Я накупил журналов, у меня еще тетрадка с лекциями в рюкзаке завалялась, мешочек на дно, а сверху все бумажной ерундой завалил, коробку на вокзале в холщовый мешок обандеролили, печать сургучную поставили. Коробка-то небольшая вышла, она Вальке не в тягость бы была. Встретились мы с Валькой часа через полтора, я ему коробку передал и попросил сохранить до времени. Он сказал – возьму с собой, там, в доме оставлю, никому мешать не будет, не возвращаться же из-за нее. Поболтали мы

немного, выпили, вспомнили, как раньше охотились... Он уехал, а нас через два часа недалеко от вокзала в пельменной арестовали...

– Ну а сокровища-то ваши где? – нетерпеливо спросила Солька.

– Так лежат они, голубчики, где-то в лесу, – Осиков протянул нам карту, – Валька обратно в Москву поехал, да коробку мою не взял, спрятал в доме и забыл про нее. Я не объявлялся, он и не вспоминал о ней. А недавно я ему позвонил, дело-то уже к освобождению шло, про диссертацию напомнил, так он ответил – не волнуйся, все нормально, жива, мол, твоя диссертация, только вот ехать за ней надо... А я в этом охотничьем домике лет тридцать не был, я и дороги туда не помню. Валька пообещал, что вместе поедem, и он мне все покажет. Но я так разволновался, ведь все эти годы только о бриллиантах и думал, это же мой шанс начать новую жизнь.... Я спросил на всякий случай, где хоть приблизительно домик этот. Валька посмеялся и сказал, что у него в гараже, за домом, сейф стоит со всяким барахлом, там старая карта валяется, не заблудимся... А коробку Валька надежно припрятал, в лесу кабаны, да и охотник какой заглянуть может, успокоил меня... Он и в гости звал, адрес написал... Приехал я, а тут такое... его и в живых нет! Я забегал, засуетился, все узнал, ночью в гараж этот полез, а там ничего и нет, кроме вот вещичек вашей обворожительной подружки.

Альжбетка расплылась – сплошное удовольствие.

– Это что же, нам надо ехать туда? – поинтересовалась Солька.

Арсений Захарович раскрыл карту и показал нам витиеватые дороги, речки и зеленые пятна леса.

– Вот, где-то здесь, – ткнул он пальцем в черный крестик, нарисованный когда-то Селезевым.

Вот ведь ирония судьбы – Селезев и не знал, какие богатства хранит.

Солька забежала по комнате. Я в недоумении смотрела на нее, пытаюсь понять ход ее мыслей. Наконец-то она нашла чистый лист бумаги и ручку, села и начала что-то писать.

– Ты чем это там занялась? – поинтересовалась я.

– Увольняюсь, – пробормотала она, – тут такие дела творятся, увольняюсь, и точка...

Подобное известие нас с Альжбеткой шокировало, мы знали, как трепетно Солька относится к своей школе, а главное, к оранжерее, в которой она уже несколько лет выращивает лютики.

– Ты хорошо подумала? – спросила я.

– Два миллиона долларов, чего тут думать, – пыхтя над заявлением, ответила Солька.

Я повернулась к Арсению Захаровичу.

– Значит, вы берете нас в дело?

– Беру, – решительно кивнул он, – с вами мне как-то спокойнее.

Я чувствовала, что есть небольшая загвоздка, о которой наш новый друг явно умалчивает.

– А что вообще может тут беспокоить, поехали да и взяли свои сокровища?

– Как-то волнительно одному с такой суммой...

Я не стала выпытывать все подробности, а решила договориться о нашей доле – сейчас он размяк, и самое время делить шкуру неубитого медведя.

– И какую часть вы готовы отдать нам? – поинтересовалась я.

Солька замерла и перестала писать свое заявление.

– А сколько вы хотите?

Это хороший вопрос, наглеть не стоит, но и упускать такой шанс нельзя.

Девчонки посмотрели на меня. Я собрала мозги в кучу и сдвинула брови.

Еще недавно мы обсуждали идею открытия своего дела, вот к этому, решила я, и надо стремиться. Полученные от бриллиантовых сокровищ деньги делить мы не будем, с их помощью мы шагнем на новую ступень.

– Сорок процентов, – сказала я.

Девчонки посмотрели на меня с изумлением: уверена, они думали, я скажу пятьдесят. И я бы сказала, но что-то во мне екнуло: все же Осиков сидел девять лет в тюрьме, могу я ему сделать щедрый подарок в виде нескольких процентов?

– Но я полагал, – опять вскочил Арсений Захарович, – что десяти процентов будет достаточно!

Я усмехнулась. Ну почему мы всегда берем на себя самую ответственную работу, а платят нам только десять процентов? Посмотрела на Осикова – он нервничал, но не из-за той ставки, которую я заломила: было и что-то еще.

– Сорок процентов, – твердо сказала я, – всех поздравляю, торги закончены.

Осиков, сраженный, плюхнулся в кресло и опустил плечи.

– Не падайте духом, все расходы на это путешествие мы берем на себя, – приободрила я его, – теперь давайте оговорим условия. Вы, Арсений Захарович, больше не бегаете по земному шару и не кричите на каждом углу о своих сокровищах, и вообще, это касается всех.

Я посмотрела на каждого и получила утвердительные кивки.

– Едем уже завтра, нечего тянуть, сейчас займемся изучением маршрута. Вещей берем минимум.

– Там километров двадцать – двадцать пять пешком идти, – сказал Осиков.

– Это в те времена, – отмахнулась Солька, – я уверена, что сейчас там уже метро проложили.

В дверь позвонили, и я пошла открывать. На пороге стоял Славка. Посмотрев на свою обожаемую училку ботаники, он протянул:

– Соля, ты скоро?

Ударение в ее имени он сделал на последний слог, ах, как это мило...

– Соля уезжает, – злорадно сказала я и добавила для большего удовольствия: – надолго.

– Это еще зачем? – спросил удивленный Славка.

Стесняясь и явно не зная, что говорить и делать, Солька засуетилась. Встала, села и икнула.

Я посмотрела на Осикова, на его нервно подергивающийся глаз, потом посмотрела на Славку, на его рослую фигуру и крепкие руки и поняла, что Сольке положено свадебное путешествие.

– Знаешь что, Славка, – начала я, – Солька – наша лучшая подруга, а о тебе мы не много знаем, так что, пожалуй, пришло время поближе познакомиться. Собирай свои вещи, мы едем заниматься групповым туризмом и нам как раз не хватает для этого дела вот такого плечистого партнера.

Осиков посмотрел на меня чуть ли не с благоговением, по всей видимости как вожак стаи я была хороша, а Славка как страж – еще лучше. Зачем же ему столько охраны... Вот в чем вопрос!

– Куда это мы едем? – пробубнил Славка.

Солькиной радости не было предела, она вытолкнула Славку в коридор, чмокнула меня в щеку (терпеть не могу эти слюни) и, убегая, сказала:

– Спасибо, век не забуду!

Я ухватила ее за руку и прошептала:

– Надеюсь, ты понимаешь, что лишнего болтать не надо!

– Конечно, – уверенно кивнула Солька.

То, что касается денег и разного рода богатства, тут она сечет на раз.

Жизнь завертелась и закружилась.

Я села изучать карту, Альжбетка время от времени бегала к себе копаться в Интернете, выискивая изменения на местности. В конце концов мы определились с пунктом назначения, и Осиков с Альжбеткой поехали покупать билеты.

Арсений Захарович отказался переночевать у меня – странно, он как-то смутился, когда я это ему предложила, и сказал, что у него свои

планы на вечер и что он не хочет приходить поздно, и еще нагородил всякую ерунду...

Я не стала напирать, дело его, в конце концов, и мы просто договорились встретиться в назначенное время около нашего четвертого вагона.

Новый день стал для меня каким-то волнительно-приятным, было такое чувство, как будто я еду в пионерский лагерь. Прихватив легкий рюкзачок, упакованный с вечера, я отправилась собирать всю команду.

Взять с собой Славку было отличной идеей, я видела, как светятся Солькины глаза, и к тому же он нес все наши вещи.

– Какая у нас платформа? – поинтересовалась Солька.

– Я не люблю поезда, надо было самолетом, здесь так пахнет, – возмущалась Альжбетка, наперекор всему цокая высоченными каблучками.

– Поезд наш уже стоит, давайте веселее, где там этот Осиков?

Арсений Захарович стоял около четвертого вагона. Он был по-прежнему излишне полноват, и по-прежнему его волосы были накрепко приклеены гелем к голове, в нем было все, как всегда, все как обычно... вот только он был не один... за руку он держал мою маму...

Ноги сразу подкосились, и, будь я не так закалена жизненными трудностями, я бы рухнула на перрон или, того хуже, возомнила бы себя Анной Карениной и забегала бы по вокзалу в поисках прибывающего поезда, но я не могу позволить себе такую роскошь...

– Мама, а что ты здесь делаешь? – поинтересовалась я стальным голосом.

– Я еду с вами, – улыбнулась она, – Арсений Захарович любезно пригласил меня попутешествовать с ним.

Ах ты, толстый енот, ах ты, улитка скользкая, ах ты, жук колорадский, ах ты, саранча на початке кукурузы... ах ты, негодный Арсений Захарович...

Осиков потупил взор, понимая, что о подобном предупреждают заранее, лучше письменно, в трех экземплярах, чтобы рвать и метать, рвать и метать...

– Очень приятно, что вы поедете с нами, Мария Андреевна, – будто чокнулась от радости Солька.

– Все по вагонам, – скомандовала я, не сомневаясь, что моя мама уже не один час прижимает к сердцу билет на поезд и что никакими клещами у нее его не вырвать.

Осикова я схватила за рукав и прошипела:

– Надеюсь, вам хватило ума не рассказывать всего моей разлюбленной маман?

– Нет, что ты, – замотал он головой, – как бы я сказал столь удивительной и прекрасной женщине, что сидел в тюрьме?

– Уже лучше, – прошипела я, слабо понимая, кого это он сейчас назвал удивительной и прекрасной.

Глава 4

Мы едем, едем, едем...

Когда мама стала выкладывать на откидной столик копченых кур, зелень, помидоры и прочую вкуснятину, я посмотрела на нее с

изумлением. Не то чтобы моя мама раньше прохладно относилась к продуктам питания, но чтобы вот так, среди белого дня позаботиться о ближнем своем... Это заслуживало моего удивления.

Я с уважением посмотрела на Осикова. Так вот каким человеком надо быть, чтобы моя мама среагировала должным образом!

Осиков с улыбкой на лице поглядывал в окно и, по всей видимости, даже и не предполагал, какое счастье на него свалилось. Что там бриллианты, когда теперь на свете есть человек, который с трепетным беспокойством мечтает только о нем.

Я еще раз покосилась на копченых кур, вздохнула и спросила:

– А как так получилось, что на вокзале вы оказались вместе?

Я догадывалась о четком мамином плане, но все же хотелось услышать обо всем из первых уст.

– Вчера мы познакомились с Арсением Захаровичем, – начала мама, – ты же сама была свидетелем этой судьбоносной встречи!

– Вот мне интересно: чем это она так судьбоносна?.. – скривилась я.

– Не так часто, знаешь ли, встретишь образованного и душевного человека в наше время. Арсений Захарович – тоже преподаватель, и это нас сблизило просто мгновенно.

Осиков, все так же улыбаясь, закивал в подтверждение маминых слов. Я заметила, какие взгляды кидает на курицу Славка, и решительно отломила от нее коричневую ногу, дополнила это помидориной и протянула нашему... я не успела придумать, как бы мне посимпатичнее назвать Славку, я не успела оценить блеск его глаз при виде приближающейся к его рту курицы, как моя мама спросила:

– А вы и есть жених Ефросиньи?

– Ешь, – скомандовала я Славику, и он машинально набил рот курицей.

Временно как собеседник он был обезврежен.

Дело в том, что однажды я немного наврала маман про Славика, сказала, будто у него свой бизнес в виде лесопилки (как-то не хотелось говорить, что он выпиливает гробы) и что скоро он женится на нашей замечательной училке.

– Да, жених, – хладнокровно выдала Альжбетка, жуя веточку петрушки.

– А где находится ваша лесопилка? Арсений Захарович, представьте себе, у Вячеслава своя лесопилка.

Осиков побледнел: было понятно, что еще совсем недавно он сам пилил лес.

– Мне кажется, мама, вы соскочили с темы, – угрожающе вертя в руках огурец, сказала я.

– Что? – переспросила она.

Надо было спасти Сольку и Славку.

– Я так и не поняла, как так оказалось, что мы едем в одном вагоне?

– Ох! Я же не все рассказала... – всколыхнулась моя мама, – пока ты была на работе, мы пообщались и о многом поговорили с Арсением Захаровичем и договорились встретиться вечером.

Осиков покраснел и нервно посмотрел на меня.

– Так вот что за важная встреча сорвала вас с места, – усмехнулась я.

Осиков покраснел еще больше. Тот еще жук!

– Мы прекрасно провели время, гуляя по парку, – продолжила мама, – там вкратце я узнала о ваших планах, а я так давно не была на природе!

– И, конечно же, Арсений Захарович был так мил, что не сумел отказать тебе в этом маленьком удовольствии, – проворчала я, сверля Осикова гневным взглядом.

– Разве такой замечательный человек может огорчить женщину, – кокетливо пропела маман.

Может, ибо он огорчил меня.

В купе было жутко тесно, а есть мне вовсе не хотелось, так что я вылезла в коридор, открыла окно и стала наблюдать за мелькающими передо мной деревьями.

Вообще-то мне хотелось, чтобы Славка был в нашем купе, а мама с Осиковым в отдельном, но это было нереально... Теперь придется ехать почти двое суток с мамой... Есть ли справедливость на свете?

Я приоткрыла дверь и спросила:

– Мама, а если у вас с Арсением Захаровичем так много общих тем и вам так приятно находиться друг с другом, может, мы возьмем к себе Славку на растерзание, а вы там устройте педсовет в своем купе?

– Что ты, – возмутилась мама, – жених и невеста не могут проживать вместе до свадьбы!

– А что, – обалдела я, – вы с Арсением Захаровичем уже обручились?

Мама гневно сжала губы.

– Я говорю про Ефросинью и Вячеслава.

Солька поперхнулась курицей, а Славку, мне кажется, просто пробил холодный пот.

– Я лично собираюсь не спать всю ночь, чтобы следить за нравственностью в этом отдельно взятом купе, – напирала я.

– Это исключено! Мужчина всегда добивается своего, а невеста потом плачет у алтаря в одиночестве, – сказала мама и закрыла перед моим носом дверь.

Ладно... ладненько... дорога длинная, а память у меня хорошая... Эх, а так все чудесно могло получиться.

Нам вообще как-то повезло: поезд полупустой, никто не бегает, не суетится, а в купе у Славки и Осикова даже нет соседей, будут там куковать вдвоем.

Решив себя развлечь, я отправилась изучать план остановок. Хлопнула дверь, и в вагон вошел мужчина, лет на пять постарше меня. Он был неряшливо одет и все время оглядывался по сторонам, хотя в пустом вагоне вести себя так было как-то странно. Я делала вид, что изучаю информацию, сама же косила в сторону вошедшего мужчины.

Увидев, что, собственно, никого нет (я была не в счет, видно, хорошо слилась с интерьером), он медленно дошел до купе Арсения Захаровича и Славки и ловко скользнул за дверь.

Я бы, конечно, начала махать руками в воздухе, вызвала бы пожарных, милицию и «Скорую помощь», но, собственно, зачем... в этом купе не было никаких вещей, ничего интересного – пусто. Наши сумки находились под чутким оком маман в другом купе, там, где сейчас с большим аппетитом поедалась копченая курица.

Мужчина, слегка дергая плечом, вышел в коридор, разочарование застыло на его лице – нарушение границы не принесло желаемых результатов. Я продолжала смотреть на расписание, проговаривая про себя названия станций: Зеленая, Садовая, Мхи, Средняя Луговая...

Пожилая женщина, охая, вышла из последнего купе и, недобро посмотрев на незнакомца, заворчала. Мужчина направился в мою сторону, чтобы покинуть вагон тем же путем, каким и появился.

– Где же он, где же он... – услышала я за спиной его шепот.

Дверь опять хлопнула, и неопрятный мужчина направился в соседний вагон.

Значит, все просто, говорите, Арсений Захарович: приедем, найдем и уедем, и мамочку мою прихватили для душевной прогулки... ага, как же, не зря вы нам сорок процентов не пожалели... Уж мамочка моя вам с рук не сойдет...

Этот тип точно искал Осикова! Узнал, в какое купе тот купил билет, и приходил его проведать, вот только ему в голову не могло прийти, что Арсений Захарович окружил себя немалочисленным обществом и сейчас совсем неподалеку, под трепетным взглядом моей родительницы, сидит и лопает помидоры и курицу.

Итак, у нас нарисовался враг.

Мама активно стелила постель, рассуждая вслух обо всем на свете одновременно. Мужчины удалились к себе, Альжбетка с Солькой понуро сидели рядышком, вздыхая и поглядывая на меня. Я стояла у двери, создавая дополнительную тесноту.

– А все же приятный этот человек, Осиков, – говорила моя мама, – преподаватель. А чай нынче в поездах гадкий, надо было взять заварку из дома. Альжбетта, ты все еще одна?

– Мама, ты об этом будешь спрашивать каждую неделю?

– Нет, каждый день, потому что вы за своими гулянками забываете, в чем состоит долг женщины.

– А в чем он состоит? – опрометчиво поинтересовалась Солька.

– Родить как можно больше детей, – четко ответила моя мама. Приподняла правую бровь и фыркнула.

– Ну и как? – вздыхая, спросила я. – Тебе удалось выполнить свой долг?

– У меня еще вся жизнь впереди, – официально заявила маман.

Я села рядом с девчонками и уставилась в окно.

– Все же превосходно, что мы едем на природу, как мне надоели эти санатории, там все равно не лечат, а какой там контингент, фу... А где мы будем жить? – вдруг мама задала уместный вопрос.

Я так понимаю, что, отправляясь за тысячу километров от дома, она раньше об этом и не задумывалась: ох, чует мое сердце, называть мне Осикова папой!

Собственно, растягивать путешествие мы не собирались, предполагалось, что мы переночуем только одну ночь в охотничьем домике (почему-то нам казалось, что бриллианты будут найдены в первый же день), а затем повернем обратно.

– Там неподалеку есть туристическая база, – сказала Альжбетта, – я в Интернете нашла на всякий случай.

Я с уважением посмотрела на Альжбетку.

– Интернет... знаю я этот Интернет, знаю, чем вся молодежь там занимается.

– И чем же? – поинтересовалась я.

– Туда заходишь, – сказала мама, надевая наволочку, – и просто падаешь.

– От чего? – изумилась Солька.

– От разврата, конечно, – негодуя пожала плечами моя мама, – там все делают что хотят.

Чтобы прервать эти безумные разговоры, я толкнула Альжбетку и сказала:

– Стели постель, а мы пока с Солькой в коридоре потолкаемся.

Альжбетка лихорадочно вскочила и, путая простынку с пододеяльником, стала натягивать на матрас совсем не то, что полагалось.

Поезд, постукивая колесами, прокладывал путь к нашей цели.

– Твоя мама, это просто... – поперхнулась словами Солька.

– Скажи спасибо Арсению Захаровичу, его инициатива.

– Может... ее как-нибудь вернуть?

– Разрешаю тебе заняться этим, – скептически скривилась я.

– Меня утешает только то, что путешествие не займет много времени, найдем этот шалаш, заберем сокровища, а как вернемся, сразу же откроем свое дело, ты же уволишься теперь?

– Что значит теперь? – поинтересовалась я.

– Ну, – замялась Солька, – теперь, когда Воронцов ушел, зачем тебе работать секретаршей на чужого дядьку? Прошу тебя, давай займемся своим бизнесом, у нас получится.

– Уволюсь, – кивнула я, стараясь не показывать Сольке навалившуюся тоску.

Ах, Виктор Иванович...

– Вот и отлично! Значит, уже скоро в Москве появятся три свободные от забот бизнес-леди!

– Бриллианты надо еще найти и довести до дома, – сказала я, – пока вы тут лопали курицу, я кое-что видела.

– Что?

– Какой-то тип заходил в купе Арсения Захаровича. Сдается мне, не все так чисто в рассказанной им истории – не очень я доверяю интеллигентам, воруящим вагонами.

– Какой еще тип? – не поняла Солька.

– Неряшливый и не слишком хорошо пахнувший, – ответила я, – пришел из соседнего вагона, я вон там стояла, – я махнула рукой в сторону расписания.

– И что?

– Ты меня слушаешь? Он хотел видеть Осикова и залез в его купе.

– А откуда ты знаешь, что он не просто так здесь шатался? – зашептала Солька, открывая окно. Видно, от новости, которую я сообщила, ей стало душно.

– Поверь мне...

– Опять твоя интуиция? – ехидно спросила Солька.

Ох, как же ей не хотелось верить в то, что у нас могут быть проблемы, ох, как же не хотелось!

– Представь себе, интуиция, – тихо сказала я, – он крался, потом бормотал – «где же он, где же он». Этот тип искал конкретного человека, а кого можно искать в одном из наших купе, Славку, что ли?

– Может, ты и права, – задумалась Солька, – а что теперь делать?

– Ничего, надо быть бдительными. При случае расскажем о незнакомце Альжбетке, и будь осторожна с моей мамой, у нее уши улавливают любое колебание воздуха.

– Скорей бы все это закончилось, – вздохнула Солька. Можно не сомневаться, что в мыслях она уже ласкала переливающиеся бриллианты, выстраивала их в ряд и блаженно закатывала глаза.

– Приехать на место – не такое уж и важное дело, надо еще найти коробку Осикова.

– Не думаю, что этот домик большой, отыщем.

– Мы даже не знаем, зарыта она или просто убрана, – покачала я головой.

– Будем надеяться на твою интуицию, – захихикала Солька.

– Будем, – серьезно ответила я.

Глава 5

День сплошного туризма заканчивается шоком; мы в раздумьях

Дорога пролетела незаметно, и если бы не удручающие взгляды на жизнь моей оригинальной маман, можно было бы сказать, что все прекрасно.

Неряшливый мужчина больше не появлялся, а мои прогулки по вагонам не дали никакого результата: я его нигде не встретила. Скорее всего, он всю дорогу сидел в своем купе.

– Ах, как приятно твердо стоять на земле, а не трястись в вагоне, – сладостно пропела Альжбетка, раскинув руки в стороны.

– Бери свой чемодан, – сказала я, – пойдём искать метро, помнится, нам его Солька обещала.

Кругом наблюдалась совершеннейшая красота. Погода была солнечная, а деревья, трава, цветы – все это казалось таким... живым, что ли... Короче, природа, она и есть природа.

– Давайте свои сумки, – сказал Славка и с ловкостью избавил нас от половины багажа.

Мама надела желтую панаму в коричневую клеточку, важно оглядела окрестности, подергала носом, точно пытаясь распознать витающие в воздухе ароматы, и спросила:

– Где здесь можно поймать такси?

Перегнувшись через перила перрона, я увидела телегу, запряженную лошадью, и сказала:

– Надо спуститься вниз, такси уже ждет.

Мы всем цыганским табором направились к лестнице, бодрость и непонятная радость растекались улыбками на наших лицах.

На телеге сидел приятный старикашка и курил самокрутку.

– Доброе утро! – приветствовала я его.

– Добренько вам, – ответил старичок.

– Нам в сторону деревни Луковка, не подскажете, где здесь автобусная остановка?

– Подскажу, – сказал старикан, глубоко затягиваясь, – вон там.

Мы дружно обернулись.

Около сломанного дерева стоял старый ржавый малюсенький автобус с выбитыми окнами и покосившимися дверьми. Люблю хорошие шутки!

– Это что? – спросила я.

– Последний автобус на вашу деревню.

– Так он жедохлый! – предъявила я вескую претензию.

– Как естьдохлый, уж года три, как откатал свое. Погиб смертью храбрых, светлая ему память.

– Нам бы другой, – отпихивая меня в сторону, сказала Солька.

– Так другого нет, – пожал плечами наш собеседник.

– А как же нам добраться до Луковки? – с надеждой в голосе спросил Арсений Захарович.

– Так нет вашей Луковки, уж, почитай, года два нет, а может, и более.

Мы дружно издали стон отчаяния и сплотили ряды – скучковались и жалобно посмотрели на старичка.

– А что есть? – поинтересовалась я, надеясь хоть на какие-нибудь остатки цивилизации.

– В тех краях теперь по одну сторону дома брошенные, местами головешки только и остались, а по другую сторону туристы, – дед усмехнулся, – потешный народ приезжает, рыбы уж давно нет, самая малость рыбы-то осталась, а они налегке... Приедут – и давай сети кидать, так голодные и сидят.

– Что, совсем рыбы нет? – забеспокоился Славка, который взял с собой удочку.

– Я ж говорю, малость есть, но не прокормишься.

Альжбетка нервно заходила около лошади, той это не понравилось, она фыркнула и заржала. Длинноногая красавица взвизгнула и, не скрывая навалившегося на нее страха, отскочила за надежную спину моей мамы и там замерла, изредка шмыгая носом.

– Значит, люди там живут? – уточнила я.

– Живут, куда им деться, да и магазинчик раз в неделю приезжает – терпимо.

Старичок казался мне странноватым, но поговорить толком было больше не с кем.

С поезда мы сошли вроде одни, я смотрела на перроне, не прошмыгнет ли тот неряшливый мужчина, но с этими вещами и охающей маман все же пару раз отвлеклась.

Сейчас же в радиусе километра у нас точно был только один собеседник, и он находился перед нами.

– А как туристы добираются до этой базы? – поинтересовалась я.

Мой вопрос взбудрил Альжбетку, она вновь вышла на передний план и даже схватилась за край телеги.

Старичок добродушно улыбнулся и ответил:

– Пешком, на то они и туристы.

Альжбетка ахнула.

– Я же говорил, что далеко идти, – сказал Осиков, и моя мама посмотрела на него с любовью и уважением.

– Так туда целый день топать, – тяжело вздохнула я.

– Поменьше будет, – покачал головой дед. Он немного подумал, затушил окурок и добавил: – Часам к шести дойдете.

– А сейчас сколько? – поинтересовалась Солька.

– Восемь, – выдохнула возрастающее отчаяние Альжбетка и посмотрела на свои туфли с вечным десятисантиметровым каблуком.

– А почему деревня вымерла? – поинтересовалась я.

– Так молодежь в город, как и положено, подалась, а наш стариковский век недолог. Да вроде там скоро санаторию построят, там еще три дома из богатых есть, вроде они к санаторию дела имеют.

– Понятно.

Значит, до Луковки мы в лучшем случае дойдем к шести, но нам надо еще в сторону где-то с километр пройти – домик наш стоит на отшибе в лесу.

– А давайте вы нас подвезете, а уж мы в долгу не останемся, – предложила я, с надеждой глядя на старичка.

Он почесал затылок и сказал:

– Моя лошаденка вас не потянет, да и мне совсем в другую сторону.

– Тогда вы вещи повезете, а мы рядом пойдём, – вмешался Славка.

– Никак невозможно, – закачал старикан головой, – мне в свою деревню надобно, я в Рыбацкой живу, вот сейчас продукты привезут, я нашим бабам куплю, что заказывали, и обратно.

– Мы вам хорошо заплатим, – пообещал Осиков, приглаживая липкие волосины на голове.

Он хорошо заплатит моими деньгами – молодец! Надо стащить у него банку с гелем, а то стыд и срам ходить с такой прической.

– Нет, – решительно отказался старикан, – вот дорога, по ней и идите, не заблудитесь. Гулять даже полезно, это я вам говорю, как долгожитель здешних мест.

Уточняя, сколько ему лет, я не стала, посмотрела на дорогу и скривилась – не очень-то хорошее у нее состояние.

– А как же санаторий, ведь машины до него как-то добираются?

– Это вам надо было еще одну остановку на поезде проехать, там шоссейная дорога, транспорта много.

– Значит, мы дождемся следующего поезда и проедем эту необходимую остановку, – садясь на чемодан, сказала моя мама. Она стала усиленно обмахиваться панамой и кокетливо поглядывать на Арсения Захаровича.

– Ждите, – пожал дед плечами, – следующий часам к семи вечера будет.

Я зло посмотрела на Осикова – это он по старой памяти распорядился выходить именно здесь. К сожалению, краска стыда не залила его пухлое лицо.

– Спасибо большое, – поблагодарила я старикана и повернулась к группе новоиспеченных туристов, – берем вещи и топаем по дороге.

– Но может, есть какое-то другое решение?! – взмолилась Альжбетка.

– Есть, – сказала я, – ты можешь остаться на перроне и ждать нашего возвращения.

Конечно, проторчать здесь до вечера было не самым плохим вариантом, но на слова деда надеяться нельзя. Он с этим шоссе мог что-нибудь напутать. Приедем вечером на следующую станцию и будем, как слепые, в полутьме вышагивать... лучше уж идти по карте, да и Осиков, надеюсь, что-нибудь еще помнит. К тому же мне не давал покоя тот неряшливый тип. Сейчас его поблизости вроде нет, и можно надеяться, что пеший поход поможет нам затеряться в лесу.

Распрощавшись с нашим собеседником, мы направились к дороге, ведущей к сокровищам.

Славка, нагруженный тюками и чемоданами, шел впереди, за ним практически налегке с рюкзачком топал довольный Осиков. Не знаю, чему он так радовался, наверное, тому, что он оказался прав и нам все же придется пройти целую кучу километров, как в его старые добрые времена. Мама почему-то шла за руку с Солькой, та не особо сопротивлялась, скорее, просто смирилась с судьбой. Альжбетка плыла впереди меня, дабы я могла проследить, чтобы она не потерялась в лесу и не сбежала раньше времени, а я, собственно, замыкала все это шествие.

Дорога сразу рванула в гору, что заставило нас пасть духом и крепче вцепиться в свои пожитки.

– Надо было меньше брать вещей, – заныла Альжбетка, пройдя первый километр.

– Я всегда тебе это говорю, – кивнула я.

– Но как я могла поехать, не взяв свою косметику и кремы?!

– Не забудь на привале подкраситься, если здесь водятся медведи, они это непременно оценят, – проворчала я, наступая Альжбетке на пятки.

Она всхлипнула, достала свой мобильник и плаксиво заныла:

– В этой глуши даже телефоны не работают.

– Думаю, они заработают чуть позже, когда мы пройдем километров двадцать, там все же санаторий строят, – утешила я ее.

К обеду ныли все. Я в душе тоже попискивала, но держалась, дабы быть примером для подражания и вселять уверенность в полудохлые сердца поникших туристов.

– Это невозможно, – обмахивалась мама своей потерявшей вид панамой, – это же безумие какое-то!

– А что у нас с едой? – спросила Солька.

– Сырокопченая колбаса, сыр, печенье, консервы и еще какая-то мелочь, – отрапортовал Славка.

– Давайте все это съедим, и тогда нам будет легче идти, – предложила Солька.

– Вообще-то не нам, а Славке, потому что он тащит все это на себе, а потом неизвестно, что нас ждет впереди, дед сказал, что магазин там раз в неделю бывает.

– Но мы же не собираемся там жить! – взмолилась Альжбетка. – Завтра же обратно к цивилизации.

– Это все прекрасно, – сказала я, – но только, возможно, не все так просто.

Не могла я в присутствии Славки и моей мамы открыто сказать про бриллианты, а Альжбетка забыла, что их надо еще найти.

– А зачем мы туда направляемся? – поинтересовалась мама, откусывая половину помидорины. – Давайте найдем деревню поближе и проживем там.

– Наш маршрут, мама, лежит именно в этом направлении, потому что мы пообещали Арсению Захаровичу проводить его к памятным местам.

– Для него памятным, – охотно поддержала Солька, укладывая на колбасу яблоко и сыр и, как всегда, разламывая потом все вместе на кусочки.

Осиков закивал.

– Дело в том, что у Арсения Захаровича был друг, который погиб, и он хочет побывать в том месте, где они часто проводили время в молодости, это понятно? – спросила я.

– Да, – улыбнулась мама. Видно, мысль, что мы все выполняем пожелания Арсения Захаровича, очень ее порадовала.

– К тому же Арсений Захарович никак не допишет свою диссертацию, а на природе у него это получится лучше.

Мама с нежностью и благоговением посмотрела на толстенького Осикова.

– А как так оказалось, что вы познакомились? – не унималась мама.

Вот ведь Славка молодец, ни одного вопроса в его голове не возникает, а тут...

– Погибший друг Арсения Захаровича – мой бывший начальник, – ответила я, – так все и закрутилось, а теперь – собрали вещи и потопали вперед.

Когда мы увидели речку, маленькие домики для туристов, огороженную территорию под строительство санатория, кусты смородины, два заброшенных колодца и старые покосившиеся деревенские дома, было уже около семи.

Теперь все издали радостный стон.

– Дошли, – только и смогла вымолвить Альжбетка и рухнула на места пожелтевшую травку.

– Дошли, – кивнула Солька, глядя на Славку влюбленными глазами.

– Дошли, – подтвердила я, знакомясь с окрестностями.

За небольшим кусочком леса виднелись крыши трех огромных домов.

– Это где-то здесь, – засветился Арсений Захарович. Переминаясь с ноги на ногу, он стал нелепо подмигивать и кивать.

Я взяла карту из его рук и углубилась в изучение бескрайних просторов необъятной Родины.

Вот вокзал с названием станции, на которую мы прибыли еще утром, вот дорога, вот речка, вот крестик...

– Нам туда, – сказала я, показывая в сторону трех роскошных домов.

– Я никуда не пойду, – взмолилась Альжбетка.

Секунду я размышляла. Подругу жалко, да и мама кажется неестественно бледной, нет, ей, конечно, к лицу, но...

– Так, Славка, Альжбетка и ты, моя дорогая мамуля, идете на турбазу и требуете нам жилье. Ночь проведем здесь, узнайте насчет продуктов, и вообще, чувствуйте себя как дома, а мы, – я кивнула на Сольку и Осикова, – сходим по памятным местам.

Альжбетка заулыбалась.

– Даже не верится, – потирала руки Солька, перешагивая через корягу, – свернем за лесочек, и все – мы богаты!

Арсений Захарович разделял ее оптимизм:

– Домик в лесу, пройдем вглубь немного и осмотримся, там я уж точно ориентируюсь, не сомневайтесь.

– Начнем искать коробку прямо сейчас, – закивала Солька, – чего тянуть, эх, жаль, лопату не взяли!

Деревья то густели, сбиваясь в плотную кучу, то редели. Мы свернули, и нашим взорам представилась следующая картина. Приличный участок леса был вырублен, три роскошных дома стояли недалеко друг от друга, обнесенные массивными заборами, слышался лай собак, и легкий дымок от костра поднимался из-за забора одного из участков.

– Теперь куда? – вопросительно спросила я, глядя на Осикова.

На секунду он задумался, а потом предложил:

– Это все обойдем и углубимся в лес, домик там.

Интуиция моя уже дергалась и металась – не жди, Анька, ничего хорошего, не жди!

Мы прошли по протоптанной дорожке и обогнули дома слева. Арсений Захарович бодро зашагал в лес, ничуть не сомневаясь в скорой победе, мы с меньшим энтузиазмом последовали за ним.

– Арсений Захарович, – пропела Солька, – а вы на кого охотились, какие звери здесь водятся?

– Что? – переспросил Осиков, оборачиваясь.

Лицо его изменилось, и, поверьте мне, не в лучшую сторону. Он позеленел и скривился, точно съел что-то гадкое и кислое. Арсений Захарович явно смотрел не на Сольку, его взгляд устремлялся куда-то вдаль.

– Вот оно, – только и смог он вымолвить и протянул руку вперед.

Я обернулась.

Забор с задней стороны крайнего дома был частично сделан из ровных, хорошо отшлифованных досок, а частично – из железной сетки, окрашенной в зеленый цвет. Помимо новеньких красивых построек на территории огороженного участка стоял неказистый маленький домик, с крышей, слегка съехавшей набок. Сомнений в душе не было – это и есть то, что мы искали.

Моя любимая подруга ахнула, а Осиков привалился к дереву. Я воздержалась от оказания первой медицинской помощи, потому что не знала, кого спасти первым – Сольку я вроде знаю давно и

прикипела к ней душой, но Арсений Захарович – тоже не чужой человек, почти отец.

– Как же так... – пробормотал он, – как же так...

Из того, что мы наблюдали, можно было сделать один неутешительный вывод. Домик теперь принадлежит хозяевам красивого особняка, и, чтобы нам добраться до бриллиантов, надо... нам надо очень, очень много везения...

– Пойдемте все осмотрим, – вздохнула я, – только тихо.

Мы обошли забор и остановились около ворот. Жизнь на интересующем нас участке шла своим чередом, о чем свидетельствовало белье, развешанное на балконе второго этажа.

На воротах была приклеена небольшая бумажка. Яркий фломастер, еще не успевший выгореть на солнце, не пострадавший от непогоды лист... повесили недавно...

«Срочно нужна горничная, по этому вопросу звонить три раза.

Звонок справа».

Что за дурацкое слово – «горничная»... Я, не раздумывая, сорвала объявление и сунула в карман.

– Ты что, – спросила Солька, – работать к ним пойдешь?

Про себя она такое, конечно же, не подумала.

– А почему бы и нет, – задумчиво ответила я.

– Вот и ладненько, вот и прекрасненько, – затанцевал около ворот Арсений Захарович.

Глава 6

Мы обживаемся на новом месте

Навстречу нам вышел Славка, он довольно улыбался, из чего можно было сделать вывод, что стоянка нам обеспечена. Прекрасно – тело уже давно требовало мягкой кровати и продолжительного сна.

– Прошу, – сказал он, пропуская нас вперед.

– Докладывай обстановку, – распорядилась я.

– Домик сняли, – важно ответил Славка, – стоит сущие копейки, две комнатки и терраса с печкой. Я хотел побольше выбрать, но Мария Андреевна сказала, что лучше в тесноте, да не в обиде.

– Маму свою я еще могу понять, а вот ты почему не настоял на большей территории?

Славка виновато пожал плечами.

– А как можно понять твою маму? – поинтересовалась Солька, которая уже висла на Славкином плече.

– А чего тут понимать, так ей удобнее подслушивать, – удовлетворила я ее любопытство.

– Народу много проживает? – спросил Арсений Захарович.

– Есть немного, – ответил Славка, – молодежь в основном, Мария Андреевна это не одобрила, сказала, шуметь будут.

– Ты можешь из своих рассказов исключить мою маму?

– Не могу, – надулся Славка, – она везде, просто везде!

Я тяжело вздохнула: что тут скажешь, он прав.

– Давай дальше, – махнула рукой.

– Там все есть, вот только с постельным бельем напряженка, но твоя мама... прости, короче, вопрос решился.

– Ладно, рассказывай, каким образом.

– Мария Андреевна сходила к какому-то начальнику или сторожу и сказала, что мы из Москвы, что с нами... один научный деятель, и что он будет писать здесь диссертацию и ему необходимо создать условия, иначе все тут попляшут... В таком роде, в общем.

Я посмотрела на Осикова.

– Придется вам писать диссертацию.

– Я не могу, – замотал он головой.

– Будете объяснять это моей маме. А с едой-то что, когда магазин придет? Ничего не узнал?

Славка расплылся в очередной довольной улыбке.

– Через два дня. Я завтра с утра червей накопаю и наловлю рыбы, ты не беспокойся.

– Добытчик ты мой, – ласково сказала Солька и погладила сердешного друга по руке.

Иногда, глядя на них, я просто взрываюсь от умиления: до чего же они подходят друг другу, сладкая парочка, да и только. Надо дотащить их до ЗАГСА – побуду свидетельницей и наемся салатиков.

– Придется мне пойти работать, – вздохнула я, репетируя на Славке свои будущие объяснения маме.

– Куда?! Зачем?! – изумился он.

– Ну, кушать нам нечего, запасы на исходе, пойду, подработаю за хлеб и воду.

– Ты чего, – изумился Славка, – не надо, я червей накопаю...

– Да, ты это уже говорил. Но боюсь, что все закончится тем, что нам придется есть этих извивающихся тварей, а не рыбу.

Солька надулась.

Мы подошли к вполне симпатичному домику, и Славка гостеприимно распахнул свежеекрашенную дверь.

– Тоже мне принцесса на горошине, – услышала я сразу голос мамы, – бери этот матрас и не ерепенься, на нем до тебя пятьсот человек спали и не жаловались.

Альжбетка сидела на стуле, обнимая огромный дряблый матрас. Слезы застыли в ее глазах, и только усталость помешала ей вскочить и броситься мне на шею.

– Значит, так, – продолжила мама, – девочки налево, мальчики направо, отбой в десять, и никаких хождений туда-сюда я не потерплю.

– Значит, так, – сказала я, отбирая у Альжбетки пожухлый матрас, – на этом будет спать Арсений Захарович, потому что ему необходима порция ностальгических воспоминаний, далее... всегда и во всем будет приветствоваться демократия, за исключением тех случаев, когда говорю я. А теперь спешу вам объявить, что здесь мы, по всей видимости, останемся на неделю, продовольствие на исходе, так что стройные фигуры и свежий воздух нам обеспечены.

Мама сжала губы и недобро посмотрела на меня. Я уклонилась в сторону, чтобы железные стрелы, летящие из ее глаз, прошли мимо.

– Как вы сходили? – спросила она.

– Плачевно, – отрезала я, давая понять, что разговоры на эту тему закончены.

– Завтра, может, опять пойдем, – сгладил обстановочку Осиков.

– Где тут девичья комната? – поинтересовалась я.

Альжбетка указала на правую дверь.

– Девчонки разбирают матрасы получше и готовятся ко сну, – сказала я, – сил моих больше нет, всем остальным займемся завтра.

Я сунула руку в карман и наткнулась на бумажку с приглашением на работу. Что ж, это дело решенное.

Стоило добраться до кровати, как мысли сразу стали растекаться в разные стороны, и я уже почти плыла в сторону безмятежного сна, как в дверь нашего домика постучали. Все сделали вид, что не слышат, потому что устали и сил на гостей не осталось.

Стук раздался вновь, и на этот раз он был более настойчив.

– Славка! – крикнула я. – Будь другом, убей того, кто за дверью!

Послышался скрип раскладушки и шаги... Славка потопал выполнять мою просьбу.

– Кого это принесло, уже почти одиннадцать, – возмутилась мама.

– Мне тоже хочется пойти и посмотреть, – вдруг забеспокоилась Солька.

Понять ее можно – до нас донесся медовый женский голос. Похоже, наш милый и добрый Славка в опасности (перед дамами он последнее время робеет, наверное, побаивается гнева нашей общей подруги).

Слов разобрать не удавалось, что только раздувало наше любопытство. Я встала и пошла на разведку, за мной засеменили Солька и Альжбетка, мама демонстративно отвернулась к стенке (уже легче).

К косяку двери прислонилась довольно эффектная девушка, я спиной почувствовала, что она сразу не понравилась не только Сольке, но и Альжбетке – конкуренции наша длинноногая красавица не терпела.

– До меня дошли слухи, будто приехал отличный парень, вот и пришла познакомиться, – сказала незнакомая нимфа.

Она нас, собственно, и не замечала, все ее внимание было направлено на растерявшегося Славку. Солька толкнула меня сзади, не то прося пропустить ее на передний план, не то умоляя что-нибудь сделать.

– Вы кто? – поинтересовалась я.

Девушка перевела на нас взгляд, пожала плечом и спросила у Славки:

– Эти с тобой, что ли, приехали?

Война, только война – абсолютная, с тяжелой артиллерией на первом фланге и с конницей на втором! Я отодвинула Славку в сторону и внимательно изучила нашу гостью. Ноготочки, как и у Альжбетки – три метра длиной, волосы по плечи, блондинистые, пухленькие губки, стройные, правда, чересчур худые ножки... Весьма неприятная особа!

Я взяла с дребезжащего холодильничка журнал, посвященный отважным рыболовам-любителям (видно, его забыл кто-то из предыдущих жильцов), небрежно полистала его и произнесла:

– Так, мадам, в списках сегодняшних посетителей вы не значитесь, покиньте территорию.

Я уверенно развернула незнакомку на сто восемьдесят градусов и, мягко спустив ее с лестницы, захлопнула дверь.

Солька тут же налетела на Славку:

– Она тебе понравилась? О чем вы тут разговаривали?

– Я-то тут при чем, – изумился Славка, – вы же сами сказали дверь открыть.

– Я сказала не открыть, а убить того, кто за дверью, – вмешалась я с пояснением. В данном случае я была на стороне подруги.

Славка хлопал глазами, не зная, на кого реагировать в первую очередь.

– Какая же она противная, – фыркнула Альжбетка и направилась спать.

Я последовала за ней, давая возможность Сольке устроить полноценную сцену ревности с обвинениями, лозунгами и криками протеста.

Проснулась я рано. Мама похрапывала, мужики за стенкой тоже, а девчонки спали, обняв одеяла, в каких-то смешных и странных позах. Налюбовавшись этой картиной, я вышла на терраску и напрямик направилась к холодильнику, изучать оставшуюся провизию.

Две банки рыбных консервов, огурцы, помидоры, остатки сырокопченой колбасы, конфеты, печенье и полбанки яблочного

повидла. Небольшой ломоть черного хлеба лежал одиноко на холодильнике в розоватом пакете. Поразмышляв пару минут, я решила, что завтрак будет скромным. Намазав печенье повидлом, уложила его на огромный поднос, который в качестве украшения висел на стене, и, отойдя в сторону, залюбовалась делом своих рук. Чего-то не хватало. Высыпав на поднос конфеты, я успокоилась – натюрморт был на этот раз емким и красочным.

Вскипятив чайник, я слопала свою порцию печенья и конфет и вышла на свежий воздух. Соседи-туристы, видно, еще спали, потому что было тихо и безлюдно. Я направилась в сторону речки. Как и положено в таких местах, на берегу сидели рыбаки – двое. А в тумане, неподалеку от берега, маячила лодка.

– Всем привет, – сказала я тихо. Рыбаки не любят шума, наивно полагая, что именно поэтому у них и не клюет.

Мужчины обернулись и с интересом посмотрели на меня. Одному из них было лет тридцать, второй выглядел постарше лет на десять.

– Привет, – кивнул тот, что помоложе, – это вы вчера приехали?

– Ага, меня Аней зовут.

– Егор, – охотно представился парень.

– Степан, – буркнул мужчина постарше.

Мне было как-то неловко называть его по имени – слишком хмурый взгляд, сутулые плечи, редкая седина...

– А по отчеству? – поинтересовалась я.

Он ухмыльнулся и сказал:

– Зови Степаном.

– Хорошо, – пожала я плечами, – как рыба? Ловится? А то наша кампания уже одной ногой за чертой под названием «Великий Голод».

– Плохо рыбешка клюет, да и в основном только мелочь попадается, – ворчливо сказал Егор.

– Чувствую, придется нам сесть на вынужденную диету.

– Ничего, прорветесь, скоро магазин приедет. Кстати, кто из вас вчера мою сестру шуганул? – хохотнул Егор.

– Значит, эта вертихвостка – твоя сестрица? – спросила я.

– Ага, – кивнул парень, – навязали мне ее родители. Болтается по улицам, нигде не учится, не работает, вот и пришлось брать с собой, замотала она меня уже.

Чувствую, нас она замотает тоже.

– А как ее зовут?

– Вероника... девке двадцать четыре года, а ничего делать не хочет, вот только замуж рвется.

Альжбетке не понравится, что ее конкурентка по красоте моложе ее на шесть лет.

– Твоя сестрица у нас вчера жениха себе присмотрела, – сказала я, – вот только занят он уже.

– Веронику это не остановит, ох, и намаетесь вы с ней.

Мне показалось, что Егор посмотрел на меня с искренним сочувствием. Вот только проблем с пухнувшими от безделья разгильдяйками мне не хватало! У меня голова кругом от маман, от бриллиантов, от Осикова, да от всего на свете, а тут еще такой подарочек. Хотя, если я устроюсь горничной в роскошный особняк, то

Вероника не успеет стать моей новой проблемой. Пусть девчонки с ней крутятся.

– Разберемся, – сказала я, поглядывая на мрачного Степана. Один из поплавок запрыгал, и он резко дернул удочку – уже через секунду в воздухе болталась маленькая полосатая рыбешка.

– Это кто? – поинтересовалась я.

– Окунек, – ответил Степан, – шкуры больше, чем мяса.

– А парень этот богатый? – поинтересовался Егор.

– Какой парень? – не поняла я. Все мысли были сейчас заняты рыбешкой.

– Ну, тот, на которого моя сестра запала.

– Да нет, я бы не сказала.

Уточнять, что раньше Славка выпиливал гробы, а теперь занялся тумбочками, я не стала.

– Тогда, может, еще отстанет, Веронике богатых подавай.

– Вот молодежь пошла! – возмутилась я и укоризненно посмотрела на Егора.

– Анька! – раздался Солькин голос.

О! Наша учительница ботаники проснулась и наверняка хочет есть.

– Меня зовут, пойду решать бытовые проблемы, а вам удачной рыбалки.

– Спасибо, – кивнул Степан и с напряжением стал смотреть на поплавок. Настоящий рыбак! Хладнокровен и сосредоточен!

– Если Вероничка придет, вы с ней будьте построже, – попросил Егор.

– Не волнуйся, перевоспитаем! – убегая, крикнула я. Собственно, этим займутся девчонки.

Солька стояла недалеко от дома, ежилась от холода и грызла печенью.

– Это что, – спросила она, – и есть наш завтрак?

– Да, и попрошу без жалоб.

– А это кто? – спросила Солька, кивая на реку.

– Два туриста. Постарше, тот, что в куртке – Степан, а молодой – Егор, это его сестрица вчера приходила, Вероничкой зовут, – выдала я информацию. Солька сразу поджала губы. – Замуж ей очень хочется, и на твоего Славку виды имеет.

– Ух! – только и смогла сказать Солька, потрясая в воздухе кулаком.

Понять ее можно: кому же понравится, когда вокруг твоего молодого человека вьется молоденькая красотка, да еще ничуть не стесняется своих порывов и планов.

– Сколько времени-то? – спросила я, глядя, как подруга запихивает за щеку конфету.

– Восемь, твоя маман так храпит...

– Как бы ее переселить в отдельный домик, – задумалась я.

– Размечталась, – вздохнула Солька. – А что, еды нормальной нет?

– Мало, будем экономить. Я часов в девять уйду, останешься за старшую, смотри, чтобы Осиков был на глазах, а то он тут дров наломает, и маму мою лучше из вида не выпускай.

– Хорошо, а ты куда?

– На работу устраиваться, надо уже подбираться к нашим бриллиантам, а то так и просидим тут...

– Ты что, серьезно решила?

– Другого выхода не вижу, хорошо, если возьмут, а если нет, то даже думать не хочу, что делать дальше.

– Тебя возьмут, – приободрила меня Солька, – ты только не говори ничего лишнего, потерпи хотя бы пару дней.

Я посмотрела на Сольку весьма хмуро.

– Только пусть попробуют не взять! – зло произнесла я.

Глава 7

О том, как я иду устраиваться на работу и лишний раз убеждаюсь в том, что жизнь прекрасна

– Альжбетка, что у тебя есть приличного? – поинтересовалась я. Прислонилась к дверному косяку и нахмурилась – наверняка сейчас придется перемерить кучу барахла.

– В каком смысле?

– Из одежды, не могу же я на собеседование идти в джинсах с дыркой на коленке.

Альжбетку мы уже посвятили во все наши планы, так что лишних вопросов она задавать не собиралась.

– У меня есть две юбки и платье, – щедро предложила Альжбетка.

– Показывай юбки, – потребовала я.

Альжбетка

достала два маленьких кусочка материи и протянула мне.

– Это что? – спросила я, и брови мои поползли вверх. – Носовые платки?

– Нет, это две мои самые любимые юбочки.

– А на чем они вообще держатся?

Я крутила в руках эти изделия, не понимая даже, где у них перед, а где зад. Я, конечно, покупаю изредка модные вещи и даже пару раз надевала короткий топик, но... Короче, за Альжбеткой мне не угнаться.

– На бедрах держатся, – со знанием дела вмешалась Солька, – у нас девчонки в старших классах только так и ходят.

– Кошмар, – выдохнула я, возвращая Альжбетке ее богатство, – давай платье.

Она недовольно хмыкнула (наверное, обиделась за свои юбочки) и достала вполне приличное черное платье. Хорошо, что я пониже ростом, за счет этого юбка удачно прикрыла мои ноги – еще на привале я зацепилась коленом за противный сучок, и теперь на джинсах зияла дыра, а на коленке заживала рана, так что сверкать этим на собеседовании мне не хотелось.

– Я в нем пойду, – решительно сказала я, слегка закатывая рукава.

– Только осторожно, – взмолилась Альжбетка, – оно у меня на все случаи жизни.

– Универсальное, что ли? – ехидно спросила Солька.

– Да, и нечего смеяться, оно, между прочим, стоит две тысячи долларов.

– Сколько? – воскликнули мы с Солькой.

Вообще-то, теперь у нас деньги были, и весьма приличную сумму на всякий случай я взяла с собой, но все же платье за такие деньги никак не укладывалось у меня в голове. То есть я знаю, что на свете есть платья и подороже, но, пожалуй, это первое за такую цену, которое я не только подержала в руках, но еще и надела.

– Выклянчила у кого-то? – спросила Солька.

– Вовсе нет, мои поклонники сами меня балуют, – фыркнула Альжбетка.

– Не сомневаюсь, – скептически сжав губы, сказала Солька.

Кто еще может идти устраиваться на работу на место горничной в платье за две тысячи долларов – только я!

– Хорошо, что оно у тебя не новое, – сказала я, поглядывая на себя в зеркало, – хоть не выглядит на такие деньги.

– Что? – обиделась сразу Альжбетка. – Ничего ты не понимаешь в платьях, я его всего раз пять надевала.

Я вздохнула и сказала:

– Присядем на дорожку.

– Присядем, – кивнула Солька.

Мы дружно расположились на кроватях, вздохнули и переглянулись.

– Ты не волнуйся, – приободрила меня Солька, – все будет хорошо, я тут за всем пригляжу.

– Мы вместе приглядим, – поправила ее Альжбетка.

Я посмотрела на свои кроссовки и спросила:

– А хрустальных башмачков у тебя нет?

Альжбетка стала рыться в своей огромной сумке и через минуту достала черные туфли. Как ни странно, каблук был вполне приемлемый – невысокий и устойчивый.

– Они мне велики, – сказала я, любуясь на свою ногу с повисшей на ней туфлей.

– Я сейчас газеты напихаю в мысок, – засуетилась сердобольная Солька.

Вот так, в платье за две тысячи долларов и в туфлях, набитых газетой, я направилась в сторону нашего будущего богатства. По дороге я продумывала линию поведения, но запуталась в мыслях уже на полпути и решила, что просто поплыву по течению. Подойдя к забору, я достала объявление и решительно позвонила три раза. Калитку, которая больше напоминала пуленепробиваемую дверь, открыла мне шустрая маленькая женщина.

– По объявлению? – спросила она, оглядывая меня с ног до головы.

Я протянула бумажку и, решив пока не открывать рот, просто кивнула.

– Иди за мной, с дорожки не сворачивай, тут все посажено не для того, чтобы топтать.

Вполне гостеприимно, а вам как кажется?

Я отправилась вслед за бойкой Дюймовочкой. Собственно, как можно сойти с дорожки, я так и не поняла, потому что она была выложена по бокам аккуратненькими бетонными плитками. Участок был уже облагорожен, но все же бросалось в глаза, что работы время от времени возобновляются. Я покосилась в сторону интересующего меня охотничьего домика и прибавила шаг – у меня будет эта работа, во что бы то ни стало будет!

– Ноги вытирай, вот когда сама тут полы намоешь, тогда и поймешь, что это за труд.

Я послушно потеревила туфлями лежащую на полу тряпку. Газета, напоминая о своем присутствии, больно уткнулась в мой большой палец.

– Чего стоишь, проходи на кухню.

– А где она? – мягко поинтересовалась я. Эх, если бы не бриллианты, я бы вела себя совсем по-другому, Дюймовочка уже лежала бы на полу в предобморочном состоянии и просила пощады.

– Перед твоим носом, – женщина ткнула пальцем в сторону коричневой двери.

Я огляделась по сторонам: большая гостиная, дверь под лестницей, дверь рядом с кухней, красиво выложенный паркет, две огромные пальмы, песочный диван, стопка нераспакованных коробок, телевизор, весьма оригинальные шторы...

– Чего стоишь, иди!

Это ради больших денег, это ради бриллиантов, это ради девчонок и ради собственного дела... Внушение помогло и, дернув золотую ручку, я вошла в кухню.

Кухня впечатляла! У меня такого размера комната. Кругом было чисто, модно, и к тому же вкусно пахло. Хорошо, я буду здесь работать, уговорили.

– Звать тебя как? – смахивая со стола пыль, которой не было, спросила Противная Особа.

– Аня.

Это был тот случай, когда меня мое имя не подвело, вряд ли бы этой гримзе понравилось, если бы я сказала – Альжбетта.

Особа еще раз оглядела меня с головы до пят, скривилась и сказала:

– Ну, хорошо, надевай передник – и за работу.

Я пожала плечами, подошла к стене, взяла один из белых фартуков, быстренько натянула его на себя и ехидно спросила:

– Достаточно ли я теперь хороша, чтобы пополнить ряды прислуги в этом доме?

Особа топнула ногой и затрясла в воздухе пальцем:

– Я не потерплю тут подобных штук!

Да она еще и нервная к тому же...

– А давайте вы тоже представитесь, – предложила я, – это, возможно, нас сблизит, все же в одной сфере работать будем, коллеги,

так сказать.

– Сравнила себя со мной, – фыркнула в ответ Особа, – я здесь всем управляю, я у хозяйки уже десять лет служу! А называть меня будешь Екатериной Петровной, поняла? Глушакова Екатерина Петровна – мое полное имя.

Что же тут непонятного.

– А кто проживает в доме? – поинтересовалась я, беря со стола загорелое яблоко. Есть же хочется, а тут фруктов целая гора на столе.

Екатерина Петровна мой голодный выпад не одобрила, отобрала яблоко и положила на место.

– Заработай сначала, – сказала она, – а уж потом свои ручонки к добру хозяйскому тянуть будешь.

Виртуальным топором я сделала зарубку в голове – припомню я это тебе, Дюймовка старая, ох, припомню!

– В доме народу обитает немного: хозяин с хозяйкой, я и садовник наш, он в пристройке живет. Тебе комнату тоже выделят, выходной – воскресенье, все остальное время будешь работать от зари до зари, поняла?

– И что входит в мои обязанности? – поинтересовалась я, косясь на яблоко.

Екатерина Петровна отодвинула от меня тарелку подальше и сказала:

– Что скажу, то и будешь делать, и хозяева что потребуют, выполняй без лишних разговоров, а то вылетишь отсюда быстренько.

– Горю желанием приступить к работе, – мрачно улынулась я, – с чего начать? Где, так сказать, я могу продемонстрировать свой

энтузиазм и стремление оправдать то доверие, которое вы возложили на мои хрупкие плечи, взяв меня на работу?

– Что? – переспросила Екатерина Петровна.

Понятно, длинные предложения она не усваивает.

– Я спрашиваю: постирать, погладить что-нибудь нужно?

– Хозяин поздно приехал и болен к тому же, сейчас завтрак ему понесешь.

– В постель? – уточнила я. – А чем он в таком случае болен, это не заразно?

Екатерина Петровна опять фыркнула.

– У вас, молодых вертихвосток, только одно на уме! Отнесешь завтрак и газеты, а уж в постели он там или нет, я не знаю.

– А хозяйка против не будет? Они что, отдельно спят?

Что я могу поделаться, если подобное вызывает у меня живейший интерес, ну не удержалась, с кем не бывает. Екатерина Петровна побагровела и направилась к плите. Через минуту на сковородке журчал омлет, убивая меня своими ароматами. Желудок, недолго думая, зажурчал ему в ответ. Я взяла яблоко и решительно откусила. Екатерина Петровна дернулась, молниеносно обернулась, но было поздно: мои ровненькие зубки, обремененные только одной пломбой, словно кухонный комбайн, измельчали данный фрукт в пюре. Ха-ха!

Омлет издал звук, который переводится как – я готов, съешь меня. Это обезоружило престарелую Дюймовочку, и она была вынуждена заняться не мной, а сковородкой. Вообще-то, Екатерине Петровне на вид можно дать лет сорок восемь, но я специально в мыслях накинула ей еще пятнадцать: так мне было приятнее о ней думать.

На сервировочном подносе, словно по волшебству, появились чашка с обжигающим ароматным чаем, горка печенья на блюде и только что приготовленный омлет. Екатерина Петровна щедро посыпала его обжаренными грибами, и я быстро попыталась сообразить, сколько грибов можно съесть по дороге, чтобы это не сильно бросалось в глаза.

– Неси на второй этаж, да осторожно.

– Я-то отнесу, но не могли бы вы мне поконкретнее объяснить маршрут?

Демонстративно закатив глаза, видно, тем самым пытаюсь обозначить мою непробиваемую тупость, Екатерина Петровна все же снизошла до объяснения.

– Поднимешься наверх и направо, крайняя дверь из светлого дерева.

– О, спасибо!

Разве она не душка? Премилое создание.

Я с удовольствием вышла из кухни и осмотрелась – никого не было. Поставив осторожно поднос на одну из коробок, я стащила два печенья и задумалась над грибами... нет, не буду, я же на вечной диете...

Мне не терпелось оказаться на втором этаже и посмотреть обстановочку, еще хотелось познакомиться с моими непосредственными работодателями, интересно, что за толстосумы проживают в этом доме... Она, наверное, какая-нибудь красotka, а он холеный мужчина преклонных лет... Так я размышляла, поднимаясь по лестнице.

Второй этаж начинался с просторного холла. У стены стоял яркий диванчик,

а на противоположной стене висел плоский серебристый телевизор.

– Неплохо, – одобрила я, глядя на эту громадину.

Нужную мне дверь я увидела сразу, но не торопилась дергать за ручку. Надеюсь, что оmlет протянет еще какое-то время и не остынет окончательно, я поочередно подошла к трем другим дверям и, прижавшись ухом, прислушалась. Везде было тихо. Ничего интересного.

Я направилась выполнять поручение Екатерины Петровны. Постучала в дверь – тишина, я постучала еще раз...

– Да, – услышала мужской голос, а далее раздался хриплый кашель. Болеет бедняга.

Надеюсь, он одет? Я украсила лицо доброй, очаровательной улыбкой (иногда мне это удается) и толкнула дверь бедром. Своим бесподобным бедром!

У вас бывает так, что кажется, будто мир сошел с ума? У меня бывает, еще мне иногда снятся странные сны, и еще у меня иногда такое чувство, будто моя судьба – точно паутина на высокой траве: утром она покрыта капельками росы, я тяну за ниточку, и она поддается и начинает медленно распускаться... Я стою и сматываю мягкий пушистый комочек, сама сматываю, без чьего бы то ни было участия... о чем это я... отвлеклась...

В комнате все было так, все было на местах, и даже Воронцов – мой горячо любимый начальник, лежащий на широкой кровати с журналом в руках, был здесь весьма на месте, весьма кстати и весьма своевременен...

В моей голове, точно пчелы, зашевелились вопросы:

1. Что он здесь делает?

2. Что я здесь делаю?

3. Что вообще происходит?

4. И пожалуй, главный вопрос на этот момент – это что еще за хозяйка тут проживает вместе с ним?!!

Я выпрямила спину, вспомнила, что на мне платье, в котором только оперу слушать, вспомнила, что я – это я, улыбнулась уже своей боевой, настоящей улыбкой и спросила:

– Чайную церемонию можно начинать?

Воронцов оторвался от журнала и посмотрел на меня. Я люблю, когда мужчины смотрят на меня вот так... Этот взгляд называется – ты пришла, я ранен, я гибну, я почти убит, и нет пути назад. Хотя Солька бы назвала этот взгляд по-другому – спасите, помогите! Но не надо слушать Сольку – что может знать учительница ботаники о таких взглядах?

Воронцов отложил журнал, закрыл и открыл глаза, видно, проверяя, не мираж ли я, хотел что-то сказать, но не смог, потому что начал сильно и надрывно кашлять. Я поставила поднос на тумбочку, протянула ему кружку чая и, взяв вилку с тарелкой, усевшись на кровать, стала с наслаждением есть омлет.

Глава 8

У вас есть вопросы, Виктор Иванович?.. Я готова на них ответить

– Не бережете вы себя, – сокрушалась я, отправляя в рот золотистый гриб, – вот что значит – меня нет рядом, я теперь и бояться

буду оставлять вас надолго одного.

Воронцов кашлял.

– Где простыли-то, позвольте полюбопытствовать, ваша мама не говорила вам, что надо надевать подштанники, так теплее...

– Говорила, – просипел Виктор Иванович.

– Так что же не носите?

– Я убью тебя!

– Не торопитесь, дайте омлет доесть.

Я положила ногу на ногу – теперь я чувствую себя в этом доме уверенно и свободно.

– Ты что здесь делаешь?! – наконец откашлявшись, спросил Воронцов.

– Не поверите: я здесь работаю.

– Кем?

– Горничной, – отвечаю с легкостью.

– Кем?!

– Почему вы так кричите, у вас же горло болит. Горничной, а что, вас это беспокоит?

– Ты как здесь оказалась?

– Поездом.

– Ты как здесь оказалась, я тебя спрашиваю?!

Я заметила, что Воронцов хоть и находился в шоковом состоянии, но все же ему было приятно мое присутствие – и волна удовлетворения словно омыла мое тело. Он скучал.

Неплохие вы вопросы задаете, Виктор Иванович, но не думаете же вы, что я вот сейчас запросто расскажу вам про бриллианты?

– А вы что здесь делаете? – нагло поинтересовалась я.

– Это мой дом! Этот участок я купил пару лет назад.

– Это даже неплохо, это, можно сказать, даже очень удачно... А что ж поближе к Москве не купили? Денег не хватило?

– Поближе к Москве у меня есть еще один дом... а сюда мы приезжали с твоим бывшим начальником Селезевым, мужем моей сестры, я доходчиво объяснил?

– Вполне... Наверное, вы жили в той халупе, что торчит посреди вашего участка, и охотились на здешних кабанов.

– Ты откуда знаешь?

– Женская интуиция, и вообще у меня такое чувство, что весь мир делает это именно здесь...

– Да, мы охотились, голова у тебя всегда хорошо работала, – Воронцов глотнул чая и сморщился, – Селезев не хотел сносить старый домик в память о своей молодости, но теперь я его снесу, не вписывается он в общую картину.

Сердце мое забилося в удвоенном ритме.

– Не торопитесь, успеете, хотелось бы взглянуть на него, все же это история и память...

– Не волнуйся, насмотришься еще, пока у меня руки до этого не доходят.

Я облегченно вздохнула.

Почему же Селезнев не предупредил обо всем Осикова, а вместо этого нагрузил его картой местности? Наверное, хотел сделать сюрприз старому другу: повез бы его однажды якобы в лес к покосившемуся «шалашу», а потом бы оказалось, что жить они будут во дворце... занятно...

– Может, ты теперь объяснишь, что здесь делаешь? – перебил ход моих мыслей Виктор Иванович. – Хотелось бы услышать подробный и внятный рассказ.

Я хорошенько встряхнула мозги и встала на путь относительного вранья.

– Мамае врачи прописали местный климат, нам порекомендовали турбазу у речки, вот мы там и обосновались...

– Так тут еще и твоя эксцентричная родительница! – воскликнул Воронцов.

О да, совсем недавно Виктор Иванович познакомился с моей мамой, и она произвела на него неизгладимое впечатление. Впрочем, иначе и быть не могло. Маман – это маман!

– В каком тоне вы говорите о женщине, которая произвела меня на свет, – я старательно нахмурилась.

– Ладно, не отвлекайся, ври дальше.

– Так вот, мы весьма недурно обустроились в одном из домиков, с нами еще девчонки и двое... очаровательных мужчин.

Одна бровь Воронцова удивленно и вопросительно поползла вверх. Надеюсь, он ревнует.

– Солькин друг и мой будущий отчим, – доходчиво объяснила я.

Воронцов закашлял опять.

Я съела печенье.

– Ты хочешь сказать, что ты здесь совершенно случайно, просто ветер подул в эту сторону? – спросил Виктор Иванович.

– Совершенно случайно, вы абсолютно правы, – подтвердила я его здравую мысль.

– Допустим, – кивнул он, – но, насколько я помню, когда ты отправилась в отпуск, ты была весьма состоятельной особой, что же заставило тебя устроиться в этот дом горничной?

Мысли, мыслишки, где вы? Помогите, спасите, меня почти загнали в угол!

– Вы же знаете, какой у моей мамы характер, мы с ней все время ругаемся, и я, чтобы разрядить как-то обстановку, была вынуждена пойти на этот шаг. Так мы с ней находимся на должном расстоянии.

– А просто поселиться в соседнем с мамой домике в голову не пришло? – улыбался Воронцов.

– Боюсь, что мама этого не поймет и обидится, – улыбнулась я в ответ, – а так – вроде неплохая причина побыть на расстоянии... и к тому же, всем известно, что труд облагораживает человека, я готова стать лучше!

– Я сделаю вид, что поверил в этот сказочный бред, – кивнул Воронцов, – но работать ты здесь не будешь.

Я вскочила – вот это да! Я-то полагала, что бриллианты теперь точно наши.

– Это еще почему?! – моему возмущению не было предела.

Воронцов склонил голову набок и ответил:

– Боюсь, что твоим друзьям будет скучно без тебя, к тому же ты сама сказала, что Мария Андреевна скоро выйдет замуж, тебе надо больше времени проводить с семьей...

Я сжала губы и нацелила гневный взгляд на Воронцова.

– Хотя нет... – еле сдерживая смех, сказал он, – это значит, ты здесь будешь жить и выполнять все мои пожелания... неплохо...

– Чему вы радуетесь?

– Оставайся, думаю, впереди у меня целое море удовольствия, – Воронцов засмеялся.

Ладно, со всем этим мы разберемся потом, главное, я остаюсь, и главное... он рядом... Неплохо.

– А кто это тут с вами проживает, что за дамочка? – тактично поинтересовалась я. Ответа я ждала с нервной дрожью в коленях.

– Сестра Галя.

Улыбка озарила мое лицо. Это правильно, родственные связи надо поддерживать. Какой замечательный день сегодня, просто чудо!

– А нельзя ли эту гримзу, которая пасется сейчас на первом этаже, как-то ликвидировать и сделать меня здесь самой главной? – спросила я, довольно поглядывая на опустевшую тарелку.

– Нельзя, – ехидно улыбаясь, ответил Воронцов, – должен же хоть кто-то заняться твоим воспитанием.

– О! Не думайте, что меня так просто сломить, уверена, она сама скоро напишет заявление об уходе.

– Ты знаешь, это все же невероятно, что ты здесь...

– Еще бы! Вы-то думали, что легко от меня отделались, сами уволились, а я там работай, как хочешь, да еще с каким-то новым и неродным мне начальником. Я вообще не понимаю, куда это вы рванули, вы что, действительно полагаете, будто сможете прожить без меня?

Воронцов допил чай, подошел к окну и поставил кружку на подоконник; ему хотелось что-то сказать, но он сдерживал себя, лишь волнующая улыбка играла на его губах.

– Ну, – не выдержала я, – отвечайте!

– Нет, – наконец сдался он, – я не собирался уходить без тебя, просто не смог отказать себе в маленьком удовольствии...

– Это еще в каком? – на всякий случай я решила начать сердиться.

– Хотел тебя позлить.

– Ничего удивительного, с вашим характером...

– Что? С моим характером! Да ты на себя посмотри, – засмеялся Воронцов, – к тебе в квартиру, наверное, и мухи не залетают, боятся.

– Это вы напрасно, – демонстративно ставя на поднос тарелку, вздохнула я, – да я добрейшей души человек...

– Как я уже сказал – я не собирался уходить без тебя. Думал, вернешься из отпуска, и я предложу тебе должность помощника на

своей фирме, хотел тебе сделать такой вот сюрприз.

– Сюрприз? Да у вас мания величия! Можно подумать, работа с вами – это невозможное счастье, – фыркаю и поджимаю губы, – вы же зануда!

– Ты отказываешься?

Вот еще! Хотя скоро у меня вообще будет своя фирма...

– Нет, не отказываюсь, я девушка ответственная и бросить вас на произвол судьбы не могу.

– Просто сознайся, что тебе нравится со мной работать.

– Нравится, особенно если учесть, что я очень давно нигде не работала больше двух-трех недель. Почему-то меня очень быстро всегда увольняют.

– Вот и прекрасно, а теперь ты можешь приступать к своим обязанностям здесь, не буду тебе мешать.

Воронцов опять взял журнал и уткнулся в него. Немного постояв, я направилась к двери.

– Да... Когда надумаешь рассказать правду о том, как ты здесь оказалась и что тут делаешь, буду рад тебя выслушать, – полетело мне в спину.

Особенно приятно было громко хлопнуть дверью после этих слов.

Екатерина Петровна поджидала меня на кухне.

– Ну что? – поинтересовалась она.

– Все прекрасно, – заверила я ее, – Виктор Иванович произвел на меня прекрасное впечатление, и спасибо за омлет, он мне понравился.

Екатерина Петровна недоуменно посмотрела на меня.

– Я сегодня почти ничего не ела, и Виктор Иванович был так добр, что отказался от своего завтрака в мою пользу.

Мне кажется, Екатерину Петровну не обрадовало, что я в полной мере оценила ее стряпню и к тому же снискала расположение нашего общего работодателя.

– Жить я здесь буду с удовольствием, – объявила я, дабы добить ее окончательно.

– Вот Галина Ивановна придет, устроит она тебе тут такое удовольствие...

– А когда она придет? – поинтересовалась я, садясь за стол.

– Не знаю, она о своих визитах не предупреждает.

Покосившись на гору фруктов, я вспомнила о своих голодных друзьях и родственниках.

– Виктор Иванович, – сказала я, – разрешил воспользоваться его холодильником и отнести продукты моей семье. У меня, знаете, мама больна, перепады настроения, мигрень и неразделенная любовь, – я постучала пальцем по виску, – ей витамины нужны.

Взяв с отливающего красным деревом буфета красивый пакет, я ловко стала заполнять его яблоками и бананами. Екатерина Петровна оторопело смотрела на происходящее. На этом разгроме я не остановилась и решительно залезла в холодильник, стащив с полок четыре банки консервов, полбатона колбасы, банку сгущенки и почти размороженную курицу. Я решила проявить чудеса скромности и, спрятав все в пакет, закрыла холодильник. Хотя, поверьте мне, я еще могла взять буженину, банку красной икры и десяток яиц вместе с огромной селедкой.

– Я пойду спрошу, можно ли это тебе брать, – прошипела Екатерина Петровна сквозь зубы.

Я спокойно села на стул и сказала:

– Идите, я подожду вас здесь.

Екатерина Петровна бросилась к Воронцову, а я, дождавшись, когда стихнут на лестнице ее шаги, вышла на улицу и зашустрила к маленьким домикам у реки. Я знала, что за эту безобидную шалость меня не уволят: слишком ярко горели его каштановые глаза, когда он на меня смотрел...

Глава 9

Делюсь впечатлениями с девчонками и знакомлюсь с дедом Остапом

На нашей кухоньке за столом сидела Вероничка и нагло ела семечки. Собственно, ела она как обычно, в этом она не изобрела ничего нового, но вот на пол она сорила огрызками совершенно нагло. Я с трудом могла понять гостеприимство, оказанное ей, и уж совсем не могла понять, с чего это девчонки терпят такое свинство.

Вот оставь их на пару часов – и кругом царят вседозволенность и хаос. И где эти сиротки мои?..

– Приятного аппетита, – радушно начала я, доставая из угла общипанный веник и совок.

– Прибраться хочешь? – хохотнула Вероничка.

Смейся, детка, почему бы не посмеяться в последний раз?

Веник с совком громко шмякнулись на стол прямо перед ее носом.

– Подметай! – рявкнула я и пошла в девичью спальню.

Альжбетка с Солькой сидели на моей кровати, сплотно прижавшись друг к другу плечами. По их испуганным взглядам я поняла, что рявкнула на Вероничку весьма значительно.

– Ты только не ругайся, – запищала Солька, – она пришла, а нам что делать...

– Гнать в шею, хотя, если ты решила ей отдать своего плотника, то, конечно, пусть приходит в гости, – фыркнула я.

– Как-то неудобно выгонять, – замялась Альжбетка, прижимаясь к Сольке еще сильнее.

– Это почему неудобно?! – заорала я.

Раздался звук падающего совка, видно, нервы Веронички тоже не железные.

– Мы вообще-то не пускали, но она все равно пролезла... и сказала, что будет Славку ждать, – забубнила Солька, – она такая настырная...

– А где этот казанова? – поинтересовалась я.

Иногда Солька меня изумляет, то вроде решительная, а то невозможная мямля...

– Он не такой, это она... – стала оправдывать любимого упавшая духом учительница ботаники.

– В деревню пошел прогуляться, дома посмотреть, вернее, то, что от них осталось, – сказала Альжбетка.

– А где маман?

– Она пригласила Осикова на свидание к реке, он покраснел и согласился, – ответила Солька.

Открылась дверь, и Вероничка вошла в комнату. Оголенное плечико, джинсовые бриджи и надпись «я твоя» на футболке – и такое чудо спокойно восседало на нашей кухне?!

– Что же вы мне не сказали, что Слава пошел в деревню, я там все знаю, и ему было бы со мной интересно!

Вероничка почти возмущенно хлопала глазами. Мне кажется, она вообще не понимала, что здесь со своей страстью немного лишняя.

– Ты пол подмела?

Вероничка в ответ только фыркнула.

– Тогда топай домой, наше гостеприимство подошло к концу.

– Да, топай домой, – осмелела Солька и попыталась пригрозить кулачком, но осеклась на полпути.

Вероничка повела плечом и, уходя, сказала:

– Я пойду в деревню, встречу там Славку и покажу ему такие укромные места...

– Иди, – благословила я.

Солька испуганно посмотрела вслед уходящей красотке.

– Ты отчего еепустила? – возмутилась она.

– Не бойся, твои укромные места все равно Славку интересуют намного больше.

– Что с работой? – поинтересовалась Альжбетка, распуская свои длиннющие ногти веером.

Наконец-то кто-то тут поинтересовался мной.

– Ну, девчонки, усаживайтесь в партере поудобнее, я расскажу вам сказку.

Я плюхнулась на кровать, довольно улыбаясь.

– Поздравляю нас всех, в воздухе уже пахнет бриллиантами!

– Ты что, их уже нашла?! – девчонки подскочили до потолка. Солька даже на миг позабыла про Славку и Вероничку.

– Нет, не все сразу, – слегка я их огорчила, – отгадайте, кому принадлежит этот дом?

Тишина.

– Воронцову, – объявила я, счастливо улыбаясь.

– Не может быть! – стройный хор голосов.

– Может.

– Ух ты! – воскликнула Солька.

– Знаешь, – засуетилась Альжбетка, – это судьба! Вот точно тебе говорю – судьба!

– Вы уже целовались? – спросила Солька, и ее нос задергался от любопытства.

Я тяжело вздохнула.

Усадив девчонок на кровать и дав им немного успокоиться, я рассказала все, как было. Особенный упор я сделала на то, что, по всей видимости, жить без меня Виктор Иванович просто не может, скучает, горюет и страдает...

– Как в кино, – блаженно улыбаясь, сказала Солька, и тут ее взгляд упал на сумку, которую я принесла. – А это что?

– Еда.

– Так что же ты раньше не сказала!

Я со своей новостью была тут же забыта, а Солька погрузилась в сумку по пояс. Ну что за человек – Родину продаст за кусок колбасы.

– О! Да! О! Да! – доносились звуки из пакета.

Нет, Вероничка ей не конкурент.

– Почему так мало? – поинтересовалась Солька, выкладывая награбленное на кровать.

– Скажи спасибо, что это принесла, я с такой мымрой буду работать... На что только мне приходится идти ради нашего благосостояния!

– Ты, Анька, молодец, – горячо закивала Альжбетка. – Настоящий герой, нам надо брать с тебя пример.

– Угу. Видела охотничью халупу, в ближайшее время планирую перебраться ее по бревнышку, а то Воронцов сносить ее собрался.

Хлопнула дверь, и раздался голос моей маман:

– Девочки, мы принесли укроп.

Вот радость-то, прямо добытки, интересно, что они собрались есть с этим укропом? Повидло или конфеты?

Лицо мамы светилось. Осиков был помят и смущен – тяжело ему, видно, пришлось.

– А где вы укропчик нарвали? – спросила я, поглядывая на Арсения Захаровича. Неужели он все же станет моим отчимом?

– Там, – махнул он рукой в сторону деревни и покраснел.

Значит, маман приставала. Понятно.

– А Славку моего не видели? – жуя укроп, поинтересовалась Солька.

– Видели, – обрадовала мама, – с девицей этой ненормальной у колодца хихикал.

– Что?! – воскликнула Солька, забыв про продукты. Все же против любви не попрешь!

Через секунду она уже неслась в сторону деревни, а Альжбетка кричала ей в окно: «Убей ее, убей ее!!!» Никакого воспитания!

– Мама, сообщаю тебе новость: я устроилась на работу, так что вы здесь будете проживать без меня.

– Это что еще такое, и какая может быть работа в лесу?

– Мария Андреевна, – решила мне помочь Альжбетка, – если Ане хочется работать, то давайте ей не будем мешать.

Осиков сверлил меня глазами, как бы спрашивая – неужели получилось? Я еле заметно кивнула. Мне кажется, от счастья он стал

еще толще.

– Значит, так, меня ждут новые обязанности, так что объяснения все потом, я принесла продукты, с голоду вы теперь не умрете и, к сожалению, не похудеете...

При слове «продукты» Арсений Захарович разомлел и привалился к косяку двери.

– Но все же, кем ты будешь работать... я ничего не понимаю, – возмущалась маман.

Я достала из-под кровати сумку и стала складывать в нее необходимые на первое время вещи. Какое же это счастье – жить подальше от маман и поближе к Воронцову!

Второй раз за сегодняшний день я направилась к своему новому месту работы. Настроение бодрое, предчувствие удивительного и прекрасного не покидает мою осоловелую душу.

Около старой скрюченной березы на пеньке сидел старичок; увидев меня, он пригладил волосы и улыбнулся.

– Куда путь держишь, дочка?

Чего не поговорить с хорошим человеком? Я махнула рукой в сторону дома Воронцова и сказала:

– Вот, работать устроилась, спешу на место службы.

Старичок усмехнулся в бороду, потербил дырку на ватных штанах и сочувственно ответил:

– Изведет тебя Петровна, как есть изведет.

– Так вы ее знаете?

– А чего не знать, я у нее остатки со стола беру.

– И почему берете? – поинтересовалась я, слабо веря в бескорыстность Екатерины Петровны.

– Я ей травку приношу.

Мое воображение разыгралось. Я представила Екатерину Петровну Глушакову в клубах наркотического дыма...

– А что за травка? – спросила я, в надежде, что это пригодится для дальнейшего шантажа противной гримзы.

– Лекарственная, разбираюсь я в этом деле, если тебе что надо, скажи.

– А приворотное зелье можете сделать?

– Могу, да только зачем тебе это... ты и так свое возьмешь... глаза у тебя горькие, как почки на деревьях весной, горькие, а жизнь несут...

– Нет, с приворотным зельем как-то спокойнее, – сказала я, пытаюсь скрыть неловкость от последних слов старичка.

– Сделаю тебе зелье, только ведь ты не воспользуешься им.

– Почему?

– Ты настоящим огнем гореть привыкла, душа такая, тут уж ничего не поделаешь.

– Вам бы сказки слагать, – улыбнулась я, – вы приходите к дому почаще, я уж вас просто так накормлю, зачем нам какие-то посредники в лице Екатерины Петровны, я теперь там за главную буду.

Дед опять усмехнулся в бороду.

– А вы из деревни?

– Из нее.

– А я слышала, что никого там уже не осталось.

– Так и есть, какой я человек, уж и нет меня вовсе, так, хожу... землю топчу.

– Не скажите, – возразила я, – вы тут хозяин, это мы понаехали, не выгонишь.

– Тебя звать-то как?

– Аня.

– Доброе имя, – закивал старичок, – а меня дедом Остапом кличут, так и зови.

– Договорились. А вы не видели здесь никого подозрительного? – поинтересовалась я, вспоминая неряшливого субъекта в поезде.

– А кто же в наше время не подозрительный? Все чудные.

– Может, кто-нибудь незнакомый появлялся на днях? Такой неряшливый парень, лет тридцати пяти...

– Нет, не видел вроде. Люди новые приезжают, но редко, чего здесь интересного, рыбалка-то уже не та, вот санаторию отстроят, народу много будет. А ты с Петровной-то поосторожней, вредная она баба.

– Это я уже поняла, буду бороться.

– Правильно, в обиду-то себя не давай.

– Спасибо за беседу, но мне пора, я за вещами ходила, – я потрясла в воздухе сумкой.

– Иди с Богом.

Мне стало как-то легко и спокойно и, отбросив все сомнения и страхи, я устремилась к Победе.

Глава 10

Знакомлюсь с хозяйкой и решаю проникнуть в домик

Зазвенел будильник.

Этого не может быть, потому что не может быть.

Открываю один глаз.

Екатерина Петровна стоит, как памятник всему злему на земле, и держит в руках будильник.

– Вставай!

Делаю только один вывод – надо запирать дверь. Я бы и вчера ее закрыла, но подумала: вдруг Воронцов захочет зайти и пожелать мне спокойной ночи... часов в двенадцать ночи хотя бы...

– Если в моей комнате что-нибудь пропадет, я буду думать, что это вы украли, – не открывая второй глаз, сказала я.

Екатерина Петровна сжала губы и громыхнула будильником о тумбочку.

– Вы бы не могли выйти, а то я стесняюсь в трусиках перед посторонними.

Екатерину Петровну сразу ветром сдуло. Я закрыла глаз и проспала еще три минуты.

В гостиной был образцовый порядок: коробки куда-то исчезли, а цветы блестели от капелек воды на листьях. Екатерина Петровна, по всей видимости, от души их опрыскала.

– Сколько можно просыпаться! – услышала я сразу, как только переступила порог кухни.

– А что, пожар?

– Галина Ивановна приезжает, пошевеливайся.

Как бы донести до сознания этой крикливой Дюймовочки, что мне, собственно, все равно – Галина Ивановна, Груша Аркадьевна или еще какая-нибудь Марья Васильевна... Ну, приезжает, чего когти-то драть...

– Показуху устраивать будем? – поинтересовалась я.

– Бери ведро и неси его за дом, там контейнер с мусором, – распорядилась Екатерина Петровна.

– Может, я лучше отнесу Виктору Ивановичу завтрак в постель?

– Бери ведро, кому говорю!

Ладно, я не против, мне уже давно пора посмотреть, где тут что плохо лежит, а главное, хотелось бы узнать, заперта дверца охотничьего домика или нет. Подхватив ведро, я походкой манекенщицы направилась к двери.

Дом был такой большой, что мне показалось, пока я его обойду, уже вечер наступит.

Куча с мусором находилась за забором; отыскав узенькую калитку, я вырвалась на свободу. Лес, птички поют... Почему-то, когда находишься на участке, прелестей природы не замечаешь.

– Ты Аня?

Я обернулась.

У калитки стоял высокий худой мужчина лет пятидесяти. В одной руке – лопата, а в другой он держал скрученный шланг. Серо-зеленая косынка обвязывала его лоб, а большой не по размеру комбинезон висел на острых плечах. Двух мнений быть не могло – это садовник.

– Аня, – охотно подтвердила я, рассчитывая на дружбу. Союзники в борьбе с Екатериной Петровной мне пригодятся.

Мужчина направился к контейнеру с мусором, не обращая особого внимания на меня. Возникло такое чувство, будто все, что он хотел, он уже узнал. Он уверенно воткнул в довольно плотную землю лопату, кинул в контейнер шланг и, взяв у меня ведро, тоже вывалил его в кучу мусора.

– А шланг вам уже не нужен? – решила я завязать разговор.

– Нет.

– Он прохудился?

– Нет.

– Он старый?

– Нет.

– Он не подходит по длине?

– Нет.

– А тогда какого черта вы его выкинули?

– Он мне надоел.

Чувствую, мы подружмся.

– Мне Екатерина Петровна про вас много рассказывала.

Это такой ход конем – самой смешно, но должна же я понять его отношение к противной Дюймовочке.

Мужчина молчал.

– А могу я узнать, как вас зовут?

– Можешь.

Ну вот, мы почти и подружились.

– А у кого я могу это узнать? – нежно поинтересовалась я.

– У Екатерины Петровны, например, – ответил мужчина, дернув острым плечом.

– Я с этой мымрой общаться не хочу, – сделала я неосторожный выпад.

Мужчина посмотрел на меня с уважением и сказал:

– Юрий Семенович.

– Очень приятно, а откуда вы мое имя знаете?

– Хозяин сказал.

В переводе на русский язык – это Воронцов.

– А очего это он завел разговор обо мне? – обрадовалась я.

– Сказал, следи за ней, глаз не спускай, она ненормальная, от нее всего можно ожидать.

Ах, Виктор Иванович... а я еще за вас замуж собралась, хотела сделать вас счастливым человеком до конца дней ваших... Все, я вас бросаю, не бывать нашему браку никогда!

– А что он еще говорил?

– Что мозги ты мне все заплетишь и скажешь, что так и было, – пропуская меня вперед, ответил Юрий Семенович.

Надо срочно менять тему разговора, и вообще, пора уже попрощаться – я собиралась сделать вылазку к домику, а свидетели мне не очень-то и нужны.

– Вы здесь живете? – спросила я, указывая на пристройку, она напоминала маленький летний домик.

– Здесь.

– Ну что ж, приятно было познакомиться, пойду хлопотать по хозяйству.

Мужчина повернулся ко мне спиной и зашагал в сторону ровной посадки маленьких яблонь.

Фуууу – вздох облегчения!

Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, я направилась к предмету своего вожделения – к покосившемуся охотничьему домику.

Бревнышки потрескались, первой ступеньки не было, а перила держались на одном гвозде. Стоило на них нажать, как они тут же отклонились в сторону. Около двери я замерла... Сейчас решится, надо ли мне взламывать это сооружение или нет. Я нажала на ручку и осторожно дернула дверь на себя. Дверь поддалась, и через секунду я уже просунула нос в образовавшуюся щель. Запахло старой рухлядью и мхом...

– Разве ты переделала все дела по дому? – услышала я довольный голос Воронцова.

Закрыв дверь и резко повернувшись на каблуках, я задрала голову вверх: именно оттуда доносился столь милый сердцу голос.

Воронцов в одних трусах стоял на балконе своего роскошного коттеджа и поглядывал на меня. Мог бы и поспать подольше, не понимает разве, что он мне мешает...

– Доброе утро, – вежливо сказала я, – как ваше самочувствие, не беспокоит ли кашель?

– Уже нет, а что ты забыла в этой халупе?

– Так древность всегда волнует и манит.

– Мне кажется, что древностью тебе стоит заниматься в свободное от работы время.

Вот ведь ехидная зануда!

Я встала прямо под балконом и задрала голову вверх.

– А вам идут эти плапочки, вид снизу просто исключительный.

Воронцов смутился, сморщил нос и удалился в свою комнату. Я тоскливо посмотрела на домик.

Екатерина Петровна развила бурную деятельность на кухне: на плите работали все четыре конфорки, что-то шипело, кипело и пахло, на столе лежали голенькие куры, обмазанные какой-то красноватой пастой.

– Где тебя носит, я всего лишь попросила вынести ведро.

– Встретилась с садовником и, как воспитанный человек, была вынуждена познакомиться и наладить добрые отношения. Вы же не удосужились нас представить друг другу.

– Это ты-то воспитанный человек?! – удивилась моей наглости Екатерина Петровна. – О чем это можно с ним разговаривать, что ты мне врешь.

– С хорошим человеком всегда есть о чем поговорить, – возразила я.

– Он же молчит всегда. Подай огурцы.

Я взяла со стола три свеженьких огурчика и протянула своей мучительнице.

– Вредный и гадкий человек, – продолжила с негодованием Екатерина Петровна, – даже не здоровается со мной.

– Здесь нет ничего удивительного, – пожала я плечами.

– Поговори у меня, – гневно затрясла огурцом Екатерина Петровна, – бери швабру и иди мой лестницу.

Что-то мне уже надоело работать горничной, как-то это утомительно. Надо быстрее разбираться со своей основной задачей и

увольняться.

После обеда я решила вздремнуть. Воронцов отправился на строительство санатория,

Екатерина Петровна прогнала меня, так как я, по ее словам, могу только пачкать, а моя новая хозяйка еще не соизволила приехать, вот и получалось, что заняться было абсолютно нечем.

Уснуть мне не удалось: через полчаса к дому подъехала машина. Я бросилась к окну, любопытство заставило меня приоткрыть форточку и высунуть ухо на улицу.

– Галина Ивановна, заждались мы вас, – щебетала Екатерина Петровна просто медовым голосом.

– Были дела, – отрезала хозяйка.

Отбросив присущую мне скромность, я распахнула окно и перевесилась через подоконник.

Галина Ивановна оказалась молодой и эффектной женщиной. Короткая стрижка, волосы зачесаны назад, было у нее что-то схожее с Воронцовым, что, впрочем, неудивительно – все же они брат и сестра.

Из машины вылез высокий полноватый мужчина, он достал огромные сумки из багажника и проследовал в дом вслед за Галиной Ивановной. Мужчина мне не понравился сразу... пухлые губы, маленькие блестящие глазки и рыжеватые вьющиеся волосы... не терплю, и все...

Я вышла в гостиную – пора бы меня уже представить.

Екатерина Петровна смерила меня раздраженным взглядом и сказала:

– Эта девушка помогает по дому, вы велели нанять...

– Надеюсь, ты понимаешь, ЧТО ЭТО ЗА ДОМ? – поинтересовалась у меня Галина Ивановна.

Конечно, понимаю, это мой будущий дом, вот выйду замуж за Воронцова и...

– Само собой, – коротко ответила я, зачем пугать женщину подробностями.

– Надеюсь, у нас с тобой проблем не будет, – фыркнула тетя Галя и пошла по лестнице вверх.

Мужчина с сумками смерил меня таким взглядом, что я поняла – проблемы будут... и не только у меня...

– А где Витя? – поинтересовалась Галина Ивановна, не удосужившись повернуть голову в сторону Екатерины Петровны.

– Он на строительстве, просил, чтобы вы ему сразу позвонили, как придете, – бойко отрапортовала Дюймовочка.

Как только моя новоиспеченная хозяйка скрылась на втором этаже, я сразу обрадовала Екатерину Петровну своими наблюдениями.

– Галина Ивановна так себе, не произвела впечатления, кстати, я сегодня вечером хочу уйти, маму надо навестить.

– Твоего мнения никто не спрашивает, – зашипела Екатерина Петровна, – никуда не пойдешь, я уже говорила, что у тебя только один выходной, в воскресенье.

– А зачем я вам тут вечером?

– Будешь убираться после ужина.

– Пожалуй, я договорюсь с Виктором Ивановичем. Думаю, он против не будет, он к моей маме питает особую слабость, – захихикала

я.

Мне очень хотелось навестить девчонок, сидеть здесь в одиночестве было невыносимо, казалось, что все интересное происходит где-то там, без меня... К тому же я решила вернуться поздно вечером и все же пробраться в интересующий меня домик, сколько можно здесь работать! Надоело! Время тянулось, как старая резина...

Наконец послышался звук открывающейся двери, и через секунду Воронцов уже смотрел на меня. Вернулся. Здравьете! Полдня его прождала!

– Я вечером уйду, – сообщила я, полагая, что подобная тактика – это то, что надо в данном случае. А что тут рассусоливать? Поставила перед фактом, и полный порядок!

– Куда?

– На дискотеку в деревенский клуб.

– Не отпускаю.

Приятно.

– А к маме?

– Иди.

Я чуть не подскочила к нему и не расцеловала, но стоп... я – сама невозмутимость!

Екатерина Петровна так заскрипела зубами, что дом заходил ходуном.

Глава 11

Мы идем в гости и узнаем кое-что интересное; Арсений Захарович в это время гибнет под обаянием моей мамы

Девчонки носились по комнате, не замечая меня.

Альжбетка стягивала желтую футболку и надевала зеленую, Солька то бросалась к зеркалу с пудрой, то к раскрытой сумке, с вытянутыми на три метра руками; она так в ней начинала копать, как будто на дне лежал золотой рубль, а уж Солька за золотой рубль планету насквозь пророеет.

– И долго это будет продолжаться? – поинтересовалась я.

– Мы идем в гости, – объявила Альжбетка.

– Прекрасно, значит, пока я там драю полы и мою посуду, у вас тут не жизнь, а просто молочные реки, кисельные берега.

Устыдившись, девочки сократили вдвое свои суетливые движения.

– Нас Егор пригласил, – начала выдавать информацию Солька, – охота же сходить, сидим тут, тухнем.

И давно это, интересно, Солька сделалась такой подвижной особой, раньше из дома ни ногой, сидела, как квочка, над своими конспектами и тетрадками... а теперь полюбуйте на нее, наверное, хочет побывать в доме своей врагини Веронички и узнать о ней что-нибудь интересное.

– А меня, значит, позвать не надо? – спросила я.

– Так как тебя позовешь... Не сердись, – мягко сказала Альжбетка.

Вот не хватало только, чтобы со мной разговаривали, как с душевнобольной.

– А мобильники для чего придумали?

– Связь только у реки берется, – попыталась оправдаться Солька.

– До реки рукой подать, – напомнила я.

Солька села на кровать и сказала:

– Хорошо, мы никуда не пойдём.

Знакома мне эта игра на публику!

– Прекрасное решение, – спокойно выдала я и стала отстраненно смотреть в окно.

Альжбетка начала медленно стягивать зеленую футболку. Сольке это не понравилось – она поняла, что сейчас проиграет битву.

– Ну что такого...– заныла она, кидая на меня просительные взгляды, – Егор же пригласил, как-то неудобно отказываться.

– Мы виноваты, – решила покаяться Альжбетка, пытаясь получить за это неплохой бонус.

Ладно, не буду долго их мучить.

– Собирайтесь, – лениво позволила я.

Суэта в комнате воцарилась с новой силой.

– Я сначала не знала, брать Славку или нет... – тараторила Солька, – все же Вероничка может там начать строить глазки, и вообще нечего ему лишний раз на нее смотреть! А потом подумала,

вот еще, пусть эта дурочка видит, что это мой мужчина и что я не собираюсь его отдавать.

– Правильно, – поддержала ее Альжбетка, – а то ишь ты, хвост она распушила... Кстати, Ань, не знаю, расстроит это тебя или нет, но твоя мама от Арсения Захаровича просто не отходит, по три раза на день зовет его гулять, вот и сейчас они пошли куда-то в лес.

– Пусть развлекаются, – махнула я рукой.

Если моя мама чего-то хочет, то ее уже танком не остановишь, это у нас семейное.

– А Славка где?

– Он белье стирает, я кофту испачкала, и брюки уже грязные, – ответила Солька.

– Вот Вероничка, – начала я, торжественно подняв палец вверх, – наверняка бы постирала и свое, и Славкино, она-то свою выгоду понимает.

– Не думаю, – засомневалась Альжбетка.

Солька задумалась:

– Вообще, конечно, это мой стратегический промах, но все же пусть лучше Славка стирает, я это делаю плохо.

Славка стоял в дверях, держа в одной руке облупившийся тазик, в котором ровненько лежали скрученные Солькины вещи, а в другой – откусанную сосиску с куском хлеба.

– Хорош, – залюбовавшись, сказала я.

– Ну что, вы собрались? – поинтересовался Славка.

– Откуда провиант?

– Так сегодня магазинчик приезжал, мы весь холодильник забили, если бы ты видела, сколько ест Осиков, мы его просто не прокормим, – затараторила Солька.

– Соля, вы собрались или нет? – вновь поинтересовался Славка.

– Идем, идем, мой котеночек, – запела учительница ботаники.

Тьфу...

Вероничка в юбке длиною пятнадцать сантиметров встречала нас у крыльца.

– Заходите, гости дорогие, – ласково пропела она, не отрывая взгляда от внушительного Славки.

Солька ткнула его кулаком в бок, предупреждая, что шаг вправо, шаг влево наказуем расстрелом без суда и следствия.

В домике жили Степан, Егор и Вероничка, и апартаменты, надо сказать, были куда меньше наших: всего одна комната, перегороденная в углу ширмой, где, по всей видимости, было место Веронички.

– Проходите, – сказал Степан, отставляя к стенкам стулья, – присаживайтесь.

– Егор сейчас придет, – подходя к Славке, сказала Вероничка, – он фрукты мыть пошел.

Какие кругом мужики!

Степан отодвинул от окна стол и стал накрывать его потрепанной скатеркой, Славка бросился ему помогать. Смотреть на этих двух «хозяйшек» было умирительно.

Постепенно на столе стали появляться тарелки, стаканы, хлеб и другие предметы, обещающие приятную трапезу. Егор принес фрукты и бутылку самогона.

– Дед Остап презентовал, – торжественно объявил он, ставя бутылку на середину стола.

– Я его знаю, познакомилась по дороге на работу, – сказала я, накладывая на тарелку блестящие шпроты.

– Хороший он старик, – закивал Егор, – говорит красиво, сейчас уже так не умеют.

Через час всем было весело, всем, кроме Сольки и Славки. Виной этому была активная Вероничка: она все время норовила под столом дотянуться ногой до нашего доблестного рыцаря, что вызывало гнев у Сольки и волну смущения все у того же Славки. Глаз от этого зрелища было просто невозможно оторвать.

– ...нет, я вам сейчас покажу, какой я был в детстве! – воскликнул Егор, вскакивая со стула, – это сейчас я блондин, а тогда был темненький.

Я прослушала начало спора и не очень вдумывалась в текущий разговор.

– Степ, дай фотки, – потребовал Егор.

– А где они?

– Вон маленький альбомчик на приемнике, под газетой.

– Зачем ты их только притащил сюда, – фыркнула Вероника.

– Да ты маму нашу не знаешь, что ли, любит семейственность разводиться, говорит, бери, чтобы родителей своих не забывали, что я, спорить, что ли, буду...

Степан неловко вынул альбом, и газета соскользнула прямо на коленки к Вероничке.

– Ой, смотрите, – заверещала она, – я эту тетку знаю, она живет в одном из больших домов, что за лесом.

Я забрала у нее газету. С сероватой бумаги на меня смотрела Селезнева Галина Ивановна.

– Дай посмотреть, – стала канючить Солька.

– Это хозяйка моя, – сказала я, протягивая ей газету.

– Как это хозяйка? – изумился Степан.

– Я на работу к ней устроилась, по хозяйству помогать, мне сейчас деньги нужны.

– А я ее видела пару раз, – кинула Вероничка, – она так хорошо одевается! Это и неудивительно, у нее целая куча денег.

– Что там пишут? – вытягивая шею, спросила Альжбетка.

– Четвертого августа состоялся аукцион... газета старая, что ли? – заворчала Солька.

– Читай, не отвлекайся, – потребовала Альжбетка, обожающая сплетни и всякую светскую жизнь.

– Четвертого августа состоялся аукцион «Живая слеза», на аукционе были выставлены ювелирные украшения, оцениваемые экспертами на общую сумму в два миллиона долларов...

Егор присвистнул.

– ...ну, дальше тут перечисляются разные украшения... мммм... вот! «Самый дорогой лот – кольцо «Живая слеза», в честь которого и был назван аукцион, приобрела сестра известного бизнесмена Воронцова В.И. Селезнева Галина Ивановна, кольцо оценивается в восемьсот тысяч долларов, но его новая хозяйка заплатила за него на двести тысяч больше. Это работа мастеров семнадцатого века – поистине настоящее произведение искусства»... тут есть фотка, – Солька развернула газету и ткнула пальцем в небольшую фотографию.

Футляр был открыт, и на бархатной подушке лежало красивое кольцо с огромным камнем в середине и множеством маленьких вокруг. Я не очень понимаю в подобных вещах, но вроде красиво.

– Вот это да! Везет же! – воскликнула Альжбетка.

– А что – везет-то, – пожал плечами Славка, – и куда она пойдет с этим колье, его только в сейфе хранить.

– ...«на вопрос, как часто новая хозяйка кольцо будет его надевать, Галина Ивановна ответила, что расставаться с ним не собирается, так как давно мечтала о таком восхитительном украшении. Галина Ивановна нас заверила, что не намерена прятать подобную красоту и будет надевать кольцо при каждом удобном случае...»

– Ну и дура, – буркнул Степан, щуря глаза и откидываясь на спинку стула.

– И вовсе не дура, – заспорила Вероника, – я бы тоже носила, пусть все видят, какая я богатая!

– Мечтай, мечтай, – засмеялся Егор.

Я взяла газету у Сольки и стала ее изучать. За столом разгорелся спор, как лучше поступить с колье – носить или нет, прятать или выставлять напоказ.

На фотографии Галина Ивановна выглядела моложе и даже еще эффектнее, чем в жизни, представляю, как она готовилась к этому аукциону и как ей хотелось произвести впечатление на богатую публику.

Под фотографией было написано:

«Счастливая обладательница кольца «Живая слеза» не собирается расставаться со своим приобретением ни на минуту».

– Да я бы никому не сказал, что у меня есть такая дорогая штука!.. – кричал Егор, махая в воздухе огурцом. – Я не идиот!

– Ты ничего не понимаешь, – перебивала его Альжбетка, – это же важно, чтобы все знали, какое роскошное кольцо у меня есть!

– У тебя его нет, – настырно поправляла Солька.

– Я же образно говорю.

Степан особо в споре не участвовал, он пил самогон и редко вставлял замечания. По всей видимости, ему стало жарко, и, сняв рубашку, он остался в одной майке – на руках, плечах и груди красовались различные татуировки.

– Где это ты так себя разрисовал? – наивно хлопая глазами, поинтересовалась я.

– В тюрьме, – коротко бросил Степан и как-то еще больше ссутулился.

Споры за столом сразу прекратились.

– Отсидел по молодости, – закуривая, уточнил Степан.

– А за что? – спросила я.

– Ты чего, – шикнула на меня Альжбетта, намекая, что я не очень-то тактична.

– Да так, разбойное нападение, ничего особенного.

Конечно, что же здесь особенного...

Я опять уткнулась в газету, а за столом возобновился прежний спор.

Время летело быстро, уходить не хотелось, но мне необходимо было вернуться в дом Воронцова. Распрощавшись со всеми и выпив на дорожку три рюмки самогона – иначе меня просто не отпускали, я вышла на свежий воздух.

Свет в нашем домике горел, и я решила проявить чудеса дочерней любви: почему бы не зайти и не проведать мамочку, может, ей интересно, как проходят мои рабочие будни. Я открыла дверь и схватилась за косяк: самогон делал свое дело медленно, но верно. Соображала я хорошо, но вот ноги как-то подкашивались и пружинили.

Мама с Осиковым сидели на кровати в обнимку и целовались. Бывает же такое, может, у меня уже белая горячка?

– Мама, я не советую тебе делать это до свадьбы, Арсений Захарович еще тот...

Они так подскочили, что моя мысль заблудилась и не нашла продолжения.

– Ты что здесь делаешь? – спросила мама, краснея.

– Я тут живу.

– Но ты должна быть на работе!

Ах, как им всем удобно, что я работаю, хорошо устроилась!

– Извините, ошиблась дверью.

– Девочки, не ссорьтесь, – глазки Осикова забегали по стенам и потолку.

– Это совсем не то, что ты думаешь... – начала оправдываться мама, – хотя я не понимаю, почему я должна отчитываться перед тобой! Ты же не собираешься мешать моему счастью.

– Нет, – сказала я, с состраданием глядя на Арсения Захаровича.

Взяв с тумбочки яблоко, я направилась к двери. У меня на сегодня было запланировано еще одно дело, и, пожалуй, я сейчас потороплюсь его выполнить.

Глава 12

Я там, где пахнет бриллиантами, но пахнет ими недолго...

Одной ступеньки нет, перила на одном гвозде... Я здесь, я у цели.

Я так осмелела, что подошла к домику быстро и решительно, открыла дверь и утонула в темноте. Почему я не догадалась взять фонарик или хотя бы зажигалку?.. Вовремя вспомнив про мобильник, я попыталась им осветить себе путь.

Глаза постепенно привыкали, да и слабый свет от телефона играл немаловажную роль. Уже через несколько секунд я смогла различить очертания окружающей меня обстановки. Здесь была всего одна комната, довольно просторная и уютная: справа от меня были маленькая кирпичная печка, стол, крохотный шкафчик и вешалка, на

которой висело рваное полотенце – эта часть комнаты олицетворяла собой кухню. Слева в углу стояли две узкие кровати, тумбочка, шкафчик побольше, на стене криво висели деревянные полки, на которых пылились книги и журналы, была еще какая-то рухлядь...

Я шагнула вперед и подняла с пола опрокинутый стул, сделала попытку его поставить, но он вновь завалился набок. Ощупав его, я пришла к выводу, что одна ножка сломана. Когда-то здесь жили люди, питались консервами, ловили рыбу, охотились и наверняка были счастливы этой простотой...

Бриллиантики... давайте я закрою глаза, а когда их открою, вы будете просто лежать вон на том столе, привинченном к стене, как обычно бывает в поездах...

Я закрыла глаза, давая шанс бриллиантам самостоятельно появиться на свет. Открыла глаза... хм, странно, их нет...

– Хамство, – сказала я и вздохнула.

Мне захотелось прилечь на кровать и уснуть, но я собрала себя в кучу, взяла за шкурку и кинула на поиски сокровищ. Хорошо сказать – ищи. А где их тут искать?!

– Кто-то сейчас развлекается, а я вот в полной темноте ищу наше будущее... можно подумать, мне только одной это надо... сама виновата, вечно все взваливаю на свои плечи...

Я заглянула в печку – пусто, да и не стал бы сюда Селезнев прятать, вдруг бы кому-нибудь пришло в голову согреться, кинул бы он дровишки, поджег... а может, так оно и было? Я еще раз заглянула в печку: пепла нет, все вычищено.

Темно.

Я пошарила по полкам... нет... Попыталась представить, что я Селезнев – трудно было, но я представила. Куда бы я спрятала

диссертацию друга? Посмотрим под кроватью. Нагнулась и протянула руку... Фуууу, мерзкая паутина безжалостно окутала пальцы, я отдернула руку, нет, так дело не пойдет, ничего не видно.

Я вынуждена признать свое поражение; почему же я не подумала о фонарике? Потому что мозги промариновались самогоном! Стыдно.

Пристально оглядев комнату и попытавшись запомнить все увиденное (это чтобы впоследствии все хорошенько обдумать и вычислить место дислокации бриллиантов), я вышла на улицу.

– Это никогда не закончится, – пробубнила я, как старая бабка.

На втором этаже замка Воронцова слабо мигал свет, остальные окна были темными и безжизненными. Я и не заметила, как добрела до дома, и вошла. Чувствовала, что поднимаюсь по лестнице, и изумлялась – зачем я это делаю, когда моя комната на первом этаже?

Зачем же, интересно, я это делаю...

Воронцов сидел на диване и смотрел телевизор. На экране длинноногая блондинка вешала лапшу на уши какому-то престарелому дядечке – вот они гармония и порядок! Все! Я пропала! Он смотрит на меня!

– Что не так? – поинтересовалась я, приваливаясь к стене.

Лучшая защита, как всем известно – нападение, а нападать я умею... во всяком случае, раньше могла...

– Уже ночь.

– Вот и шли бы спать.

Почему, спрашивается, он не спит?

– Я ждал тебя.

– Зачем?

У меня очень изумленный вид, я стараюсь.

– Волновался.

– Это что это вы такой милый?

– Я всегда милый.

– Не смешите меня.

Люблю я наши с ним разговорчики!

Воронцов встал, отбросил в сторону пульт от телевизора, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и шагнул ко мне.

Сейчас я вам расскажу, что мне говорила мама каждый раз, когда я шла на школьную вечеринку или приходила домой не в восемь часов, а в восемь тридцать. Мама мне говорила – не верь мужчинам, не верь мужчинам, не верь мужчинам, не верь мужчинам, не верь мужчинам... Еще она говорила: мужчины – это зло, мужчины – это зло, мужчины – это зло... Остановите меня, а то я сейчас начну икать!

И вот сейчас я думаю: а что толку, что она так говорила, если в это время за километр от меня она склоняет бедного Осикова к вялым и бессмысленным телодвижениям... Так, нельзя думать о маме, это испортит вечер.

– Ты пила?

– Немного.

– Ты же сказала, что идешь к маме?

– Я пила за ее здоровье.

– Где?

– А по какому праву этот допрос?

– Я твой работодатель.

– Я вам не завидую.

Он сдвигает брови. Надо отступить.

Я сделала шаг назад, и моя спина прилипла к стене.

Очень давно я была влюблена в одного мальчика, как-то глупо влюбилась: я обыграла его в теннис, и он меня за это отколошматил, мне было четырнадцать лет, а ему немного больше. Вот я разозлилась тогда – жуть! А он все ходил

и просил у меня прощения. Он так смотрел на меня... Только за то, что он так смотрел, я в него и влюбилась.

Воронцов обжег меня взглядом и сжал зубы. Отступить было некуда, да и поздно...

У меня в голове бардак, вы чувствуете это? Я чувствую – полный бардак.

– Где ты была?

– Я пойду спать.

Чего ко мне приставать с глупыми вопросами, разве не видно, что я немного... немного смущена.

Он подошел совсем близко, и я не смогла отвести глаз от его расстегнутой верхней пуговицы.

– Я волновался.

– Вы чуткий человек, как я погляжу, наверное, ваша мама вами гордится.

Моя мама вот мной не гордится, она своим знакомым всегда говорит – Аня вся в отца. А это, скажу я вам, для нее худшее из всех зол.

– А где ваша сестра?

– Спит, и если ты будешь говорить тише, то есть шанс, что она не проснется.

Я буду говорить тише, какие проблемы. Я могу вообще не говорить, только бы она не проснулась.

Он погладил меня по щеке... как котенка...

Он целует меня, люди добрые, он меня целует, и самое невообразимое, что я его целую тоже! Мне кажется, я поступаю правильно, я бы даже сказала – целесообразно! Вот спросите меня сейчас – а что ты делаешь? Ха! Да я целуюсь! Вы изумлены? Я тоже.

Он нежный...

Чуть вправо, и я в его комнате.

Он тысячу раз нежный...

– Девочка моя.

Ух ты! Должна ли я ему сказать – мальчик мой?

– Что же ты такая необыкновенная...

Он смотрит мне в глаза и слегка улыбается.

– Что же ты такая чудесная...

Врет, наверное, но приятно, скажу я вам, очень приятно.

Моя голова коснулась подушки, и я закрыла глаза.

– Витя! Почему работает телевизор?! – голос Галины Ивановны резок и капризен.

Этот голос незримо толкает мою мечту в спину, и она, словно ваза из тонкого стекла, падает вниз на гладкий полированный пол...

Я паникую. Я ПАНИКУЮ!!! Подпрыгиваю и ныряю под кровать. Через секунду дверь распахивается, и я вижу босые ножки тети Гали. Педикюр имеет место быть.

– Витя, ну что это такое? Неужели так трудно выключить за собой телевизор?

– Не знаю, поверишь ли ты мне, но сейчас я себя просто ненавижу за это.

«Я себя ненавижу за это» – как он красиво сказал!

– Что ты паясничаешь, у меня голова раскалывается, мигрень замучила, а тут еще ты со своими издевками.

Вот бы мне сейчас выползти из-под кровати, представляю, как изменилось бы ее лицо: оно бы просто съехало набок.

Воронцов встал, подошел к сестре и сказал:

– Я обещаю тебе, что больше такого не повторится, иди спать, тебе надо отдохнуть.

Галина Ивановна что-то пробурчала и хлопнула дверью. Подумаешь, какая птица, разбудили ее, а то, что мне испортили ночь

любви, это кого-нибудь волнует? Да я на нее в суд подам!

– Вылезай, – смеясь, сказал Воронцов.

Я уже тоже хотела поворчать, что под кроватью у него пыльно, но побоялась, что он заставит меня завтра здесь убирать.

Я отряхнулась и посмотрела на Воронцова.

– Это даже к лучшему, – сказала я и решительно направилась к двери.

– Почему же? – улыбаясь, поинтересовался Виктор Иванович.

– Я выпила и боюсь, что завтра не смогла бы вспомнить подробности несостоявшегося мероприятия, а вы же знаете, как в таком деле важны подробности.

– Представляю, – щурясь, сказал он.

– Ну, я пошла?

– Иди, – ответил Воронцов, все еще загораживая проход.

– Вы меня пропустите?

– Разумеется, – ответил он, не двигаясь с места.

Я пасмурно посмотрела на него, и он все же отступил в сторону. Уходя, я обернулась и сказала:

– Завтра я буду думать, что все это мне приснилось.

Он улыбнулся.

На лестнице я вздохнула, потом вздохнула еще раз и тоже улыбнулась.

Глава 13

Нам на пятки наступает неизвестный

Надо открывать глаза... Кому надо? Мне не надо...

– Вставай, – приказываю я себе и делаю рывок.

Бесполезно, продолжаю лежать.

– Вставай же, – проявляю нетерпение к самой себе.

Ноги медленно сползают с кровати.

Голова не болит, что уже хорошо, утро можно считать удачным. Откинув одеяло, я бросилась искать ручку и листок. Устроившись поудобнее за столом, я попыталась вспомнить вчерашний вечер, вернее, ту его часть, когда ноги привели меня к старому охотничьему домику. Я стала рисовать план увиденного: печка, шкафчик, полки... Как там Воронцов, интересно, жалеет ли он, что вчера все сорвалось?.. Кровать, балка над окошком... и что эта заноза Галя пришла... где могут лежать бриллианты?.. Какой же он нежный...

Нет, так дело не пойдет. Я отодвинула листок в сторону. Надо как-то развеяться, а уж потом приступить к делу.

Шкаф предлагал мне следующее: две голубые футболки, одну белую кофточку с рюшками (кажется, это Солькина), приталенную рубашку в полосочку без двух верхних пуговиц... подходит, надеваем. Джинсы... да, джинсы!

Екатерина Петровна уже гремела на кухне. Зачем человеку мешать работать, пожалуй, я пройду мимо. Ноги сами меня несли на второй этаж, так хотелось увидеть ЕГО! Но мои надежды не оправдались, более того, я была жутко разочарована – на диване лежал спутник тети Гали. Живот его стекал на один бок, а глаза остановились в районе моей груди. Неужели это масляное чудовище думает, что эту восхитительную грудь я растила для него?

– Меня зовут Евгений, но при Галине зови меня иначе.

Наверное, я должна сама догадаться, как его называть...

– Вам как больше нравится – Гоблин или Троль?

– А меня заводят такие остренькие девочки, – тщетно пытаюсь подняться с дивана, ответил Евгений.

Вторая попытка увенчалась успехом, и он сел.

– Значит, Гоблином, – подытожила я наш диалог.

– Евгением Романовичем, – поправило меня чудовище, потирая живот.

Говорил он тихо, из чего я сделала выводы, что все еще спят. Поморщившись, я пошла обратно.

Все дороги ведут на кухню...

– Проходи, садись, – скомандовала Екатерина Петровна, как только меня увидела.

Сумасшедший дом.

– Ты что, думаешь, раз тебя с улицы взяли, то, значит, все можно?

– Приблизительно так я и полагала, – подтвердила я, отламывая кусок булки.

– Я за тобой слежу!

– Достойное занятие, не спорю.

– Ты чего это крутишься возле домика, тебе что там, медом намазано?

Только этого мне не хватало.

– А я в детстве ходила в исторический кружок, и вот с тех пор все древнее меня притягивает.

– Ты мне зубы не заговаривай, покрасть чего хочешь?

– Ага, золото, бриллианты...

Иногда надо говорить и правду.

– Дура, – плюнула от негодования ненавистная Дюймовка, – еще раз там тебя увижу, все расскажу Галине Ивановне, и не думай, что уволить тебя – это проблема.

– Боюсь, мечты ваши не сбудутся.

– Ты думаешь, я не видела, куда ты ночью отправилась, – Екатерина Петровна хохотнула, – да только быстро ты вернулась, видать, выставили тебя вон.

Екатерина Петровна закинула голову назад и стала громко хохотать.

– Да нет, отчего же, – положив ногу на ногу, ответила я, – Виктор Иванович был вовсе не против слиться со мной в единое целое, но я

никуда не тороплюсь, хочется привязать его покрепче, вы же понимаете...

Я многозначительно посмотрела на Екатерину Петровну, она перестала клокотать своим громким смехом и взялась нервно чистить морковку.

– Чтобы к дому не ходила, Виктор Иванович сегодня уедет, а уж Галина-то тебя выкинет в два счета.

Ну что же это такое, зачем он уезжает?

– А вы где прятались? – поинтересовалась я. – У вас наблюдательный пункт в каком месте?

– Не твое дело.

Наверняка под лестницей... ну устрою я тебе в следующий раз...

Дверь распахнулась, и на кухню вошел Воронцов: белая рубашка, галстук – на парад, что ли, собрался?

– Куда отбываете? – поинтересовалась я.

– Совет директоров.

Воронцов посмотрел на меня слишком ласково и слишком быстро...

– А я вам завтрак приготовила, – засуетилась Екатерина Петровна, скача вокруг предмета моего обожания.

– Заверните с собой, перекушу за рулем. Вы набросали список? Что необходимо привезти?

Дюймовочка дернулась к шкафу, достала с полки бумагу, исписанную меленьким почерком.

– А тебе что-нибудь нужно? – заботливо поинтересовался Виктор Иванович.

Мне нужно обручальное кольцо... нет, сначала кольцо – знак помолвки, а потом уже обручальное; мне нужно свадебное путешествие, потом я бы сейчас выпила мартини, еще детей... да, детей мне нужно... еще мне нужно, чтобы мама приходила к нам как можно реже, ну, и любовь до гроба...

– Аленький цветочек, – скромно потупив взор, сказала я.

Глаза Воронцова заискрились, а Екатерина Петровна вскрикнула – она, бедняжка, порезала палец, кромсая колбасу.

– Цветы заберите! – в районе окна раздался резкий голос садовника.

– Чего сидишь, иди, – быстренько скомандовала Екатерина Петровна.

И что это за мещанские привычки – розы пихать по вазам, неужели нельзя выйти в сад и там поглазеть на данную часть природы? Я поплелась на улицу. На скамейке лежала охапка различных цветов, роз было всего несколько штук, остальные – какие-то коряги, похожие на сухоцветы. Зима скоро, а они все над цветами чахнут. Тяжело вздохнув, я на вытянутых руках понесла все это к дому.

Около кустов сирени за забором что-то мелькало...

Странно, конечно, но мелькала там Солька... Она подпрыгивала вверх, пытаюсь дать мне знать о своем присутствии.

– Ты что здесь делаешь? – зашептала я в щель забора.

– Нас ограбили!

Я сразу подумала о деньгах: все-таки я привезла сюда приличную сумму (мало ли как могло тут все закрутиться).

– Что украли?

– Газету.

Дать бы ей по башке чем-нибудь!

– Иди к двери, сейчас открою.

Впустив Сольку, я сразу дала ей подзатыльник.

– Ты чего? – надулась она тут же.

– Нечего панику разводить.

– Я тебе сейчас все объясню.

– Пошли в дом.

На столе в гостиной лежал пакет с завтраком для Воронцова. Бесцеремонно покопавшись в нем, я прихватила сверток с бутербродами, бросила цветы на диван, а Сольку подтолкнула к своей комнате.

– А ничего, что я зашла?

– У тебя есть пять минут, если тетя Галя тебя увидит, нам конец.

– Хи-хи, ты что, так и зовешь ее тетей Галей?

– А как мне ее еще звать, выпендривается, как жираф, не доеденный крокодилами... Давай рассказывай, – потребовала я.

– Я же говорю, нас ограбили, мы пришли вчера поздно, я газету у ребят забрала, ну, где эта твоя Галя вся расфуфыренная на аукционе...

– Тебе-то зачем эта газета?

– Я всем буду показывать и говорить, что я с ней знакома.

– Это я с ней знакома, – не смогла я сдержать ехидства.

– Тогда я буду всем говорить, что моя подруга с ней знакома.

Против Сольки в такие минуты не попрешь.

– Давай дальше.

– Газету я положила на холодильник в коридорчике, и мы завалились спать. Утром просыпаюсь от шума, тихий такой шумок, как шуршит кто-то, я думала, Вероничка к Славке крадется...

– Конечно, о чем еще можно подумать в такой момент.

– Решила я ее застукать, тихонечко вылезла из кровати и приоткрыла дверь, заглядываю в коридорчик, а там мужик, представляешь?

– Честно говоря, нет, а какие они, эти мужики, вообще?

– Ты не понимаешь, это не Вероничка.

– Как раз это до меня дошло.

– Мужик этот какой-то...

– Неопрятный, – подсказала я.

– Да!

Я чувствовала, что мы с этим типом еще встретимся.

– Он схватил с холодильника план и газету – и бегом на улицу... Украл мою газету, а я ведь даже не запомнила, от какого она числа, даже в библиотеке стащить не смогу...

– А ты что, ради этой газеты поперлась бы в библиотеку?

– А как я всем покажу эту Гальку, с которой знакома?

– Это не ты с ней знакома, – опять съехидничала я.

– Ну и что, мне нужна эта газета, и все!

– А что за план? – закидывая ногу на ногу, спросила я, понимая, что Солька не о том сейчас думает.

– Да план Осикова, который ему твой умерший начальник оставил.

Я молча уставилась на Сольку.

– Ты что... ты думаешь, он за планом приходил?

– Нет, за твоей газетенкой.

– Подожди... Да он просто так к нам залез, своровать что-нибудь, знаешь, сколько тут бездомных ходит...

Когда речь заходит о бездомных и вообще обездоленных людях, у Сольки повышается аппетит. Она развернула бутерброды Воронцова и стала их есть.

– Кому тут нужен этот план, валялся, никто на него и внимания не обращал, – рассуждала Солька, жуя, – газета ему моя нужна была, точно тебе говорю.

– Мне кажется, Осиков нам что-то не договаривает, и кажется мне это уже давно, – задумчиво сказала я.

– Да мы тут для всех чужие. Мы же просто приезжие, никому и в голову не придет, что у нас есть цель...

– Говори тише, – потребовала я.

Почему я нервничаю? Почему, глядя на Сольку, я так сильно нервничаю? Что не так? Что же не так?.. Я не могла привести мысли в порядок, что-то непонятное зародилось в душе и никак не хотело приобрести четкие очертания...

– Расскажи еще об этом парне, какой он?

– Постарше тебя, куртка такая драненькая, темно-синяя, волосы грязные и липкие какие-то...

Это он, тот парень из поезда!

– Ты иди уже, а то сейчас весь дом проснется, нам проблемы не нужны, – сказала я, вставая с кровати.

Я проводила Сольку до ворот.

– Ты-то тут как поживаешь? – спросила она.

– Нормально, – я улыбнулась, – вчера целовались.

– Правда? – радостно воскликнула Солька. – А дальше-то что было?

– Дальше тетя Галя притопала, и пришлось драпать, – я засмеялась, вспоминая вчерашнюю ночь, – давай иди уже.

Солька затопала в сторону турбазы, а я стояла и смотрела ей вслед. Что не так? Что?

В какой именно момент во мне поселилось беспокойство? Вот мы сидим, Солька рассказывает про газету... она разворачивает бумагу и ест бутерброды... она ест бутерброды! Она их просто ест! Солька, которая не умеет есть по-человечески, не умеет есть, не выпотрошив и не перемешав все на свете, просто достает бутерброд и кусает его!

Я бросилась в дом, влетела на кухню. Екатерина Петровна подскочила от того грохота, который я устроила.

– Воронцов уехал? – задыхаясь, спросила я.

– Нет вроде, машины не слышно было, а что случилось?

Екатерина Петровна так изумилась моему выражению лица, что даже не нахамила. Я не стала отвечать и, выскочив из кухни, побежала вверх по лестнице. Распахнула дверь и увидела Воронцова: он надевал пиджак.

– Что случилось? – спросил он.

– Вы не могли бы мне кое-что привезти из Москвы?

– Конечно, говори, что нужно.

– Мне нужен тест.

– Какой?

– На беременность.

Воронцов наклонил голову набок и спросил:

– Ты смерти моей хочешь? Ты знаешь, сколько мужчин умирает в моем возрасте от инфаркта?

– Вы сейчас не умирайте, – взмолилась я, – вы тест сначала привезите.

– Это тебе? – его глаза стали, как щелки.

– Нет.

– Привезу.

– А не умрете?

– Нет, – он улыбнулся, – обещаю.

Глава 14

Ой, ой, ой... Помогите! Грабят!

К обеду мои мысли сплели такую паутину, что голова опухла и мешала при ходьбе – меня бросало из стороны в сторону. То я размышляла о Сольке и Славке, то об этом Неопрятном Недоразумении, укравшем план, то о Воронцове, то еще о ком-то, а потом вообще обо всем и обо всех сразу.

Никогда бы не подумала, что с такой охотой возьмусь за уборку, но сейчас это казалось единственно правильным решением. Во-первых, трудовая терапия может неплохо отвлечь от табуна мыслей, во-вторых, если повезет, я наткнусь на что-нибудь интересное – в каждом доме есть свои тайны.

На этажах тихо: хозяйка отправилась на прогулку в гордом одиночестве, а Екатерина Петровна потрошила курицу в дальнем углу сада. При мысли об этом я содрогнулась.

Пожалуй, начну уборку с комнаты вредной Дюймовки. Что, вы думаете, она сама там навела марафет? Возможно, но если я смахну

пыль, то лишним это не будет. Остановите же меня... хи-хи...

Идеальный порядок, даже противно. Библия на столе. Я машинально открыла то место, где лежала закладка: ничего интересного, пара галочек на полях, и все. В шкафу ровные стопки одежды, на тумбочке порядок, в ванной порядок... а почему, интересно, у меня нет личной ванной? Вот это точно непорядок!

Вышла с глубокой печалью на сердце – ничего не нарыла. Смахивая по пути несуществующую пыль, я поднялась вверх. А давайте-ка посмотрим, что там у тети Гали... Дверь приоткрыта, я заглянула и тут же отскочила в сторону... вроде не заметил... Евгений Романович крутился возле кровати.

Приготовьтесь – я медленно просовываю голову в комнату.

Евгений Романович шарил в тумбочке своей разлюбленной подруги, шарил довольно аккуратно, чтобы она не заметила беспорядка. Я чуть присела, так меня немного прикрывал шкаф. Этот лохотный гоблин разочарованно задвинул ящик и уставился на белый пиджак Галины Ивановны. Помедлив секунду, он залез в карман и извлек из него плоский кошелек. Радостная и довольная улыбка запрыгала по его так называемому лицу.

В кошельке, как можно было догадаться, лежали денежки в таких зеленоватых купюрах: отсчитав пару сотен, Евгений Романович засунул выручку в свой карман, а кошелек – в карман пиджака тети Гали и, насвистывая, направился к двери.

Я заметалась по коридору и с перепугу влетела в комнату этого воришки и стала тереть стол, время от времени поплеывая на него.

В комнату вплыл Евгений Романович и просто оторопел от моих действий.

– Ты чего делаешь-то?

– Убираюсь, а вы что подумали? – небрежно отвечаю я.

– Я подумал, что ты плюешь на мой стол.

Какой наблюдательный, только посмотрите на него!

– Так средства для полировки мебели стоят дорого.

– Не настолько, чтобы ты тут плевалась!

Я перестала выполнять свои непосредственные обязанности и направилась к двери. Гоблин тут же перегородил мне проход. На полу лежал скорченный носок, и, глядя на него, я сморщила нос.

– Тебе необязательно так торопиться.

– Тогда я продолжу плевать на ваш стол.

– Я не об этом.

Нахал.

Я отодвинула неприятного во всех отношениях человека в сторону и шагнула вперед, но он тут же обхватил меня своими лапами сзади.

Сейчас преподам ему небольшой урок. Сосредоточьтесь, это может оказаться полезным.

Слегка отклоняетесь влево, правую руку сгибаете так, чтобы локоть оказался напротив солнечного сплетения врага, и бьете изо всех сил локтем в намеченную точку. Никогда не забываете об этом приеме, ведь нам – бедным девушкам, приходится заботиться о своей чести день и ночь, причем самостоятельно.

Скучно, как скучно... За спиной раздавались проклятия. Летели они, как вы понимаете, в мой адрес.

Взяв в холодильнике банку пива, я вышла на улицу и направилась к пристройке садовника. Юрий Семенович сидел на скамейке и курил. В качестве сближения я протянула ему пиво.

– Садись, – сказал он, двигаясь к краю, – чего хочешь?

– Евгений этот Романович – он кто?

– Галкин хахаль.

– Это я уже поняла, а конкретнее?

– Бизнес у него какой-то, не знаю.

– Ну что из вас надо все по капле вытягивать! – возмутилась я.

– Тебе-то зачем?

– Мерзкий он.

– Понятно.

Тишина. Я молчу тоже.

– Вроде разорился он, за счет Галины живет.

– Откуда знаете?

– Хозяин его терпеть не может: слышал много раз, как альфонсом его называл.

Стало жутко приятно, что Воронцов тоже не в восторге от Евгения Романовича.

– А Галина Ивановна?

– Заступалась, не глупая она вроде, но то ли любит, то ли ей так удобно.

– Как такого можно любить...

– Ты чего возле домика крутишься?

Есть, интересно, на свете человек, который не знает об этом?

– Тянет, там все старое, люблю, когда так.

– Петровна за тобой следит.

– Знаю.

Мы еще помолчали немного, посмотрели друг на друга, и я вздохнула.

– Ты чего расселась, – раздался резкий голос Екатерины Петровны, – бери курицу и иди мой!

Я и не заметила, как она подошла, умеет же настроение испортить.

Вредная Дюймовочка вытерла руки об окровавленный фартук (бедные куры) и

кивнула в сторону скамейки – в металлическом тазу лежали, поблескивая на солнце, бледные, общипанные тела покойниц.

– Трусами не занимаюсь, – ответила я и отвернулась.

Я еле дождалась вечера. Казалось, стоит только лечь – и тут же засну, но меня ждал неприятный сюрприз по имени Великая Бессонница. Эта зараза окружила меня таким вниманием и такой заботой, что ничего не оставалось делать, как включить свет и взять с полки книжку. Пролистав ее, я поставила этот кропотливый труд

обратно на полку. Н-да... заняться нечем. Раздвинув шторы, я села на подоконник.

– Луна и звезды, звезды и луна, – пробубнила я, и тут в саду что-то мелькнуло.

Щурюсь.

Показалось?

Мелькнуло еще раз. Сердце почему-то замерло, и я тихонько слезла с подоконника и присела. Мутноватая фигура крадучись передвигалась по саду.

Это Осиков, не сойти мне с этого места – это Осиков!

И что он тут делает, уж не изменяет ли моей маман... Не скажу, что это бы меня расстроило, но с другой стороны, если маман расстанется с Осиковым, то она сразу переключится на меня.

Осиков подошел к забору, взобрался на одну из бочек, валявшихся без дела, и перелез через забор. Удивительно, как легко он это сделал, с его-то комплекцией! Очень пластичный товарищ. Ах, Осиков, Осиков... какого же черта тебе здесь надо?

Какие будут версии и предложения?

Он приходил, чтобы передать мне привет от мамочки, но не нашел меня. Смешно.

Я заметалась по комнате. Завтра же навещу этих разгильдяев и все узнаю. Распустились! Беременеют, когда хотят, шастают по чужим территориям по ночам... даже не представляю, что еще они там делают...

Я задернула шторы, плюхнулась на кровать, уложила голову на подушку.

– Спокойной ночи, моя хорошая, – сказала я себе и закрыла глаза.

Удары, визг, звон посуды и крики... часы... где часы... восемь утра.

Визг.

Визг со второго этажа.

На ступеньках я чуть не грохнулась. Галина Ивановна в полнейшей истерике чуть ли не билась головой о стену – она раскидала одежду и расколотила пару ваз. В углу комнаты стояла Екатерина Петровна и, закрыв лицо полотенцем, безудержно рыдала, приговаривая:

– Ну, может, найдется еще, ну, может, найдется еще, просто положили не туда...

За моей спиной послышалось дыхание Евгения Романовича. Устроили показуху – живут в разных комнатах, хотя, может, у интеллигентных людей это положено, а вообще, думаю, дело тут в другом: просто Галина Ивановна пошла на этот шаг, чтобы поменьше злить Воронцова: так ее друган просто гость, а не ее любовник.

– Что стоишь?! – вскричала тетя Галя, глядя на меня. – Ищи давай!

Ну, раз велют, то почему бы не поискать, сказали бы только – что... Хотя не важно, мне кажется, этим людям будет просто приятно смотреть на мой энтузиазм. Еле сдерживая улыбку, я стала старательно перекладывать вещи на диване, а затем переместилась к шкафу.

– Бесполезно, – заметалась Галина Ивановна, – так ты ничего не найдешь.

– Я бы быстрее это нашла, если бы вы мне сказали: а что, собственно, мы ищем?

– Дура! – вскричала Екатерина Петровна и снова зарыдала.

– Зайка, что произошло? – участливо поинтересовался Гоблин у своей возлюбленной.

– Украла слезу... «Живая слеза» пропала...

Секунды мне хватило, чтобы понять, о чем идет речь. Вот это да! Неужели эта ненормальная все же притащила столь дорогое барахло сюда? Ее слова в газете я восприняла просто как возможность повыпендриваться, но у нее, видно, серьезные проблемы с головой.

– Ты что говоришь?! – вскричал Евгений так, будто речь шла о его собственных бриллиантах. – Ты упустила его?

Вот это постановка вопроса, видать, любит ее крепко.

– Колье лежало в этом шкафчике, он запирается на два ключа, – стала оправдываться весьма огорченная дамочка, – как я могла подумать, что мое любимое украшение могут украсть здесь – в лесу...

– Ты поражаешь меня! – закричал разорившийся бизнесмен. – Как можно было совершить такую глупость и привезти драгоценности сюда?!

– Не ори на меня, это мои бриллианты, и я делаю с ними, что хочу, – опомнилась хозяйка дома.

– Ты теперь ничего с ними делать не будешь, потому что из-за твоей глупости у тебя их украли! – продолжал орать Гоблин.

Между возлюбленными началась серьезная перебранка с обвинениями, криками и ругательствами.

Не буду же я терять время даром... Я стала все осматривать, делая вид, что просто собираю вещи. К сожалению, среди барахла не

нашлось ничего, что бы меня заинтересовало.

– Где ты хранишь ключи от этого шкафа? – вопрошал бледный Евгений.

– Какая разница, где я их храню, если оба замка взломаны! – достойно отвечала Галина Ивановна.

Я заглянула в шкаф – действительно, все раскурочено. Евгений Романович отпихнул меня и тоже уставился на следы нетерпения и варварства.

– И как это могло произойти? – вдруг совершенно спокойно спросил он.

– По всей видимости, – вмешалась я, – тут орудовали молоточком или еще какой-нибудь тяжелой штукой.

– Замолчи... – прошипел Евгений Романович, – ты где была этой ночью?

Этот вопрос был предназначен Галине Ивановне.

– Что значит где? Здесь, – она указала на постель.

– Не лги мне!

– Ты сошел с ума! Где мне еще быть, если не здесь!

– Ты хочешь сказать, что ты была здесь и не слышала, как ночью взломали твой шкаф, который находится в двух метрах от твоей постели?

– Я ничего не слышала, – прошептала Галина Ивановна.

– Как можно было не слышать?

– А вы уверены, что ограбление случилось ночью? – поинтересовалась я.

– А когда еще, я проснулась, а шкаф нараспашку! – Галина Ивановна села на стул и закрыла лицо руками.

Екатерина Петровна солидарно завывала по новой.

– Где ты была? – настаивал злобный Гоблин.

– Отстань от меня, я была здесь, а если ты мне не веришь, то мне плевать... Мое кольцо, мое кольцо...

– А вы сами-то где были, Евгений Романович? – так, ненавязчиво поинтересовалась я.

– Спал, и потом, кто ты такая, чтобы задавать мне вопросы?

Спал он... а где доказательства, я вас спрашиваю?

– Алиби у вас есть? – не удержалась я.

– Что?!

– Вы проживаете в соседней комнате, вы сами что, шума не слышали?

– Я ничего не слышал, и да будет тебе известно – воры обычно не бегают и не орут на весь дом!

Возможно, и не орут... В голове моей медленно всплывал Арсений Захарович, ловко перелезающий через забор. Что же вы, гражданин Осиков, здесь делали?.. Уж не чужие ли бриллианты вас привели сюда? Может, вы потеряли надежду найти свои и решили пойти другим путем?

– Надо же позвонить куда следует, – всхлипывая, сказала Екатерина Петровна. – Горе-то какое, ох, горе.

– Надо, – растерянно подтвердил Евгений Романович.

– Думаю, – уверенно начала я, – сначала надо позвонить Виктору Ивановичу, он уж знает, что делать.

– Правильно, – вскочила Галина Ивановна, – я немедленно обо всем расскажу Вите.

Везет же ей, сейчас услышит его голос.

– Я позвоню из его комнаты, – бросила она и устремилась к двери.

– Я пойду с тобой, – сделал шаг вперед Евгений Романович.

– Нет, оставайся здесь, и не трогайте меня сейчас! – взвизгнула Галина Ивановна и выскочила в холл.

Злостный Гоблин отшвырнул в сторону вещи, что валялись на полу, и вышел из комнаты.

Екатерина Петровна, утирая слезы, стала наводить порядок.

– Сколько служу, а первый раз такое... Галина Ивановна-то как расстроилась!

– Еще бы ей не расстраиваться: миллион долларов...

– Сколько?! – изумилась Екатерина Петровна, ее глаза поползли на лоб.

– Бриллианты нынче в цене, – развела я руками, – прогуляюсь-ка я на кухню, чаю хочу.

На кухню я не пошла, вернее, пошла не сразу.

Уши, они для того, чтобы подслушивать, правильно я понимаю? Вы думаете, не для этого? Вы просто никогда не общались с Солькой: поболтайте с ней как-нибудь на досуге, и она вас еще не тому научит.

Ухо мое приклеилось к двери, за которой раздавался надрывный голос Галины Ивановны. Собственно говоря, она излагала случившееся в деталях и красках. Ничего нового я не услышала, кроме весомого слова «страховка».

Глава 15

Ищу, узнаю и думаю...

Екатерина Петровна качала головой и охала, садовник, вытирая лопату сухой травой, кидал на нее взгляды, которые я бы назвала раздраженными. Сидя на лавочке, мы ждали, когда Галина Ивановна договорит со своим братом и скажет нам, что теперь делать.

– И Виктор Иванович, как назло, уехал, – бубнила Екатерина Петровна.

– Как уехал, так и приедет, – равнодушно ответил садовник.

– Что-то долго она там болтает, – я встала с лавки и заходила вдоль кустиков не то пионов, не то еще какой-то ботаники.

– Мозгов у нее нет, раз сюда дребедень эту притащила, – высказался Юрий Семенович, продолжая протирать лопату.

– Не смей так говорить, – взвизгнула Екатерина Петровна, – если бы не Галина Ивановна, где бы ты был!

– Подальше от тебя, злобная курица.

Екатерина Петровна не успела вывалить целое ведро оскорблений на садовника, так как из дома вышла Галина Ивановна. Мы соответственно уставились на нее.

– Витя приедет сразу, как только сможет, и не один, а со знакомым частным детективом или следователем, не помню уже, с кем именно. Пока же надо ехать на станцию и кому-то там сообщить о пропаже... Я не очень поняла, кому, в голове каша... Где Женя?

Мы дружно пожали плечами.

– Боже мой, – всхлипнула Галина Ивановна, – здесь же даже нет милиции или хотя бы частного детектива, а если следы затопчут и преступника не найдут?

– Уверяю вас, переживать не о чем, мы их уже затоптали, – поддержала я расстроенную женщину.

– Женя! – в отчаянии закричала Галина Ивановна.

Этот субъект выплыл из-за угла с печатью злости на лице.

– Я здесь, не надо так орать.

– Надо ехать на станцию, Виктор приедет сразу, как освободится.

– Никуда не поеду, я планировал выпить. Я расстроен, неужели ты не видишь этого?

– Я должна заявить о пропаже, должно быть все официально, иначе... – она помолчала, – я сказала, собирайся, мы едем, и точка.

Укатили они довольно быстро, я решила воспользоваться ситуацией и срочно встретиться с Осиковым. И еще – мне надоело искать свои собственные бриллианты в крошечной темноте по ночам,

я сейчас просто пойду туда и все осмотрю, а то, боюсь, и наше богатство уведут прямо из-под носа.

Как только Екатерина Петровна отправилась заниматься своими делами, я юркнула в охотничий домик.

Решив еще раз осмотреть печку, я взяла валявшуюся на полу ложку и стала простукивать все, что только можно было простучать. Ерунда какая-то, самой стало смешно. Я трогала эту печку, нюхала, пыталась сдвинуть, гладила и осыпала комплиментами, подлизывалась, как только могла, но бриллианты из нее так и не выпрыгнули.

Шкафчик. На полке банка от кофе с окурками, старая пожелтевшая коробка спичек, журнал и промасленные пакетики со специями. Понюхала. Еще пахнут. Я попыталась отодвинуть шкафчик, он легко поддался. За ним ничего не было.

Соберись, соберись, это должно быть такое место, куда влезет коробка, и предполагается, что в коробке всего лишь диссертация, а не куча бриллиантов.

Подойдя к столу, я выдвинула ящик – пыльная газета и солонка с отбитым краем. Ничего.

Две кровати. С каждой я сняла и одеяло, и матрас. Дверь скрипнула, и я услышала знакомый противный голос:

– И что ты тут делаешь?

– Екатерина Петровна, я тут постель перестилаю, разве не видно?

Вот ведь гримза, следит за каждым моим шагом.

– А кто тебя просил, хотела бы я знать? Зачем ты это делаешь?

Главное в такие моменты – не задумываться, а просто говорить первое, что пронесется в голове.

– Я теперь буду здесь жить.

Что я сейчас сказала? Жить здесь... да, точно, я теперь буду здесь жить!

– С какой это стати?

– Я в доме боюсь, вдруг у меня тоже что-нибудь украдут, а потом, я медитирую время от времени, мне необходимо уединение – так лучше результат, и спокойнее. А вы медитировать не пробовали? Очень рекомендую, особенно хорошо помогает при вздутии живота, да и лишай хорошо сходят.

Екатерина Петровна, наверное, и раньше подозревала о моем безумии, а теперь-то, не сомневаюсь, уверилась в этом наверняка.

– Ты не будешь тут жить!

– Буду!

Ей-то какая разница? Похоже, с некоторых пор у злостной Дюймовочки только один в жизни девиз – главное, сделать все назло мне.

– Тебе никто не разрешит!

– Виктор Иванович разрешит!

– Вот дозволят, тогда и будешь чужие вещи трогать, а пока пошла отсюда вон!

Я на нее даже не рассердилась. От идеи упросить Воронцова разрешить мне здесь жить по телу побежали мурашки, извещающие о скорой победе. Не буду сейчас заострять Петровну на этом вопросе,

лучше потом по-тихому договорюсь с Воронцовым. Если все получится, то домик станет практически моим, и не надо будет вести поиски, все время оглядываясь назад. Я улыбнулась. Я улыбнулась еще раз. Ну и еще раз, дабы сделать приятное Екатерине Петровне.

– Что ж, пойду навещу маменьку, соскучилась она, наверное, без дочерней ласки.

Я направилась к двери.

– Тебя никто не отпускал, в доме случилось невесть что, а ты по своим делам собралась? – вдруг лицо Екатерины Петровны изменилось. – Это ты, негодная, колье своровала, и сейчас его из дома вынести хочешь?!

Нет, ну логика у нее присутствует, то есть ситуацию разложила грамотно.

– Значит, так, хотите вы этого или не хотите, а я отправляюсь к маме, вернусь и помогу вам по хозяйству, как и следует поступать добропорядочной горничной.

Я соскочила со ступенек и направилась к забору.

– Держи ее! – закричала Екатерина Петровна садовнику.

– Ты куда топаешь? – спросил Юрий Семенович, отрываясь от ведер с песком.

– Маму навестить, – ответила я.

– Ну, иди.

Он победно посмотрел на Екатерину Петровну.

К реке я подходила в каком-то непонятном состоянии: мне казалось, будто и Сольку, и Альжбетку, и маму я видела очень давно –

много месяцев тому назад, и что сейчас случится очень волнительная встреча. Мы обнимемся и всплакнем...

– Ну, наконец-то, голубушка, ты о нас вспомнила, – фыркнула мама, увидев меня.

Я облегченно вздохнула – ничего в этом мире не изменилось.

– Девчонки где? – поинтересовалась я, заглядывая в холодильник. Продуктов было достаточно, можно не волноваться – с голода родные и близкие не умрут.

– Ты бы лучше спросила, каково твоей матери здесь одной, с этой беспардонной молодежью.

– Каково тебе, мама, здесь одной с не самыми лучшими представителями нынешнего поколения?

Мне же не жалко спросить.

– Это кошмар!

Теперь, когда формальности соблюдены, надеюсь, можно переходить к насущным вопросам.

– Девчонки-то где?

– У реки!

– А Осиков?

– Я прошу тебя называть его Арсением Захаровичем.

Хорошо, что не папой... Опять же, как положительная дочь иду на уступки.

– А где Арсений Захарович?

– Не знаю!

– Вы поссорились?

– Нет, но он несколько раз уходил и не говорил куда, я, знаешь ли, не привыкла к такому обращению, я даже готова разорвать помолвку...

– Что?

Кажется, я все-таки пропустила торжественную часть.

– Я не хочу об этом говорить, – поспешно буркнула мама.

– Хорошо, просто скажи мне, где он может быть?

– В деревне, ходит там кого-то выискивает... мне кажется, он бабник.

Ах, мама, усмирите свою ревность, уверена, у этого человека есть и другие интересы.

Пожалуй, я начну с Осикова...

Деревенька была так себе, вернее, ее практически не было: дома покосились и глазели на мир выбитыми окнами, изредка доносился скрип проржавленных дверных петель, а некошенная трава переваливалась через низенькие заборы. Что здесь делает Осиков и где он? Я поддала ногой камень. Вопросы есть, ответов пока нет.

Я пошла по дороге, с удовольствием рассматривая раскидистые яблони, скамейки и заросшие дорожки.

– Куда путь держишь, девонька?

Из-за облупленного забора показался дед Остап. Приятная встреча, пожалуй, я даже соскучилась.

– Здравствуйте, а я человека ищу.

– Помню, помню, о незнакомце ты в прошлый раз спрашивала.

– Да нет, уже не его, – улыбнулась я. – Вы здесь такого маленького толстенького мужчину не видели?

– И его видел, а как же не видеть.

Дед Остап открыл калитку и махнул рукой в сторону его домика.

– Что значит – и его видели? – поинтересовалась я, направляясь вслед за радушным старичком.

– Так появился твой неряшливый парень, видал я его.

– Где? – оживилась я.

– В деревеньке нашей и проживает, прячется в одном из домишек.

Мы зашли на терраску, большой круглый стол занимал почти все ее пространство. Дед Остап усадил меня на красивый резной стул, налил из банки в стакан какую-то мутную жидкость и сказал:

– Пей, никакая хворь не возьмет.

Надо выпить, надо для дела...

– Не бойся, это же квас на травах, такого нигде не сыщешь.

Я сделала маленький глоток. Мало того, что я осталась жива, мне захотелось выпить еще. Остренькие пузырьки разбежались по языку, и я блаженно прикрыла глаза.

– Пей, пей, Аннушка.

Когда меня еще назовут так... Да, пожалуй, никогда.

– А где этот дом, в котором он прячется? – продолжила я разговор.

– До конца деревни топать надо, там еще огромная труба ржавая лежит, и возле дома будка собачья желтая, собаки уж нет никакой, а вот будка осталась.

– А кто там жил раньше?

– Старуха Матрена да муж ее, Василь, померли два года назад, им уж по девяносто было, а собаку Полканом звали, добрая собака была.

Не думаю, что тот, кто меня интересуется, приходится им родственником.

Как бы читая мои мысли, дед Остап сказал:

– Случайный он тут, по всему видать.

– А почему вы сказали, что он прячется?

– Так ежели человек днем не выходит из дома, то что это значит? Только одно – от людей прячется. То ли худое затеял, то ли в глаза людям стыдно смотреть.

Не думаю, что неряшливый парень из разряда особо совестливых товарищей, лично я на его счет заблуждаться не намерена – он притащился сюда вслед за Осиковым и пока, по всей видимости, занял выжидательную позицию. Интересно, что их связывает? Ох, чувствую, подведет нас Арсений Захарович!

– Как стемнеет, так и выходит на дорогу, – продолжил дед Остап. Достал папиросу из помятой пачки, крикнул и закурил. – Ночь – пора воров да лиходеев, вот и он рыщет по округе и глазами ночь трогает.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– А откуда вы знаете, что он по ночам бродит?

– Кот у меня потерялся, – старик вздохнул, и мне показалось, что в его глазах блеснули слезы, – хоть и животное, а все ж родная душа, прикипел я к нему. С кем поговорить-то еще... Убег, зараза такая! – дед Остап стукнул кулаком по столу и тут же обмяк. – Выхожу иногда на дорогу, жду его.

– А как вашего кота зовут?

– Тишей, серый да ласковый был кот.

– Если я его увижу, то обязательно вам принесу.

– Спасибо, дочка, дорог он мне, совсем я без него плох.

Дед Остап налил еще кваса и вдохнул терпкий дым.

– А куда этот незнакомец ходит? – вернулась я к неряшливому парню.

– Так к домам большим и ходит, где ты на работу определилась. Куда именно, не скажу, но в ту сторону. А бывает, к реке вышагивает; не знаю, уж какие он дела творит, но чувствую, недобрые.

– А вчера вы его видели?

– Было дело. Я за банькой стоял, уже стемнело, гляжу – крадется к лесу, оглядывается, боится, что заметят. Чудак, не понял еще, что, кроме меня, тут никого и нет, – старик усмехнулся. – А пошел он своей обычной дорогой – к большим домам.

Значит, вчера этот человек вполне мог быть около дома Воронцовых... Кто он? Кто он?

– Спасибо вам, – поблагодарила я деда Остапа. Сделала глоток кваса и на миг закрыла глаза от удовольствия, – пойду уже, мне еще приятеля надо найти, приехали вместе.

– Того, что маленький да толстый?

– Ага, – подтвердила я, – не знаете, где он? Вроде сказали, в деревню пошел.

– Видел его с час назад,
около колодца крутился.

– И чего он тут крутится... – раздраженно пробормотала я.

– Как чего, – ухмыльнулся дед Остап, и его глаза лукаво заискрились, – одного человека вы с ним ищете, видать, интересы ваши рука об руку идут, а может, и переплетаются, как ветви деревьев. Он тоже спрашивал про незнакомца, не встречал ли, не разговаривал ли с ним.

– А вы?

– Заблудил его немного, – дед Остап пожал плечами и улыбнулся.

– Обманули? – уточнила я.

– Обманул, как есть обманул. Сказал, что видел, да только случайно, мельком, и ничего не знаю больше.

– А почему вы ему правду не сказали?

Дед Остап потер ладони о ватные штаны и вновь потянулся к пачке с папиросами.

– Для тебя, дочка, эту правду берег. А коли всем говорить стал бы, так расплескал бы, не донес.

– Спасибо.

Я взяла руку деда Остапа и пожала ее. Немного официально получилось, но зато от души. Выйдя за калитку, обернулась – приятное место, чудесный человек!

Осикова я нашла около почти развалившегося магазинчика: он сидел на ступеньке и ругался вслух.

– Чертова дыра! Спросить не у кого... прибил бы гада... – бубнил он, нервно отковыривая от досок потрескавшуюся краску.

– Спросите у меня, Арсений Захарович, – посоветовала я, прислонившись к березе, – а потом я у вас кое-что спрошу...

Осиков вздрогнул от неожиданности и вскочил на ноги.

Глава 16

Разговор по душам с Осиковым, и мысли, пляшущие в разные стороны

– Ты что здесь делаешь? – спросил Осиков, учащенно хлопая короткими ресницами.

– Вас искала. Соскучилась, знаете ли, да и мама жалуется, что совсем вы ее забыли, ходите не пойми где, общаетесь неизвестно с кем.

– Что за ерунда, не торчать же все время у реки, – Осиков сел обратно на ступеньку и нервно сцепил пальцы в замок.

– А может, вы здесь кого-нибудь ищете? – ненавязчиво поинтересовалась я.

Колитесь, Арсений Захарович, колитесь! Если честно, уже надоело ломать голову над вашими недомолвками и поступками. Сколько можно наивно полагать, что вас окружают беспросветные дурочки, пора бы уже посмотреть правде в глаза.

– Кого мне здесь искать?! – резко воскликнул Осиков.

Плохо врите, что тут еще скажешь.

– Где вы были этой ночью?

Осиков опять вскочил, побагровел, раздул щеки и шмыгнул носом.

– Что все это значит, что за допрос?! – выкрикнул он и топнул ногой.

Я промолчала.

– Да! Я здесь не просто так, – не выдержав моего взгляда, через несколько секунд затараторил Арсений Захарович, – я ищу парня, который украл мою карту!

О! Дело тронулось с мертвой точки.

– А зачем?

– Это моя карта!

– Неужели вы так щепетильны?

– Это карта с подробнейшим планом местности, на ней помечен охотничий домик.

– Вы преувеличиваете, Арсений Захарович, обычная карта с обычным крестиком, который растягивается на квадратный километр, там нет ничего интересного для постороннего человека.

– Это тебе так кажется, ты слишком легко относишься к таким вещам, – Осиков заходил взад и вперед, – кругом враги! Мы можем лишиться всего в любую минуту!

Куда это его понесло?

– Какие враги, где они? Откуда им взяться, вы что, еще кому-то рассказывали про свои наворованные сокровища?

– Нет! Ты что! Как можно!

– Тогда чего нам бояться? – настаивала я.

– В таких делах надо быть очень осторожными, я пожил на этом свете и во многом разбираюсь лучше тебя...

Далее Арсений Захарович прочитал объемную лекцию о бестолковой молодежи и о том, что раньше уважали старших и, конечно же, все были с ног до головы абсолютными интеллигентами. Жаль, мама пропустила это шоу. Она бы уж точно оценила ораторское искусство пухленького искателя приключений. Теперь я понимаю, за что она полюбила Осикова – за такую же трепетную душу, как и у нее самой.

Речь Арсения Захаровича была грамотной, с примерами и даже со стихами, слушала бы я его и слушала, но, увы, вредный характер взял свое.

– Арсений Захарович, вы извините, что перебиваю вас, но просто хочу напомнить, что из нас двоих в тюрьме за воровство сидели вы, а не я.

Осиков фыркнул и надулся.

Нет! Разговор еще не окончен.

– Вы знакомы с парнем, который украл карту?

Презрительное молчание в мой адрес.

– Вы как планируете встречу с ним? Думаете, вы его найдете и грозно скажете – а ну отдавай, что взял! Он заплачет, станет молить о пощаде и пообещает больше никогда так дурно не поступать. Так?

Молчание.

– Зачем вам нужен этот человек?

Тишина.

– Где вы были прошлой ночью?

Осиков дернул плечом – первое шевеление с начала допроса.

– Я видела вас, перелезающего через забор дома, в котором я работаю. Надеюсь, от этого вы отпираться не будете?

Арсений Захарович повернулся и покрутил пальцем у виска, давая понять, что я серьезно заблудилась в своих мыслях или попросту наткнулась на мираж.

– Вы хотите сказать, что этого не было?

Гордый взгляд в мою сторону.

– Это вы украли «Живую слезу»?

Я цепко следила за реакцией. Арсений Захарович медленно встал и посмотрел на меня весьма округлившимися глазами. Щеки

порозовели, а уши несколько раз дернулись (хотя, может быть, они такие тонкие, что колышутся от малейших порывов ветра).

– Ты что? С ума сошла? – прошипел он и уже не покрутил у виска пальцем, а постучал кулаком по своему блестящему лбу. Звук, скажу я вам, раздался не слишком лестный для Осикова.

– А что вас изумляет в моем вопросе?

– Как я мог украсть «Живую слезу»?! – вскричал он.

– То есть вы не хотите меня спросить, что это такое? Вы не удивлены тому, что кольцо украдено, вы просто интересуетесь, почему я подозреваю именно вас?

Осиков побелел.

– Зачем вы ночью приходили на участок Воронцова? – спросила я, чеканя каждое слово. – Отвечайте!

– Я не приходил, – в ответ замотал головой Арсений Захарович.

Я сделала шаг вперед.

– Откуда вы знаете про это кольцо?

– Я ничего о нем не знаю, слышал где-то, вот и все.

– Почему вы мне врете?

– Я не перелезал через забор! – закричал Осиков, и его щеки теперь запылали.

– Послушайте, давайте поговорим по-хорошему, – предложила я миролюбиво (менять тон разговора во время допроса очень полезно, преступника такой маневр сбивает с толку или, в крайнем случае, расслабляет – я прочитала об этом в одной умной книжке), – этой

ночью у дамочки, на которую я работаю, украли кольцо стоимостью в миллион долларов. Вы были замечены мной в саду. Кто знает, может, не я одна стояла в эту минуту у окна... Поймите, что с вашим прошлым и вашим враньем вы автоматически становитесь подозреваемым номер один.

Осиков несколько секунд смотрел на меня, потом развернулся и со скоростью пули побежал в сторону леса. Нормальная реакция, скажу я вам, вполне в духе Арсения Захаровича. Зная его тягу к комфорту и еде, уверена, к вечеру, нагулявшись по лесу, он вернется. Моя мама снимет с его одежды сучки и паутину, поругает и прижмет это сокровище к сердцу... Я вдруг поняла, что мне будет жаль, если кольцо украд Осиков.

Славка рубил дрова.

– Привет, – кивнул он, – мы сегодня рыбу коптить будем, Егор со Степаном наловили.

– Очень рада за вас, – кисло сказала я, заходя в домик.

– Ты видела Арсения Захаровича? – сразу набросилась на меня маман.

– Видела я этого голубчика, в лесу он бродит.

– Как в лесу?

– Одиноко ему, – пожала я плечом, – вот и тянет на природу, проголодался, наверное.

Ход был верным: через секунду мама уже шуршала бумагой, в которую заворачивала бутерброды, а через минуту в окно можно было наблюдать, как она направляется вприпрыжку в сторону леса.

Я обернулась к девчонкам. Раз, два, три...

– Анька, мы так соскучились! – взвизгнули они и набросились на меня со стальными объятиями.

От бесконечного удовольствия я улыбнулась раз десять.

– Что там у тебя, рассказывай, – затараторила Альжбетка, – работать много придется? Может, Солька тебя подменит?

Милая Альжбетка! Я опять улыбаюсь.

– А почему я? – возмутилась учительница ботаники, протягивая руки вперед. – Вот, посмотри, какие у меня цыпки!

Надо сказать, что кожа у Сольки почти идеальная.

– А у меня ногти, – предъявила свое оружие Альжбетка, – я не могу.

– Тебе давно пора их спилить!

– Я без них буду просто голая!

– Ты и так голая, потому что твою одежду с большим трудом можно назвать одеждой!

– Посмотри на себя, – возмущенно махает руками Альжбетка, – обычная училка!

Понимаю, что пора это останавливать. В другой раз я бы с радостью послушала, как девчонки идут стенка на стенку, но не сейчас – время поджигает.

– Хватит, – сказала я, плюхаясь на кровать, – похоже, мы опять вляпались.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Солька.

– Слушайте и не перебивайте. Ночью у моей хозяйки прямо из комнаты украли кольцо «Живая слеза», то самое, о котором мы читали в газете.

Несколько секунд стояла тишины.

– Не может быть! – вскричала Солька.

– Вот это да! – воскликнула Альжбетка.

– Взломали ящик, в котором Галина Ивановна хранила сию драгоценность, и все – было кольцо, и нет теперь кольца.

– Так она, получается, все же привезла его сюда? – изумленно спросила Солька.

Вот ведь догадливая девчонка, хотя подобное и меня удивляет.

– Привезла и хранила в шкафу, даже в сейф не заперла. Хотя дом еще строится, может, там и нет пока сейфа.

– Это же не ты взяла? – поинтересовалась Солька.

Я смерила ее тоскливым взглядом.

– Ну, знаю, что не ты, – застыдилась учительница ботаники, – я просто спросила, на всякий случай.

– И? – Альжбетка потребовала продолжения.

– И вот теперь все стоят на ушах, и я в том числе. Воронцов приедет и привезет сыщика, у хозяйки истерика, и я подозреваю Осикова – вот такие дела.

– А улики есть? Следы какие-нибудь? – спросила Альжбетка.

– А при чем здесь Арсений Захарович? – вновь изумилась Солька.

– Следов вроде нет, никто ничего не слышал. Хозяйка мнетя, не пойму пока, почему... Вроде

говорит, что спала как убитая, но вот иногда подумываю: а не она ли все это устроила? Колье, как я понимаю, застраховано.

– А Осиков-то что? – перебила Солька.

– Этой ночью он был замечен на заборе.

Девчонки удивленно уставились на меня.

– Выглядываю в окно, а он через забор лезет, и неплохо так лезет, скажу я вам, я бы и то на полпути застряла.

– Так это он украл? – спросила Альжбетта, нервно разворачивая конфету.

Я покачала головой, пожала плечами и развела руками.

– Не знаю, но какие-то дела у него на участке были, а какие, не признается, может, и он украл, а может, и нет.

– Ты его поймала? Поговорила с ним? – Солька уселась рядом со мной.

– Нет, зачем мне было его ловить, я же не знала, что ночью колье пропадет, решила потом все выяснить. Вот и выяснила полчаса назад – он все отрицал, а потом вообще в лес убежал.

– А ты его догнала? – поинтересовалась Солька.

– Вот мне делать больше нечего, как только вокруг деревьев прыгать!

– Интересно, а что же он делал на участке ночью? – задумчиво пробормотала Альжбетта.

В этот момент в моей голове застучала одна шальная мысль – тук-тук, тук-тук...

– А если мы с вами просто дурочки, которые купились на сказку для детей дошкольного возраста?..

– Что ты имеешь в виду? – девчонки с изумлением уставились на меня.

– Да, может, нет никаких бриллиантов в коробке... Осиков это все придумал, а мы и поверили... Он все спланировал...

– Зачем и что спланировал? – замахала руками Альжбетка.

– Его цель – это кольцо «Живая слеза», все остальное – вранье. Мы – просто способ добраться до кольца или ненавязчивое прикрытие.

– Но как Альжбетка могла ему помочь, ведь именно к ней он пристал тогда в ресторане? – спросила Солька.

– Откуда я знаю, – пожала я плечами, – пока это только мои догадки, он мог знать, что у Альжбетки есть такая подруга, как я, которая знала мужа хозяйки кольца.... Фу, как сложно!

– Сложно, – закивала Альжбетка, – но вполне возможно. Он наплел нам всякой ерунды... А мы для него хорошее прикрытие: путешествуем вместе, он вообще с твоей маман романы крутит. Просто отец семейства!

Альжбетка занервничала и заходила по комнате.

– Так вы что, думаете, он нас обманул? – стало доходить до Сольки.

– Предположить подобное будет не лишним, – вздохнула я, – по сути, мы о нем ничего не знаем. Возможно, он приехал сюда из-за

колье и уже заполучил его, и, возможно, он захочет свалить эту кражу на нас...

– Почему, почему... – запаниковала Солька, – мы обязательно во что-нибудь да вляпаемся!

– А что нам теперь делать? – поинтересовалась Альжбетка. – Как себя вести?

Я встала с кровати и подошла к двери.

– Следите за каждым его шагом, по возможности осмотрите вещи. Пока нам остается только ждать. Если что узнаете или случится что-нибудь подозрительное, сразу же ко мне. Еще про парня не забывайте, который карту с газетой украл. Станный он тип, вы бы лучше не шастали поодиночке.

– Ты не волнуйся, – вдруг взбодрилась Солька, – мы тут все проконтролируем.

Да уж, не сомневаюсь!

Глава 17

Следствие началось, и, похоже, я в списке подозреваемых...

Шли годы, столетья... он все не приезжал... Где он, где он, я вас спрашиваю!

Я сидела у окна и скучала.

Сидела у окна, постукивала пальцем по подоконнику и скучала...

– У тебя что, дел нет?! – раздался резкий крик Екатерины Петровны.

Вот интересно, какой надо быть занозой, чтобы так кричать? И не просто кричать, а делать это настолько не к месту и некстати. Разве можно так беспардонно давить на уши и на мою ранимую психику в тот трепетный момент, когда я думаю о Воронцове?

– Зарплату, поди, получать любишь, а как работать, так тебя нет!

Наверное, она просто зануда или от рождения злая... или неудовлетворенная женщина.

– Я с кем разговариваю?

Да что же это такое, совершенно не дает мне возможности подумать...

– Екатерина Петровна, вы зануда, злая или просто неудовлетворенная женщина?

Ничего, что я спросила?

– Ах ты, дрянная девчонка, думаешь, управы на тебя нет!!! – срывая с плеча полотенце и швыряя его, естественно, в меня, заголосила Екатерина Петровна.

Пожалуй, надо бежать. Вслед мне полетела увесистая книга и что-то мягкое. Я с хохотом выскочила на улицу и врезалась в НЕГО...

– Виктор Иванович! – остолбенев от счастья, воскликнула я.

– Ты откуда и куда?

– Я к вам навстречу, из бездны отчаяния и пустоты.

– А ты меня спрашивал, почему я так тороплюсь, – усмехнулся Воронцов, обращаясь к рядом стоящему мужчине. Собственно, именно в этот момент я его и заметила.

Потому что он скучал по мне!

– Потому что здесь проживает одна из самых безумных и неадекватных женщин на планете. Познакомься, это Анна, моя горничная.

Бесчувственный!

Высокий мужчина засмеялся и протянул мне руку. На его правой щеке появилась ямочка, а голубые глаза засветились ироничным огнем.

– Максим, – представился он.

– Сергеевич, – добавил Воронцов.

– Вот еще, – фыркнула я, – очень приятно, Максим.

В этот момент я излучала неистребимое очарование, гармонию, чувственность и... пожалуй, добавим флюиды сексуальности.

Максим улыбался, не переставая, Воронцов злился, я же боролась с острым желанием затанцевать на месте – ОН ревновал, ОН меня ревновал!

– Вы будете вести расследование? – поинтересовалась я со знанием дела.

– Да.

Пару секунд я размышляла – хорошо это или плохо. Максим производил впечатление уверенного в себе человека, цепко

наблюдающего за тем, что происходит вокруг него. Кто знает, что скрывается за его приятной, располагающей улыбкой?

– А вам сколько лет? – кокетливо спросила я, решив пока быть милой и «наивной» до безобразия.

Воронцов закатил глаза.

– Тридцать два.

– Вы женаты?

Воронцов заскрипел зубами. Чертовски приятно!

– Нет, – покачал головой Максим.

– Чудесно, – подвела я итог.

Продолжить любезную беседу нам не удалось – из дома, точно демон зла, вылетела Екатерина Петровна.

– Ой, – она прижала ручки замочком к груди, – Виктор Иванович, проходите, сейчас я чай приготовлю.

Вредная Дюймовочка засуетилась и исчезла за дверью, оставив после себя запах пирожков и чеснока.

День казался удивительно прекрасным. Как же хорошо, что мы сюда приехали, что Осиков оказался странным и непутевым человеком, что украдено кольцо, что я еще ничего не нашла, что Екатерина Петровна такая грымза, что Максим так хорош и что приехал мой любимый Воронцов... Я находилась в полном восторге от всего!!!

Мужчины расположились в гостиной, я, уж так и быть, принесла им пирожные и чай, который собственноручно приготовила Екатерина Петровна. Мне она такое не доверяет.

Не знаю, наглость ли это, но я уселась на диван и развесила уши.

– У тебя уютно, – кивнул Максим, выбирая взглядом, какое бы пирожное съесть в первую очередь.

– Пока об этом рано судить, дом еще не совсем готов, про сад и говорить не приходится.

– А почему вы не разговариваете про ограбление? – поинтересовалась я. – Мне кажется, это очень животрепещущая тема.

– Брысь отсюда, – устало отмахнулся Воронцов.

– Ничего себе, – я демонстративно плюхнула откусанный эклер на стол. Нет, эклер здесь ни при чем, тем более, что он вкусный – с вареной сгущенкой. Разве можно отказаться от эклера с вареной сгущенкой? Я, опять же демонстративно, взяла пирожное и решительно откусила приличный кусок.

– Сначала я хочу поговорить с Галей, – сказал Воронцов, – она спустится, и мы разберемся, что к чему.

Галина Ивановна не спускалась, а любопытство мое росло.

– У вас есть какие-нибудь предположения, версии? – спросила я Максима.

– У меня все есть, – он улыбнулся в ответ.

– Может, вы что-нибудь спросить у меня хотите?

– Хочу, – он кивнул, – а что ты делаешь сегодня вечером?

Я, как и положено скромной девушке, зарделась.

– Витя! – раздался голос Галины Ивановны, и мужчины не только галантно встали, но и даже перестали жевать пирожные.

– Аня, иди помоги Екатерине Петровне, – тактично выставил меня Воронцов.

Целый час они разговаривали, потом столько же слонялись по дому. Воронцов о чем-то шептался со своей сестрой, Евгений Романович постоянно пил коньяк и время от времени бросал хмурые взгляды на Максима. Я же под любым предлогом оказывалась рядом с ними, чтобы по мере возможности подслушать как можно больше.

– Легко ли проникнуть на территорию участка? – спрашивал Максим, рассматривая окна в комнате Галины Ивановны.

– Я не знаю... у нас забор... – заволновалась хозяйка дома.

– Камеры есть?

– Только около входа, пока больше нигде не поставили.

Я взялась аккуратно расправлять занавеску, создавая видимость работы.

– Колье застраховано?

Я почувствовала, что Максим знает ответ на этот вопрос, но ему хочется посмотреть на реакцию Галины Ивановны.

– Застраховано, а как же иначе, это же такая ценность, – Галина Ивановна нервно сцепила пальцы и дернула головой назад.

– Видно, не такая большая, если ты ее хранила в этом шкафу, – усмехнулся Воронцов и сделал мне знак выйти из комнаты.

Ух, как я зла! Изо всех сил напрягая уши, не торопясь я стала продвигаться к двери.

– Сумма страховки намного превышает стоимость кольца? – поинтересовался Максим, открывая окно.

– В два раза, – резко ответила Галина Ивановна.

Я вышла. А что было делать?! Взгляд упал на графин с водой, стоящий на столике у стены: видимо, Екатерина Петровна приготовила его для цветов. Прихватив графин, я нагло вернулась в комнату.

– Какие двери и окна были открыты в ту ночь? – продолжал задавать вопросы Максим.

– Это надо спросить у Екатерины Петровны, – косо поглядывая на меня, ответил Воронцов.

– На первом этаже было открыто окно в гостиной, а на втором – то, что напротив комнаты Евгения Романовича, – вмешалась я.

Пусть меня уже о чем-нибудь спросят!

Максим благодарно кивнул в мою сторону, а Воронцов опять показал на дверь. Я победно предъявила ему графин с водой и стала усердно поливать дохлый кактус на подоконнике. Мне кажется, Виктор Иванович тяжело вздохнул. Я вообще заметила, что у него на меня всегда две реакции – либо он вздыхает, либо улыбается.

Евгений Романович втиснул свое тело в кресло и многозначительно спросил:

– А можем ли мы надеяться, Максим Сергеевич, на вашу компетентность? Вы в состоянии найти пропажу?

Максим усмехнулся, подошел к столику, включил светильник и, направив его в лицо наглому противнику, спросил:

– У вас алиби-то есть, голубчик?

Вот за что я люблю частных детективов, так это за грамотный подход к делу!

Алиби у Евгения Романовича не было.

– Давай рассказывай, – потребовал Воронцов.

Я сидела на диване, справа в кресле устроился Максим, слева за столом – Виктор Иванович. Я ошибаюсь, или это перекрестный допрос? Было бы куда лучше, если бы они во мне видели союзника, для них уж точно лучше.

– Что именно вас интересует? – захлопала я ресницами сорок второго размера.

Про Осикова я им рассказывать не буду, не стоит...

– Для начала алиби, – улыбнулся Максим.

– Ночью я, как назло, спала одна. Весь вечер бродила по окрестностям, но так никого и не подцепила, неудачный вечерок, скажу я вам.

Поправив челку, я закинула ногу на ногу и сделала это так, будто нижняя половина моего тела является частью ветряной мельницы. Давайте, мальчики, начинайте скрипеть на меня зубами.

– Всю ночь ты провела в своей комнате? – уточнил Максим.

– Да, последнее время приступы клаустрофобии стали реже, и я могу себе это позволить.

– Ты что-нибудь слышала ночью: шорохи, голоса, странные звуки? Замечала ли ты что-нибудь подозрительное в течение вчерашнего дня?

– Нет, – я замотала головой.

Ах, Осиков, скажите мне спасибо, сейчас я спасла вашу округлость от очередного тюремного заключения.

– Что ты можешь сказать о садовнике?

– Юрий Семенович – милый человек.

Максим улыбнулся и сказал:

– Екатерина Петровна характеризует его несколько иначе.

– Она выжила из ума, давайте будем снисходительны к бедной женщине, – глаза мои при этих словах наполнились скорбью и сочувствием по всем несчастным и заблудшим.

– Она требовательная женщина, и для тебя общение с ней только на пользу, – заулыбался Воронцов.

– Вы тоже заметили, что я стала чище и добрее с тех пор, как стала жить и работать здесь? Вот и мама мне так говорит.

– Это правда, что сразу, после того как обнаружилась пропажа колье, ты ушла к рыбацкому поселку? – поинтересовался Воронцов.

– Это ваша любимая Екатерина Петровна сообщила? – спросила я.

– Здесь вопросы задаешь не ты, – опять же улыбнулся Воронцов.

– Ах, извините, я совсем забыла эту фразу: «Здесь вопросы задаю я!» Да, ходила навестить маменьку, я же хорошая дочь, а не черствая горбушка. Еще спросите, а не вынесла ли я таким образом колье с территории вашего роскошного особняка?

– А не вынесла ли ты таким образом колье? – повторил Максим. В его глазах запрыгали искорки смеха.

– Нет, я, знаете ли, предпочитаю бижутерию – такие пластиковые колечки в уши и браслетики из нержавеющей стали на руки. Спросите меня лучше, что я думаю о Екатерине Петровне.

– Не спрашивай, это на три часа, – предупредил Воронцов своего друга.

– Ну и? – не удержался Максим.

Вот она – минута безграничного счастья. Так что же я думаю об этой замечательной особе маленького роста, наделенной изумительным характером?

– Все сказочные персонажи со знаком минус написаны с нее, все фурии, существующие в воображении художников, – ее автопортреты, каждая клякса на бумаге – это ее профиль, ее голос – это железо, ползущее по стеклу, ее мысли – это одинокие пчелы, заблудившиеся в лесу, ее руки – это вечный поиск шершавой поверхности, ее глаза – это трясина, в которой умирают даже мухоморы...

– Я предупреждал тебя, – сочувственно сказал Воронцов, обращаясь к Максиму.

– У нее нет желаний, нет безграничности воображения, только четкие линии, наталкивающиеся на стену. Птицы пролетают мимо ее души, даже не останавливаясь для привала, зато мокрые опять, питающиеся безвкусными, умирающими деревьями, гроздьями свисают...

– Стоп! – не выдержал Воронцов.

Ну вот, прервал на самом интересном.

– Ты где такую горничную нашел? – смеясь, спросил Максим.

– Бог послал, – пожал плечами самый замечательный мужчина на свете.

– Давай про Евгения Романовича, что там у тебя на него есть?

– Даже рассказывать лень про такую масляную личность, – я сморщила нос, выказывая безграничное пренебрежение, и добавила: – гаденький субъект, таскает деньги у своей любовницы, то есть у Галины Ивановны.

– Что значит – таскает деньги? – удивился Воронцов.

– Да увидела тут случайно, как он шарил по ее вещам. Успокоился, только когда нашел деньги, оставил их себе и, по всей видимости, испытал при этом неземное блаженство.

Воронцов вскочил из-за стола.

– Ты хочешь сказать, что этот... еще и крадет деньги у моей сестры?!

– Ага, может, и кольцо он стащил, – подтвердила я, поудобнее располагаясь на диване.

Воронцов с Максимом обменялись быстрыми взглядами, я же ехидно улыбнулась. Далее Максим попросил меня рассказать, кого я знаю из туристов, проживающих у реки, немного поспрашивал про девчонок и глубоко задумался. И почему он задумался, вроде ничего интересного я не сообщила.

– Ты знала, что в доме хранится кольцо?

– Нет, – пожала я плечами.

– А ты знала, что у Галины Ивановны есть такое кольцо? – продолжил Максим.

Прикинув, что вранье в этом вопросе впоследствии может меня подвести, я призналась:

– Да, знала.

– Откуда? – поинтересовался Виктор Иванович.

– Так в газетах же писали.

Он смотрел мне в глаза, я терпеливо не отводила взгляд. Максим наблюдал за нами и молчал.

– Больше ничего не хочешь мне сказать? – тихо спросил Воронцов.

– Нет.

– Точно?

– Да.

Он продолжал смотреть мне в глаза, я продолжала терпеливо не отводить их.

– Ты можешь идти, – сказал Максим, нарушив затянувшуюся паузу, – спасибо тебе.

– За что спасибо? – улыбнулась я, расслабляясь.

– За откровенность, – спокойно сказал Воронцов.

Я вышла, сердце дико стучало. Не удержавшись, прижалась ухом к двери и прислушалась, на лбу от напряжения выступили капельки пота, а во рту пересохло.

– Она явно врет, – донесся голос Воронцова.

– Скорее о чем-то умалчивает, – поправил Максим.

Душевный человек этот Максим.

– Врет, умалчивает и сейчас наверняка подслушивает, – смеясь, сказал Виктор Иванович.

Я улыбнулась – как же можно его не любить?!

Глава 18

Он рядом, и я, конечно же, взволнована

Вечер я проводила в обществе Юрия Семеновича. Он собирал листву вдоль забора, а я, сидя на досках, помогала ему тем, что раскачивала ногой в такт его движениям – занятие сложное, требующее полной мобилизации мышц и внутренней сосредоточенности.

– Вроде следователь толковый, – сказал садовник, поправляя кепку.

– Он не следователь, а частный детектив, хотя кто его знает... – ответила я, барабаня пальцем по шершавой доске.

– Вопросы задавал.

– Мне тоже.

Юрий Семенович помолчал и опять принялся за работу.

– Нашел бы Максим поскорее этого вора, – сказала я, поглядывая на охотничий домик.

– Думаю, пришлый кто-то, не найдет он его.

– Почему пришлый?

– Так крутятся тут у забора всякие...

– Кто?

Садовник пожал плечами. Я укоризненно посмотрела на него.

– Мужики какие-то... Один толстый, а другой – замызганный, помятый. То один придет, то другой, надоели.

– Вы их когда видели?

– Да вот вчера, позавчера...

– А Максиму об этом сказали?

– Нет.

– Почему? – поинтересовалась я и перестала раскачивать ногой.

Я вдруг забеспокоилась относительно Осикова: не хотелось бы мне увидеть его с наручниками на пухлых запястьях.

– Не спрашивал он про чужих.

– А если спросит, скажете?

Юрий Семенович опять пожал плечами.

– Интересно, Максим думает, что кто-то из своих украл «Живую слезу» или нет... – стала я размышлять вслух.

– Доберется и до пришлых, дело времени. Петровна на тебя жаловалась хозяину, так я вступился.

– Спасибо, – я улыбнулась.

– Ругал уже?

– Да нет, чего меня ругать, бесполезное это занятие.

– И то верно.

Вспомнив про тест для Сольки, я заторопилась.

– Пойду поболтаю с Воронцовым.

Юрий Семенович выпрямился, нахмурился и махнул рукой – благословил, значит.

Поговорить с Виктором Ивановичем мне удалось только поздно вечером: он был занят делами и вопросами, связанными с кражей. Очередь из желающих приехать в эти края и провести расследование, как я поняла, не выстроилась, и Максим договорился, что возьмет всю ответственность на себя – это устроило всех.

Дождавшись, когда дом почти уснет, я на цыпочках направилась к Воронцову за тестом. Стучать в дверь побоялась, поэтому тихонько поскреблась.

– Заходи.

Воронцов сидел за столом, вокруг него были разбросаны бумаги, которые я тут же автоматически принялась собирать и складывать в стопку. Откинувшись на спинку кресла, он молча следил за моими движениями. Какие же у него каштановые глаза!

– Я соскучился, – наконец сказал Виктор Иванович.

– Я тоже.

Мне нравится быть с ним наедине.

Мурашки побежали по спине, сердце запрыгало, а душа, развалившись на розовых подушках, захихикала, дразня меня.

– Оставь бумаги в покое, я сам потом уберу.

– Вы столько раз сегодня называли меня горничной, что я прониклась этим и, как видите, теперь стремлюсь к чистоте и порядку.

– Ты брала кольцо?

– Нет, зачем мне оно? – я равнодушно пожала плечами.

Он встал из-за стола, и кресло, отъехав в сторону, стукнулось о стену. Бум... такой глухой звук... такой же, как и стук моего сердца.

– Как вообще такое могло прийти вам в голову? – возмутилась я, судорожно соображая, как бы поскорее взять себя в руки.

– Я пока не нашел для себя объяснения твоего присутствия здесь.

Наклонившись, я подняла еще один листок. Виктор Иванович направился ко мне. Как там принято говорить в таких случаях? Вся жизнь пролетела у меня перед глазами? Нет, не вся, да и не так уж она и летела. Мелькнуло несколько ярких воспоминаний: как мы в первый раз встретились, как встретились во второй раз...

Однажды я отправилась покупать газету с объявлениями о трудоустройстве, а машина, в которой ехал Воронцов, совершенно наглым образом меня сбила. Я отделалась легким испугом, а он шоком, который я же ему и устроила. А потом в один прекрасный день Виктор Иванович стал моим начальником, и я, как самая лучшая секретарша

на свете, две недели пичкала его сверхполезным зеленым чаем. Уверена, теперь его почки день и ночь благодарят меня за эту заботу.

– Я соскучился.

– Вы это уже говорили, – напомнила я, обходя стол.

Он шагнул за мной. По кругу – мы стали двигаться по кругу.

– Если ты повторишь, что тоже соскучилась, мне будет приятно.

– Ну-у-у, – протянула с удовольствием, – не на столько уж я и соскучилась, чтобы говорить об этом два раза.

Я соскучилась, тысячу раз по тебе соскучилась, только я не признаюсь... не сейчас, а может, и никогда.

– Вообще-то, я пришла по делу, – произнесла я официальным тоном.

– По какому? – улыбнулся Воронцов, наклоня голову набок.

– Я вас кое о чем просила, или вы забыли?

Голова уже кружилась – хватит, хватит ходить вокруг стола. Я остановилась и вздохнула. Воронцов подошел совсем близко и взял меня за руку. Волнение, что он сейчас почувствует мою дрожь, заерзало в душе, но руку я не отдернула.

– Я просила вас привезти тест на беременность.

Виктор Иванович наклонился, отодвинул ящик стола и достал узкий длинный картонный конвертик.

– Держи.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны в столь тяжкую минуту не забыть о моей маленькой просьбе. Давно я не встречала такого чуткого и заботливого человека.

– Это было несложно.

– Ну да, с вашими-то связями...

Он погладил меня по щеке, и все мысли унесло ветром страсти. В этот момент я могла думать только об одном – зачем же он гладит меня по щеке, вернее, зачем он это делает так нежно... я же могу растаять...

– Поцелуйте меня, что ли, – буркнула я, чтобы разрядить обстановку.

Эти слова сказала я? О, кошмар!

– Неужели ты этого хочешь? – он ухмыльнулся и продолжил гладить мою щеку. Пальцы стали горячее и настойчивее.

– Не так чтобы очень, просто пауза затянулась, и вы все равно ничем важным не заняты.

Можно не сомневаться, я привела отличные аргументы.

Он поцеловал меня... Удивительные секунды – когда начинаешь завидовать самой себе, когда сердце перестает биться, а все чувства обострены до предела. Собранные бумаги полетели на пол, а моя душа полетела к звездам.

Он целовал меня, еще и еще, а я, дабы не оплошать, отвечала ему взаимностью и даже положила руку на его плечо в знак того, что время, которое мы проводим вместе...

Да что я говорю. Я была счастлива! Понимаете, счастлива!!! Он целовал мою шею и шептал: «Маленькая моя, маленькая моя», а я

парила над землей – мне так нравятся эти слова.

Хорошо, что я не брала это кольцо, а то сейчас бы мне стало стыдно за это и мгновения счастья были бы наверняка испорчены. Милые девушки, никогда не берите чужие кольца!

– Я хочу тебя...

Воронцов прижал меня к столу, а его руки... Вам уже есть шестнадцать? Хорошо. А его руки расстегнули пуговицу на моих брюках...

– Девочка моя...

У меня отнялись руки, ноги, прошлое, настоящее, будущее...

Он направился к двери, чтобы ее закрыть.

Ну, кто нам помешает на этот раз?

Дамы и господа, объявляется конкурс на лучшую помеху года! Здесь и сейчас вы можете помешать мне в очередной раз стать счастливой, спешите, ибо остались считанные секунды...

Я не успела додумать предложение, Воронцов не успел закрыть дверь – на пороге во всей своей красе появился Евгений Романович, он был пьян и вовсе не собирався растворяться в воздухе.

Мысленно достав двустволку, я хладнокровно вскинула ее на плечо – бабах, и жалкий Гоблин упал на пол. Я отодвинула ногой его труп за порог комнаты, закрыла дверь, и счастливые мгновенья поплыли дальше своим чередом... Увы, такое бывает только в сказках.

– Скажите мне-е-е-е, – растягивая слова, начал вещать любовник тети Гали, – сколько я буду жда-а-а-ать...

Брови Воронцова сдвинулись, морщины разлиновали лоб.

– ...сколько я буду жда-а-а-ть горячей воды-ы-ы-ы?

– Аня, иди к себе, – тихо сказал Воронцов, распахивая дверь шире.

Пройдя мимо Гоблина, я утопила его в трех гневных взглядах – вот он, победитель конкурса «Лучшая помеха года». Спускаясь по лестнице, я услышала звук удара и грохот. Наверняка у Евгения Романовича завтра под глазом засветится синяк, а у Воронцова будет болеть запястье.

– Что случилось? – донесся до моего слуха крик Галины Ивановны.

– Твой друг упал, – резко ответил Воронцов и хлопнул дверью.

Сжимая в руке тест на беременность, я направилась в свою комнату. Шла я печально, даже, можно сказать, понуро. Остановившись около небольшой пальмы, я вздохнула и посмотрела на тест. Солька, Солька, долго ты еще будешь наполовину беременна...

Где мой мобильник?

«Жду тебя завтра, это важно и срочно», – быстро написала и нажала на нужную кнопку. Сообщение полетело в сторону реки, огибая деревья, преодолевая преграды... Нет, никуда оно не полетело, уведомление о получении не пришло, наоборот – телефон выдал ошибку. Я вышла на улицу, встала около вяло распространяющего свет фонаря и подкинула телефон вверх: помнится, в одном анекдоте так кто-то делал. Ну, нет в этом лесу хорошей связи, что тут поделаешь!

Уведомление опять меня не порадовало. Я уже хотела пойти к себе в комнату, но, подумав о том, что Солька сейчас наверняка нарушает режим, положенный каждой беременной женщине, задумчиво посмотрела на крышу дома. Конечно, Солька и сама может

быть не в зоне досягаемости, но я должна сделать все, что от меня зависит.

Обойдя дом, я наткнулась на лестницу. Неужели я это сейчас сделаю?

Не скажу, что залезть на крышу было трудно, скорее, увлекательно. Я поцарапала руку и, несомненно, испачкала джинсы (завтра придется полчаса думать, что надеть).

Я нашла устойчивую поверхность и, вдохнув свежего воздуха, опять подкинула телефон вверх – где-то там высоко, за тучами и облаками, по моим соображениям, и должна была произойти связь с Солькиным мобильником.

Пока телефон бороздил открытый космос, я времени не теряла. В эту долю секунды я успела разглядеть около забора неопрятного незнакомца из поезда. Он смотрел на меня, и глаза его, надо сказать, сверкали недобро. Поймать телефон я не смогла, вернее, забыла – не каждый день на меня смотрят с такой нескрываемой злобой.

Телефон с грохотом упал на крышу и покатился вниз...

– Это, по всей видимости, твое? – спросил Максим, наклоняясь и поднимая с земли мой многострадальный мобильник.

Незнакомец, оставаясь незамеченным для Максима, сделал несколько шагов назад, потом развернулся и побежал в сторону леса. То рядом со мной вообще нет мужчин, то их слишком много.

– Не спится? – хмуро поинтересовалась я, осторожно ступая по крыше.

– Решил прогуляться, – усмехнулся Максим и чуть позже, когда мои ноги коснулись земли, спросил: – Что ты там делала?

Он мужчина высокий, так что мне пришлось задирать голову, чтобы увидеть его глаза. Правду же надо всегда говорить в глаза.

– Искала братьев по разуму во вселенной.

– Ну и как?

– Похоже, с инопланетными цивилизациями мне общего языка тоже не найти, – я разочарованно пожала плечом.

– Доставлено.

– Что? – переспросила я.

Максим протянул мобильный телефон и сказал:

– Сообщение доставлено.

Телефон победно пикинул, гордясь выполненной задачей, и я сунула его в карман.

– Могу я узнать, кому ты посылаешь радиogramмы с крыши этого дома?

Излучая безграничное обаяние, Максим еле сдерживал улыбку. И откуда только берутся такие частные детективы!

– Подруге.

– Очень срочное дело?

– Ага, срочнее не придумаешь – решается вопрос перенаселения на планете Земля.

– Давай прогуляемся, – предложил Максим.

Мы вышли за ворота и направились по тропинке в лес. Я машинально оглянулась по сторонам (взгляд неряшливого парня не очень положительно отразился на моей нервной системе).

– Ты кого-то опасаясь? – тут же среагировал милый и обаятельный частный детектив.

– Послушайте, давайте без этих премудростей, вы же не просто так потащили меня в лес. Спрашивайте, что вас интересует.

«Буду доброй. Минут десять выдержу», – пронеслось в голове.

– И ты ответишь на мои вопросы? – ехидно спросил Максим.

– А почему бы и нет?

Мобилизовав мозги, размякшие после поцелуев с Воронцовым, я приготовилась к еще одному допросу.

– Ты знаешь больше, чем рассказала?

– Немного.

– Почему ты приехала сюда?

– Уверена, Воронцов с вами уже поделился информацией.

– Он сам до сих пор не может этого понять, – Максим засмеялся, – каковы настоящие причины твоего нахождения здесь?

– Вы со мной так разговариваете, будто я – подозреваемая номер один, а я ведь это кольцо даже ни разу не видела. А здесь я совершенно случайно – стечение обстоятельств, судьба.

– Еще несколько дней тому назад ты выполняла обязанности секретаря Воронцова и теперь случайно оказываешься здесь, в его доме, за тридевять земель от офиса.

– Да, все так. Клянусь, я не знала, что это его территория.

– Почему-то начинаю тебе верить.

– Это правильно, и я бы даже сказала – мудро.

– По твоему мнению, кто мог украсть кольцо? – Максим остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Галина Ивановна, например, – предположила я, – мнется она что-то. К тому же странно, что она не слышала, как ломали шкаф. Вот только если в ту ночь ее не было в комнате... Но тогда где же она была?

– Ты не встречала ее у реки около туристического поселка?

– Нет, никогда, она иногда ходит куда-то погулять, но где ее носит, я не знаю.

– Что ты делала на крыше?

– Отправляла эсмэску, думаю, вы это уже и так поняли.

– Я могу ее прочитать?

– У меня очень древний телефон, он не сохраняет отправленную почту.

– Я могу посмотреть?

– Вы мне не верите?

– Нет.

Поразмыслив немного, я протянула Максиму телефон. Он мотнул головой и не взял его – видимо, проверку я прошла. Дальше мы шли

молча. Максим о чем-то думал, изредка посматривая в мою сторону, а я хвалила себя за достойное участие в допросе и заодно беспокоилась о Сольке: не тошнит ли ее, спит ли она уже, хорошо ли поужинала, и так далее. Минут через пять мы повернули обратно.

– Ты со многими познакомилась? Я имею в виду туристов, отдыхающих у реки.

– Нет. Общались немного с двумя парнями. А что?

– На днях хочу сходить в этот туристический лагерь и посмотреть, что к чему.

– А если кольцо украл чужой, посторонний человек: приехал, совершил задуманное и уехал? Почему вы не рассматриваете такую версию?

Максим нахмурился, замедлил шаг и ответил:

– Я рассматриваю разные версии. Вот только кто мог знать, что кольцо стоимостью в миллион долларов находится именно здесь? Кому такое могло прийти в голову? Случайный воришка, мечтающий стащить пару сотен, исключается – залезли только в комнату Галины Ивановны. Вор знал, зачем пришел.

Об этом знали:

– я,

– Солька,

– Альжбетка,

– Славка,

– Егор,

- Степан,
- Вероника,
- Осиков,
- возможно, мама,
- незнакомец из поезда,
- Екатерина Петровна, садовник – могли знать, могли и не знать,
- Евгений Романович,
- сама Галина Ивановна.

Может быть, я кого-то и забыла. Длинный список, хотя его можно сократить, убрав меня и девчонок. Маму пока вычеркивать не буду – просто из вредности.

– Кто-нибудь из живущих у реки упоминал хоть раз о «Живой слезе»?

Словно мысли мои читает!

Я пожала плечами. Максим проводил меня до комнаты и, уходя, сказал:

– Буду тебе очень признателен, если в ближайшее время ты познакомишь меня со своими друзьями и семьей.

Уверена, мне будет о чем поговорить с Солькой, когда она придет.

Глава 19

О том, как учительница ботаники Солька сталкивается с миром анатомии...

«Что надеть? Неужели пришел тот день, когда надо постирать свои вещи? Не верю! Такой день наступить просто не может. Подожду еще немного, может, чистые вещи начнут размножаться, все же они лежат так близко друг к другу в темном шкафу... Серая водолазка и брюки для шейпинга, как у меня могли оказаться такие брюки? Альжбеткины? Возможно... А когда я вообще последний раз занималась спортом? Не в этой жизни», – вот такие мысли скакали у меня в голове ранним утром.

Покрутившись около зеркала, я пришла к выводу, что и в дальнейшем не стоит утруждать себя ритмичными телодвижениями, вроде и так неплохо. Лишний килограмм уже вырос, но неделя умеренного питания спасет положение.

– Поступило предложение отказаться от еды после четырех часов. Голосуем, – бодро сказала я, отходя от шкафа. – Единогласно. А переголосовать нельзя? Нет. Жаль.

Как назло, запахло блинчиками...

В гостиной за столом сидел Евгений Романович: пухлые губы блестели от сливочного масла, правый глаз тоже припух (кулак Воронцова сделал свое дело). На тарелке перед ним лежали тоненькие блинчики, скрученные трубочкой и щедро политые сметаной.

Я тяжело вздохнула.

– А что это вы так рано и так много едите? – поинтересовалась я.

– Не твое дело.

Настроение у Евгения Романовича явно было неважнецким, он даже не обратил свой сальный взор на мои достопримечательности, обтянутые спортивными брючками.

Глаза красные, перегар. Диагноз один – похмелье.

– Пьете вы много в последнее время.

– Не твое дело.

На аппетит Евгения Романовича похмелье не повлияло: набрав в легкие побольше воздуха, он принялся лопать блины, и делал это так жадно и звучно, что мне стало дурно. Жаль, поблизости не проживают настоящие гоблины, они обязательно бы приняли его в свою семью.

– Вам-то что кручиниться, не понимаю, – покачала я головой и направилась в кухню.

– Надоело здесь торчать, – буркнул мне вслед любимец тети Гали.

«Если кольцо украл все же Евгений Романович, то где он его прячет? Обыском, что ли заняться, ведь пока не уладятся дела с «Живой слезой», мне спокойно не подобраться к нашим бриллиантам, если, конечно, Осиков не обманул и они существуют. Хотя, с другой стороны, если бы его целью было кольцо, то, украв его, он бы бежал, не особо оглядываясь назад... Но он-то не бежит... Значит, надежда разбогатеть все еще есть... Хотя, кто знает, что у Осикова на уме? Он мог украсть кольцо от жадности. Потом припрятал его где-нибудь в лесу и сейчас спокойно ждет, когда я найду еще и бриллианты...» – мысли наскакивали друг на друга, не давая возможности расслабиться. Никогда не думала, что на свете так много бриллиантов, куда не сунься, кругом они!

К обеду я получила послание от Сольки – мобильник призывно пиликнул, извещая, что она направляется ко мне. Я включила чайник и пошла к воротам ее встречать.

Ефросинья Андреевна Потапчукова, в народе известная как Солька обыкновенная, увидев меня, засветилась от счастья.

– Как ты тут поживаешь? – спросила она, теребя целлофановый пакет.

– Нормально, а это что?

Солька протянула мне пакет и, делая нездоровые гримасы, сказала:

– Твоя мама просила передать, только не убивай меня.

Я заглянула внутрь – на дне лежал пучок коротких веток, усеянных коричневыми катышками.

– И как я должна это понимать? – разглядывая дохлые сморщенные ягоды, спросила я.

– Она в лесу насобирала, говорит, в сухофруктах много магния, и тебе это будет на пользу.

– Мне вот интересно, о чем она думает, – хмуро сказала я, – ведь если я от этой бузины умру, кто принесет ей в старости законный стакан воды?

На кухне никого не было; наложив Сольке блинов и налив чая, я села напротив нее.

– Ты зачем меня вызвала, случилось что?

– Ага, – кивнула я, размышляя, с чего бы начать: с теста на беременность или с того, что Максим желает познакомиться с маман и вообще с моим окружением.

– Ты в туалет хочешь... писать?

– Я блинов хочу, – машинально ответила Солька, особо не задумываясь о моем вопросе.

– Ну, ешь тогда.

Солька положила на блин немного варенья, посмотрела скептически и произнесла:

– Лучше бы с селедкой, но раз нет, то что уж...

Блин был откусан, пережеван и проглочен. Я завистливо проводила его в последний путь. Лишний килограмм на моих боках не позволял мне последовать примеру Сольки.

– Писать хочешь? – опять спросила я.

– Ты для чего меня позвала? Чтобы я у тебя тут пописала, что ли? – засмеялась Солька.

– Вообще-то, да.

Уловив мой серьезный настрой, Солька перестала жевать.

– Ты что? – осторожно спросила она, видно, просто не зная, чего от меня ожидать.

Я подошла к шкафчику и достала с полки одноразовый стаканчик, протянула Сольке и сказала:

– Надо бы тебе сюда пописать.

– Что? – еще больше изумилась учительница ботаники. – Ты совсем с ума сошла?

– Как бы это тебе объяснить... Предполагается, что ты беременна.

– Кем предполагается?

– Мной, – я, улыбаясь, развела руками.

– Это опять твоя хваленая интуиция? – с опаской спросила Солька.

– Что-то вроде того...

Реакция Сольки меня изумила: я изначально настроилась на то, что она сейчас пошлет меня куда подальше и потом придется три часа уговаривать ее выполнить все, о чем говорилось в инструкции теста. Но Солька, подскочив, схватила стаканчик и молниеносно выскочила из кухни. Только сейчас я поняла, как свято она верит в мою интуицию.

Через секунду она влетела обратно.

– Где здесь туалет?

– Дверь около моей комнаты, там еще пальма стоит...

Я уже решила пойти с ней, но не успела – она точно растворилась в воздухе.

Развернув картонный конверт, в котором лежала тоненькая бумажная полосочка, я стала внимательно изучать инструкцию – не каждый день я участвую в таких испытаниях.

Солька долго не возвращалась, и я отправилась ей на помощь.

По лестнице спускался Воронцов.

Милый.

Хороший.

Ненаглядный...

Мысли, посвященные предмету моего обожания, были прерваны несущейся мне навстречу Солькой. Протянув руку чуть ли не на метр вперед и сжимая в ней наполненный до краев стаканчик, она с разбегу врезалась в Воронцова, чудом удержав свою добычу в руках. Виктор Иванович уже ничему не удивлялся.

– Это что? – спросил он, указывая на стаканчик.

– Это реактив! – воскликнула Солька и схватила меня за руку. – У нас лабораторная работа!

Хорошо, что она потащила меня в туалет, а не потребовала прямо в гостиной немедленного получения результата.

– Что теперь надо делать? – спросила Солька.

– Для начала, – сказала я, глядя на стаканчик, наполненный с горкой... реактивом, – отлей половину. – Я помахала в воздухе тонюсеньким тестом и продолжила: – А теперь замри.

На мгновение воцарилась тишина.

– А что должно произойти? – прошептала Солька.

– Если две полоски, то тебя ждет токсикоз, избыток веса, памперсы, бессонные ночи...

– Я, пожалуй, смотреть не буду, ты сама полоски посчитай и мне скажи.

Солька отвернулась, оставив меня наедине с ее же судьбой. Собственно, долго ждать не пришлось.

– Что молчишь? – не выдержала Солька.

– Ну, так это... поздравляю.

Солька подскочила ко мне, вырвала из рук тест и зачем-то стала на него дуть.

– Ты надеешься, что вторая полосочка сейчас улетит? – поинтересовалась я, облакачиваясь на раковину.

Солька замерла, затем резко протянула мне свою судьбу обратно и сказала:

– Это не мой тест. Я, пожалуй, пойду, у меня куча дел.

Она промаршировала мимо меня к двери.

– Стоять, – зловеще прошипела я, и Солька остановилась, – сиди здесь, сейчас я принесу тебе чаю.

– А селедки нет? – с надеждой в голосе спросила Солька и вдруг расплакалась.

Никогда не перестану умиляться на это сокровище.

– Не реви, – улыбнулась я, – ты уже не одна, так что реветь права не имеешь.

– Я же не думала... Как же так получилось-то... И что мне теперь делать? – слегка всхлипывая, спросила Солька. Она включила холодную воду и стала умываться.

– Любить себя и баловать, чем же еще заниматься, как не этим?

– А Славка?

– Что Славка?

– Как я ему скажу?

– А что, он не знает, откуда дети берутся?

– Я думаю, знает... то есть точно знает, но это же как-то неожиданно.

– Значит, будет приятный сюрприз, подумаешь.

– А вдруг он не обрадуется?

Я представила Славку. Огромного доброго Славку.

– Не может такого быть, – отрезала я.

Лицо Сольки озарила улыбка, и я вздохнула с облегчением.

– Так я теперь что... беременная?

– Еще какая беременная, – приободрила я подругу.

– У меня будет ребенок?

– Еще какой будет!

– Вот это да!

– Ну так!

Приблизительно в таком ракурсе мы проговорили целый час. Хорошо. Очень хорошо. После разговора я уже сама хотела ребенка, такого маленького, симпатичного и похожего на Воронцова. Возможно ли такое? Я улыбнулась.

После наших охов и вздохов мы плавно перешли все к той же теме – пропаже кольца. Я рассказала Сольке о последних событиях и поведала, что Максим планирует навестить жителей рыбацкого лагеря.

– Да пусть приходит, – совершенно разомлев и, видно, испытывая сейчас материнские чувства абсолютно ко всем, сказала Солька.

– Меня беспокоит Осиков, как он там, кстати?

– Хорошо: кушает за троих, бодр и свеж, с твоей маман у него полная идиллия.

– Слишком он нервный, потом, у него судимость... Как бы Максим не заикнулся на нашем пухлом друге. А если учесть, что Осиков – еще тот фрукт и от нас что-то скрывает, то неизвестно, как он себя поведет, когда познакомится с частным детективом.

Я села на подоконник и нахмурилась; эх, сигарету бы сейчас, но я бросила курить миллион лет назад.

– Ничего страшного, что он сидел... – начала Солька акцию подбадривания.

– За воровство, – напомнила я. – Сыщики на такие моменты обращают особое внимание.

– Степан тоже сидел в тюрьме, да мало ли у кого какое прошлое.

После этих слов я подумала о Степане, Егоре и Вероничке не просто как о людях, прочитавших газету, в которой говорилось о колье «Живая слеза», а как о возможных похитителях этого украшения. Раньше отношение к ним было какое-то смазанное, расплывчатое, теперь же мой интерес возрос.

– А за что он сидел?

– Разбойное нападение, кажется, – ответила Солька, – точно не помню, да вроде он подробно и не рассказывал.

– А ты часто их видишь?

– Да каждый день! Вероничка вообще от Славки не отстаёт, я уже устала её гонять. Хотя теперь, когда я... ну, в положении... все изменится, – Солька захихикала, – представляю её лицо, когда она узнает!

– Ты пока не говори никому, – посоветовала я.

– Как это?

– Славке и Альжбетке скажи, и хватит. А вообще, лучше бы тебе в Москву отправиться, может, поедешь?

Предлагая такой вариант, я знала, что Солька откажется.

– Вот ещё! Никуда не поеду – вместе приехали, вместе и вернемся.

Она даже надулась.

– Ты ещё раз подумай и потом скажешь, – предложила я, понимая, что Солька сама должна принимать подобные решения.

– Я останусь.

– Хорошо, пусть так. А Степан с Егором уехать не собирались?

– Да нет вроде, – пожала плечами Солька.

Даже если кто-то из них украл кольцо, то торопиться уезжать он не станет... это может привлечь внимание... вот дня через три-четыре...

– А когда Максим к нам придет? – спросила Солька.

– Не знаю, думаю, в ближайшее время – завтра, послезавтра. Ты подготовь всех, скажи, чтобы особо не напрягались и вели себя, как обычно, мама с Осиковым пусть изображают супругов, проживших в

счастливым браке десять лет, Альжбетка пусть причепурится, будет отвлекающим маневром, ну, и так далее, надеюсь, вы справитесь.

– Ань, не волнуйся, все будет в полном порядке. Обещаю!

– Подготовьте алиби на всякий случай, только не запутайтесь.

– А что придумать? – забеспокоилась Солька.

– Не надо особо голову ломать, все должно быть легко и естественно, время у вас есть.

– Справимся, – уверенно кивнула учительница ботаники и хлопнула меня по плечу, полагая, наверное, что это меня непременно приободрит.

Осиков, точно заноза, не давал мне покоя. Максим не так прост, есть у него чутье, как бы не раскусил он нашего бриллиантового магната! Я проводила Сольку, постояла у забора немного, размышляя обо всем на свете, и пошла в дом. В гостиной, уютно расположившись на красивом диване персикового цвета, сидел Воронцов.

– Ну, как, грозит ли планете Земля демографический взрыв?

– Грозит, – кивнула я.

– Поздравляю.

– Спасибо; кстати, я хотела спросить: а когда у нас с вами будет ребенок? Мне, между прочим, скоро двадцать девять лет, пора уже подумать о наследниках.

– Так сама же видишь, нам постоянно мешают, – заулыбался Воронцов.

– Хорошая отговорка! Лишь бы ничего не делать, – фыркнула я, – могли бы немного поответственнее подойти к этому вопросу.

Виктор Иванович встал, отшвырнул газету и сказал:

– Пойдем.

– Куда? – напряглась я.

– Продумаем этот вопрос вместе.

Я струсила и запаниковала... Когда он так на меня смотрит своими каштановыми глазами, я понимаю, что он сильнее меня, намного сильнее.

– У меня еще рабочий день не закончился, вы же не хотите, чтобы вас обвинили в сексуальном домогательстве по отношению к подчиненным?

– Ничего страшного, переживу, – улыбнулся в ответ Воронцов.

Я поплелась на кухню, где наверняка Екатерина Петровна завалит меня черной работой.

– Отличные брючки на тебе сегодня, – весело бросил вслед Виктор Иванович.

Пожалуй, завтра я их надену опять.

Глава 20

Чувствую, что мне просто необходимо свое жилье...

Мне нужен был повод.

Пришло время попроситься на проживание в охотничий домик – думать о чужих бриллиантах уже надоело, пора бы подумать о своих. Так просто Воронцов меня в этот «шалаш» не пустит (вредничать начнет, привык, что я у него под присмотром). Нужен повод. Какие есть варианты? Поджечь свою комнату... Не годится, мне дадут другую. Сказать, что у меня аллергия на пыль, и начать усиленно чесаться... Неплохо, но это сойдется скорее как дополнение. Так, что еще? Мама запрещает мне жить в одном доме с холостыми мужчинами... Хи-хи, забавно! Мне здесь снятся кошмары... Не поверит. Ссора... Да! Мне нужно с кем-нибудь серьезно поругаться!

Галина Ивановна не годится, выгонят еще куда подальше. Евгений Романович... Можно, но он такой бестолковый. Да что я думаю, есть же на свете человек, который с огромной радостью поругается со мной так, что стены будут трястись, – Екатерина Петровна! Она самая.

Теперь нужно придумать повод для ссоры. Если мы с ней не поделим что-нибудь по хозяйству, то все встанут на ее сторону, это уж точно. Надо нам поругаться по идейным аспектам.

Я выглянула в окно и кивнула своим мыслям. Чудесное утро! Прекрасное утро для того, чтобы устроить отличную разборку.

Екатерина Петровна развешивала белье, даже не подозревая, какие я выстраиваю планы относительно ее ближайшего будущего. И отчего она в доме белье не повесит? Так, кажется, я уже начинаю придирааться на пустом месте. Отлично, отлично! Боевой настрой мне сейчас очень даже кстати.

Я решительно натянула вчерашние спортивные штанишки (отвлеку ими внимание Воронцова, когда он будет думать, чью сторону ему принять) и вышла из комнаты. По кухне разносился аппетитный аромат свежей выпечки – на столе, под салфеткой в плетеной тарелке, лежали умопомрачительные плюшки. Собрав мужество в кулак, я воздержалась от столь калорийной пищи, за что тут же себя наградила чаем с тремя ложками сахара. Села у окошка и погрузилась в размышления.

За последнее время у меня скопилась огромная куча переживаний – стресс практически течет по моим венам вместо крови. Я нахожусь в постоянном напряжении, но почему-то не худею. Почему так, что за несправедливость?

В задумчивости я отломил кусочек плюшки, и он совершенно непонятным образом направился в сторону моего рта. Стало невыносимо стыдно, но, несмотря на это, кусочек продолжал настойчиво двигаться вперед. Такая красивая траектория... Траектория стыда.

Тяжело вздохнув, я положила кусочек плюшки обратно на тарелку и стала тихо злиться на весь мир.

– Неужели ты проснулась, не верю своим глазам, – ехидно брякнула Екатерина Петровна, заходя в кухню.

Явилась, не запылилась.

– Мой рабочий день начинается через час, так что у вас нет никакого права указывать мне, во сколько я должна вставать.

– Цаца какая, – фыркнула Екатерина Петровна и поджала губы.

Пытаясь не смотреть на плюшки, я стала готовиться к скандалу: он мне просто необходим. В голову, как назло, ничего не лезло, оказывается, поругаться по заказу очень и очень трудно.

Я опять посмотрела на плюшку и сглотнула набежавшую слюну – ну не может же плюшка победить человека?!

– Ты что штаны опять эти напялила, бесстыжая!

– Попрошу вас быть корректнее, и к чему так неприкрыто выплескивать на меня свою зависть?

– Я терплю тебя из последних сил, только из уважения к хозяевам, так что лучше замолчи! – скривилась Екатерина Петровна.

– Я буду говорить, что хочу и когда хочу, уж не думаете ли вы, что ваше мнение мне интересно?

– Ты можешь сколько угодно подбираться к Виктору Ивановичу, но он никогда не снизойдет до такой простушки, как ты. Ты просто дура!

О! Да я сейчас убью ее! Затронуть святое – мою трепетную любовь к Воронцову! И потом, как смеет эта лакмусовая бумажка называть меня простушкой?!

– Вешаешься на мужика, противно смотреть, – добавила Екатерина Петровна, чем подписала себе смертный приговор.

–

А можно задать вам вопрос? – начала я вполне миролюбиво.

– Да уж, если бы ты слушала побольше умных людей, то, возможно, из тебя бы и вышел толк.

– Тяжело ли жить на свете такой ошипанной курице, как вы?

Екатерина Петровна перестала складывать салфетки в аккуратную стопочку и уставилась на меня цепкими малюсенькими глазами.

– Не страшно ли вам оставаться наедине с собой? – продолжила я. – И не мечтаете ли вы сами о Воронцове? Может, вы просто захлебываетесь ревностью?

– Что?! – побагровев, закричала Екатерина Петровна.

Мне кажется, все же мечтает и ревнует.

Она схватила половник и кинула его в меня. Да это же прямая угроза для жизни! А мы ведь только начали разговаривать.

– Ах ты, дрянь такая, пробралась в дом...

– Почему вы меня все время обзываете? – уклоняясь уже от салфетницы, поинтересовалась я. – Разве вы не считаете себя интеллигентным человеком с богатым внутренним миром?

– Закрой рот!

Екатерина Петровна сделала выпад в мою сторону, я отскочила. Хорошо, что во мне есть несколько процентов пластики, они здорово помогают в подобных ситуациях. Ах, моя жизнь на волоске, ибо Екатерина Петровна взяла пластмассовую лейку и размахнулась (чувствую, она собирается огреть меня этим объемным предметом по голове). Ну, нет, мы так не договаривались.

«Пора кричать или еще нет? Рано. И вообще, пусть лучше кричит она, у нее это получается более натурально».

Я увернулась от лейки, и Екатерина Петровна, теряя равновесие, завалилась на стол.

– Почему бы нам не поговорить спокойно, как интеллигентным людям, – предлагаю я, зная, что ни мой тон, ни мои слова не понравятся разъяренной Дюймовочке.

– С тех пор как ты появилась здесь, у нас одни проблемы! Да как ты вообще смеешь так со мной разговаривать! – Екатерина Петровна перешла на визг. – Ты подлая и дрянная! Я сделаю все, чтобы ты убралась из этого дома...

На этих словах дверь распахнулась, и на кухню вошел Воронцов. Видимо, он успел натянуть на себя только джинсы, все остальное было возбuditельно обнажено. Невероятным усилием воли я заставила себя отвлечься от нахлынувших мыслей и чувств и решительно бросилась

на шею своему спасителю (вообще-то, он меня ни от чего не спас, но я буду называть его так, дабы получше вжиться в роль).

– Как хорошо, что вы пришли, – заныла я, давя на жалость.

– Что здесь происходит? – спросил Воронцов, слегка меня отстраняя.

Но меня не так-то легко отстранить, тем более, когда речь идет о полуобнаженном Воронцове. Вдохнув терпкий запах его туалетной воды, я прижалась к нему еще сильнее.

– Я спрашиваю, что здесь происходит?

Вот ведь, не завидую я Екатерине Петровне, что она может сказать? В чем меня обвинит? Зато у меня полно аргументов против нее.

– Виктор Иванович, я вообще не понимаю, почему Екатерина Петровна так ко мне относится, что я плохого сделала?

Вредная Дюймовочка явно растерялась, она то краснела, то бледнела, то переминалась с ноги на ногу.

– Я ничего такого не делала, за что эти обвинения и нападки? – отчаянно волнуясь, продолжила я.

– Какие обвинения? – попытался уточнить Воронцов.

– Она себя безобразно ведет, – наконец-то открыла рот Екатерина Петровна. Понимает, что бой проигран, и пытается сохранить лицо.

– Какие у вас конкретные претензии? Она опаздывает или плохо выполняет свои обязанности?

Какой же Воронцов замечательный! И зачем он вообще надел эти джинсы, вбежал бы так, в трусиках.

– Работу она выполняет без особого старания, – выдавила из себя Екатерина Петровна.

– Из-за этого случился скандал? – Воронцов нахмурился.

– Нет, – вмешалась я, – Екатерина Петровна обозвала меня всеми мыслимыми и немыслимыми словами, обвинила в том, что я вешаюсь на вас, и так далее. Я вообще не понимаю, какое у нее есть право лезть в мою личную жизнь!

Воронцов вопросительно взглянул на Екатерину Петровну, та замялась. Я победила.

Конечно, Виктор Иванович все понимал, он знал, что меня вряд ли можно обидеть всей этой ерундой, но что делать... приходится ему принимать мою сторону.

– Екатерина Петровна, оставьте нас, я хочу поговорить с Аней наедине. Я очень надеюсь, что больше подобных скандалов не будет.

Дюймовочка вся сжалась и вышла из кухни.

– А еще она подслушивает и подглядывает, – добавила я, когда мой неприятель покинул территорию.

– Ты тоже это делаешь, – ответил Воронцов, – а теперь объясни, что здесь произошло.

Па-па-па-па! Огромная сцена, тяжелый занавес медленно и степенно раздвигается. Я стою, укутанная теплым светом, и все, замерев, смотрят только на меня. Теперь я должна осуществить свой план.

– Она меня ненавидит. Вы слышали, что она сказала? Что выживет меня из этого дома... Я ничего такого не сделала и не

заслужила подобного отношения. Я не желаю это все терпеть и сама больше не хочу жить под одной крышей со злобной неврастеничкой!

Воронцов слушал молча.

– Екатерина Петровна швырялась в меня половником и лейкой, – я показала на раскиданную посуду и салфетки, – и что, это нормально, вы скажете? Я ухожу.

Я направилась к двери.

– Куда?

– Увольняюсь, не хочу жить рядом с этой мегерой. Вернусь к девчонкам, надоело мне все.

Я была очень убедительна – сама себе поверила.

– Увольнять я ее не буду, – думая, что я намекаю именно на это, сказал Виктор Иванович.

Да и не надо, я добивалась совсем другого...

– Разве я вас прошу об этом?

Остановившись, я вздернула нос и посмотрела на Воронцова.

– Я поговорю с Екатериной Петровной, чтобы она особо к тебе не приставала, и будем считать инцидент исчерпанным.

– Нет, не будем, – топнула я ногой, – отказываюсь жить с ней под одной крышей! Я устала слышать о том, что постоянно вешаюсь на вас, это очень неприятно. К тому же она следит за каждым моим шагом и не доверяет...

– В этом-то я ее понимаю, – улыбнувшись, перебил меня Воронцов.

– У меня уже мания преследования развилась, все время кажется, что она сопит за спиной. Хочу жить отдельно! Вернусь к реке и буду каждое утро топать целый километр, чтобы выйти на работу и смахнуть образовавшуюся за ночь пыль!

Эх, зачем я это сказала (необдуманный риск), вдруг он скажет «хорошо», и тогда затея рухнет.

– Ни у какой реки ты жить не будешь.

«Наверное, он меня очень сильно любит, просто не может расстаться со мной ни на секунду, разлука бы для него стала чем-то столь невыносимым...»

– Мне намного спокойнее, когда ты в поле моего зрения, а то я просто не знаю, чего от тебя можно ожидать, – прервал мои мысли Воронцов.

Эх!

– Тогда я буду жить в развалюхе, что стоит на улице, но с Екатериной Петровной под одной крышей не останусь, мне необходимо личное пространство.

– В какой еще развалюхе?

– В охотничьем домике, жили же там когда-то люди, все лучше, чем здесь.

– Ну что ты говоришь, там холодно и сыро, – Воронцов взял с тарелки мягкую плюшку и сделал глоток остывшего чая из моей кружки. – Не придумывай.

– А мне там уютно. Я девушка скромная, не привыкшая к напыщенной роскоши, и хочу простого человеческого покоя. Буду жить там.

– Не придумывай, – повторил Воронцов и нахмурился.

– Тогда живите тут без меня! Я не хочу каждое утро гадать, что именно Екатерина Петровна кинет в меня во время очередного приступа буйного помешательства!

Главное – показать свой решительный настрой.

– Хорошо, живи в охотничьем домике, – устало выдохнул Виктор Иванович. – Я попрошу Юрия Семеновича позаботиться о дровах и проверить печку. Но это только на пару дней, успокоишься – и обратно, поняла?

Два-три дня – это уже неплохо. Я почему-то думала, что мне придется его намного дольше уговаривать. Все же лачужка выглядит не очень презентабельно, наверняка в ветреную погоду там стены трясутся.

– Пожалуй, я приду к тебе в гости, надеюсь, мне никто не помешает поздравить тебя с новосельем.

Я почти смутилась. Это на что же он намекает...

Виктор Иванович прихватил пару плюшек, бросил в мою сторону игривый взгляд и вышел из кухни. Что-то я разволновалась, где мой лучший друг и утешитель – холодильник?

Сыр, масло, рыба горячего копчения... Надо дать Нобелевскую премию тому, кто изобретет способ, как худеть, поедая все, что попадется на глаза. Сервелат, салатик из морепродуктов, соленые огурчики, тушеные баклажаны... Как Екатерина Петровна умудряется быть такой маленькой Дюймовкой, имея под рукой все это?.. Вернее, как она умудряется все это не есть? Наверное, ее точит изнутри злоба. Подкопченные колбаски, домашний паштет из куриной печени, кусок пирога с капустой...

Захлопнув дверцу холодильника так сильно, что он несколько раз вздрогнул, я понуро отошла в сторону. Как жить, как жить, когда кругом одни соблазны?!

Стыдясь, я открыла холодильник еще раз.

Может, паштет не очень калорийный? Он свернут рулетиком с тонким слоем сливочного масла... Сжав зубы и запретив себе даже думать о еде, я вновь хлопнула дверцей. До чего же я ненавижу эту Екатерину Петровну со всеми ее кулинарными талантами!!!

В гостиной никого не было, и я направилась в свою комнату. На полпути услышала голоса, несущиеся со второго этажа, и притормозила.

– Что там стряслось? – спрашивал Максим.

– Пойдем ко мне в кабинет, – голос Воронцова.

Я, словно черная кошка по карнизу (заметьте – худая кошка), незаметная и недоступная, прошуршала по лестнице вверх и сразу же приложила ухо к светлой двери. Мне кажется, что эта дверь уже давно любит мое ухо. Она радуется, когда оно так доверчиво прижимается к ней.

– Обычная ругань, – сказал Воронцов.

– Аня?

– Да, с Екатериной Петровной.

Двух версий быть не могло – они обсуждали наш скандал.

– И что? – спросил Максим.

– Есть в этом один любопытный момент.

– Какой?

Жаль, что мне их не видно.

– Они поругались – что ж, бывает, но закончилось все тем, что Аня решила переехать в охотничий домик.

– Это тот, что во дворе? – поинтересовался Максим.

– Да, что и странно...

– Почему?

– Потому что такой итог не в Анином характере. Раньше она обязательно бы потребовала, чтобы туда выселили Екатерину Петровну. То, что она переезжает сама, отчасти небольшое поражение в ее битве с противником, а эта девочка поражений не терпит, и уж сама никогда бы не уступила территорию.

– Может, ты преувеличиваешь? – спросил Максим.

– Может, – затянувшаяся пауза. – Но все же странно, что Аня нашла такой компромисс. Компромисс, в котором она сама ущемлена: переезжает в какой-то старый домик, где нет даже отопления, готова полночи бегать с дровами и при этом даже не требует никакого наказания для обидчицы.

Засада. Эх, как же я лопухнулась! Надо было попросить, чтобы Екатерине Петровне хотя бы отрубили голову.

– До ее друзей – всего какой-то километр, а может, и меньше, она же предпочла жить в лачуге, а не с ними... – продолжал размышлять Воронцов, – Аня могла настоять на проживании с друзьями, но не стала.

– Ты ее знаешь лучше, но, может, у нее есть на это свои причины?

– Уверен, что есть, но только какие?

– Кажется, она равнодушна к тебе, да и ты...

– Мне не хочется это обсуждать, – спокойно сказал Воронцов.

– Ты ей веришь?

– Да.

– Тогда почему постоянно сомневаешься?

– Потому что у нее острые, как бритва, глаза, потому что она гуляет сама по себе, потому что она не такая, как все... Потому что у нее есть то, без чего я уже не смогу жить...

– И что это?

– Она сама.

В комнате воцарилась тишина, сердце мое забилося куда-то в уголок и жалобно запищало.

Глава 21

Маленькое новоселье и вечер среди родственников и друзей

После обеда я занялась вещами – собрала абсолютно все и кое-как упаковала.

Я переезжаю надолго, пока не найду то, зачем пришла. Конечно, хотелось бы обнаружить нужную коробочку сразу, но на данный момент особых идей, где она может быть, у меня нет, так что я

решительно занимаю нужную территорию до конца следующего столетия (если понадобится, конечно).

– Печку я наладил, дров принес.

Я обернулась. Юрий Семенович стоял в дверях и хмуро оглядывал комнату.

– Что удумала... Здесь у тебя все есть, а в домишке – что?

– Я же вам говорила, не могу жить с мымрой по имени Екатерина Петровна под одной крышей – задыхаюсь.

– Ты к этому домику давно интерес имеешь... не напортачь чего, – пропуская мимо ушей мои слова, сказал Юрий Семенович.

Я изобразила наивность.

– О чем это вы?

– Предупреждаю. Это все твои пожитки?

Юрий Семенович ткнул пальцем в мою сумку, рядом, привалившись к стене, разместился еще и пакет.

– Ага, – кивнула я.

– Негусто.

– Так ведь на зарплату горничной не разживешься, – удрученно пожала я плечами.

– Я помогу.

Так мы и прошествовали до моего нового места жительства – Юрий Семенович впереди с моими сумками, а я сзади, с плескающимися эмоциями и бурлящими мыслями.

Сейчас я там все обустрою, а вечером начну поиски.

– А как в домике со светом? – спросила я.

– Свечка, – коротко ответил Юрий Семенович.

Негусто.

– И что, сделать ничего нельзя?

– Можно, только Виктор Иванович сказал, что ты там будешь всего два дня, так зачем что-то делать...

– Вот еще, я туда переезжаю надолго... навсегда! Это моя принципиальная позиция, так своему Виктору Ивановичу и скажите!

– Разбирайся с ним сама, делать тебе нечего, – проворчал Юрий Семенович и открыл дверь охотничьего домика.

Я зашла. Вдруг все здесь мне показалось до боли родным, до боли моим. Не знаю, как это объяснить, но теперь на то, что меня окружало, я смотрела совсем другими глазами, и бриллианты тут были ни при чем.

– Я здесь сделаю все так красиво, – вдохновенно прошептала я.

– Это невозможно, рухлядь, она и есть рухлядь, – сказал Юрий Семенович, ставя сумки на пол.

Я посмотрела на него – худой и высокий, в сумрачной комнате он казался человеком из другой галактики, пришельцем.

– Здесь будет красиво, – повторила настойчиво и улыбнулась.

Юрий Семенович развернулся и направился к выходу.

– Завтра проведу тебе свет... лампочку какую-нибудь... вот ведь шальная на мою голову, – пробубнил он.

– Спасибо.

Правда, я уже не была уверена, что хочу в своем домике иметь этот кусок цивилизации, но при поисках свет, конечно, вещь немаловажная.

Я провела рукой по пыльному столику и радостно вздохнула. Прекрасно. Просто прекрасно! Уборки прилично, но это даже хорошо, может, вот так, случайно, я и наткнусь на то, что ищу?

Я засучила рукава. Смотрите – я спешу трудиться! Мне это нравится!

Уже через час можно было без опаски дотрагиваться до чего угодно – пыль и грязь погибли смертью храбрых в неравном бою с влажной тряпкой.

Через полтора часа кровать, которую я выбрала, была уютна и притягательна. Чистое белье и тоненький бежевый плед, который я стащила из своей комнаты, сделали свое дело. Сюда бы еще какую-нибудь Альжбеткину плюшевую игрушку, но боюсь, этого я не переживу. Свежие цветы на так называемой кухоньке и выстиранные, мокрые шторы на окнах... немного рваные шторы – красота!

Через два часа... через два часа раздался стук в дверь, и я была вынуждена отвлечься от приятных хлопот на гостя.

– Я за тобой, – торжественно произнес Максим, оглядывая обстановку, – очень у тебя мило.

Он улыбнулся, я бы сказала, насмешливо улыбнулся. Ну и пусть. Плевать.

– А мы что, куда-то идем? – спросила я, вертя в руках сломанный стул и размышляя, не то его выкинуть, не то починить.

Максим все еще насмешливо улыбался. Я мысленно отметила, что ему необыкновенно идет зеленый свитер с высоким горлом и легкая небритость.

– Присаживайтесь, – сказала я и поставила перед Максимом стул. Он не рискнул.

– Идем. Я отпросил тебя у Виктора, и сейчас мы направимся в сторону реки.

– Зачем? – поинтересовалась я, наивно хлопая ресницами (надо было себя настроить на путешествие в сторону причудливого Осикова и моей несравненной маман).

– Я же говорил, что собираюсь познакомиться с твоими друзьями, да и с другими обитателями туристического лагеря.

Максим подошел к окну и скептически оглядел мои рваные и мокрые шторы.

– Ну, так идите сами, а у меня дел полно.

Может, мне сейчас повезет, и он отстанет от меня? Хотя нет, ясно же, что не отстанет.

– Собирайся, – сказал Максим и вышел на улицу.

Такой молодец, просто настоящий мужчина – сказал, как отрезал. Наглый. Ладно, зачем я на него злюсь, это его работа. Помогу, уж так и быть, все же он приятный, обаятельный, интересный, умный... и дружит с моим Воронцовым.

– А вы, Максим Сергеевич, женаты? – пропела моя мама, наливая гостю чай.

– Нет, не женат, я уже спрашивала, – болтая ногой, ответила я.

– Жаль, что у нас ничего не украли, – обнажая плечо, практически простонала Альжбетка, мне даже показалось, что от нее пошел пар.

– А что вас заставило стать частным детективом? – поинтересовалась Солька.

– Наверное, баллов нужных не набрал в нормальный институт, – начала я размышлять вслух.

– А какой бы вы хотели видеть свою избранницу? – вновь влезла моя маман, по всей видимости, ожидая от меня заинтересованности.

Я покосилась на Максима. Очень надеюсь, что ему больше никогда не захочется общаться с этими замечательными людьми. Максим был спокоен, как и положено ему по долгу службы.

– А вы нас обыскивать будете? – с надеждой спросила Альжбетка.

– Размечталась, – ответила я, – я этого уже несколько дней жду, и пока что-то мечты не сбываются.

– Сегодняшний мой визит – это скорее желание познакомиться с приятными и интересными людьми, чем моя обычная и повседневная работа.

Я специально посмотрела на него – не покраснел. Никакого стыда, скажу я вам.

– Но при желании вы обыскать можете? – уточнила Альжбетка.

– При желании могу.

– А вы кого подозреваете? – деловито осведомилась Солька, откусывая глазированный шоколадом пряник.

Славка ее нежно обнимал, и мне жутко хотелось узнать, рассказала ли ему Солька про ребенка или нет.

– Всех... впрочем, как обычно, – ответил Максим.

– Это правильный подход, – закивал Осиков, – не стоит отмечать никакие версии, преступники нынче хитры и изворотливы.

Солька поперхнулась чаем. Альжбетка наверняка бы тоже поперхнулась, но свой чай она допила минут пять назад.

– А вы, я вижу, хорошо осведомлены о случившемся, – улыбнулся Максим, поглядывая в мою сторону.

– Да уж, я своих без информации не оставлю, – так же мило улыбаясь, ответила я.

– А как вы оказались здесь, ведь по большому счету ничего хорошего в этих краях нет?

Прощупывает, проверяет.

– Не скажите, – тут же среагировала Солька, не давая моей маме даже открыть рот, – а воздух, вдохните этот воздух, здесь замечательная природа!

– Это правда, но подобных мест очень много и есть уголки природы с более хорошими условиями для проживания, что же привело вас именно сюда?

Еще секунда, и мама принялась бы выкладывать версию, которую мы приготовили для нее – мы путешествуем по памятным местам молодости Арсения Захаровича, и так далее и тому подобное... Это никак меня не устраивало. Сама же я не могла вмешиваться, потому что находилась под подозрением, и Максим, задавая вопросы, отчасти проверял мои слова.

Солька и тут оказалась на высоте – опередив маму, она заявила:

– Так Мария Андреевна последнее время плохо себя чувствовала, и доктор порекомендовал ей именно эти места, здесь особый воздух.

Максим в этот момент смотрел не на Сольку... к сожалению... а на мою маму. Если не считать, что ее брови поползли вверх, рот приоткрылся, а глаза изумленно уставились на учительницу ботаники, то мама держалась молодцом.

Эх, мама, мама, сгубили вы свою дочь в расцвете лет!

– У вас проблемы со здоровьем? – участливо спросил Максим. – Я бы никогда не подумал, вы прекрасно выглядите, Мария Андреевна.

Мама разомлела, Осиков заерзал, а я поняла, что Максим так просто не успокоится.

– Ну, я не знаю... – начала мама.

Я извлекла из тайников своей души особый взгляд... взгляд, который вворачивает шурупы в любую стену на расстоянии, и мама занервничала, не зная, что ей выбрать – жизнь дочери или возможность пококетничать с очаровательным и симпатичным частным детективом? Пусть она потом завалит Сольку вопросами, пусть, но сейчас она должна выбрать меня!

– Вот и Арсений Захарович всегда мне говорит, что я хорошо выгляжу.

Мама выбирала третий вариант (он у нее всегда есть в запасе) – и нашим, и вашим. Хоть так.

– Вы прекрасная пара, – мило улыбается Максим, перетягивая мою маму на свою сторону.

Мама зарделась. Дело дрянь.

– А давно вы вместе?

И что же ему нейдет?

– Перед поездкой и познакомились, – охотно ответила мама, зардевшись.

Если дойдет до того, что он попросит у Осикова документы... мы пропали...

– А вы сами в эти края надолго? – затянула Альжбетта, отвлекая разговор на себя.

Давай, Альжбетка! Вперед! Редкий мужчина уходит от тебя живым (это я вспомнила недавно умершего от инфаркта престарелого любовника нашей красавицы)!

– Вот улажу дело с колье, найду злоумышленника, – Максим засмеялся, – и домой. У меня много дел, я здесь, только чтобы помочь Воронцову.

– А что вы делаете сегодня вечером? – спросила Альжбетка, оголяя второе плечико.

Еще немного, и мама с Осиковым будут забыты.

– Вечером мне надо проводить Аню к ее новому жилью, – усмехнулся Максим.

– Что это за новое жилье? – вмешалась мама.

– Рядом с особняком Воронцова есть маленький домик, старый уже, много лет в нем никто не жил, так вот, ваша дочь по своему собственному желанию теперь будет ютиться там.

Осиков счастливо заулыбался, девчонки переглянулись. Если это заметила я, значит, это не укрылось и от Максима. Петля на моей шее затягивалась.

– А вода там есть? Как ты там будешь жить?! – возмутилась мама.

– Удобства на улице, – сухо ответила я.

– Не волнуйтесь, – утешил мою маман Максим, – до дома, где раньше проживала Аня, всего несколько метров.

– А давайте выпьем! – загорелся Осиков, полагая, что до бриллиантов остался один шаг.

– Расскажите, как вы познакомились, – попросил Максим, наполняя рюмку Арсения Захаровича водкой.

Нет, нет, нет! Хватит уже разговаривать о моей маме и Осикове.

Я кинула Сольке многозначительный взгляд, Солька пихнула Славку, Славка, очнувшись от своих мыслей, полагая, что обращаются к нему, спас нас всех.

– А мы с Солей на одном этаже живем, вот так и познакомились, закрутилось все как-то по-соседски.

Славка нежно посмотрел на Сольку и потом так же нежно, опустив глаза, посмотрел на ее живот. Он знает, он рад, я счастлива! Хоть что-то приятное сегодня. Я бы сейчас даже расплакалась от умиления, но боюсь, что Максим воспримет это, как мое признание вины.

– А так как соседей мужского пола у нас больше на этаже нет, – сказала Альжбетка, – то я пока свободна.

Она подарила Максиму пламенную улыбку и облизала переливающиеся розовым перламутром губы.

Мама протянула Максиму бутерброд с колбасой и выдала:

– А давайте я вам расскажу, как мы с Арсением Захаровичем увидели друг друга первый раз.

(..... – вот что я хочу сказать по этому поводу!)

– Мама, ну что в этом интересного, встретились и от нечего делать стали дружить, – не выдержала я. – Максим, расскажите лучше, трудно быть частным детективом? Ведь каждый может позволить себе не отвечать на ваши вопросы. Люди обычно не стремятся помогать следствию, особенно неофициальному.

Я надеялась, что сейчас все успокоятся и поймут, что, по большому счету, ни у кого тут нет особого права их допрашивать.

– Я не совсем частный детектив, – глядя мне в глаза, сказал Максим, – я следователь. Особо желающих ехать в эту глушь не было, да и Виктор мне доверяет, так что здесь я на работе, и никто не может позволить себе не отвечать на мои вопросы.

Максим достал из кармана красное удостоверение и, раскрыв его, положил на стол.

Я не стала смотреть.

Зачем?..

Глава 22

Так как я целиком и полностью за правосудие, то начинаю новую жизнь: помочь следствию – это же святое дело...

Я сидела и думала. Вы знаете, это полезно – думать.

«Что выгодно мне и тем, кто сейчас сидит за этим столом? Нам выгодно, чтобы преступника нашли как можно скорее!

Никто не будет следить за мной, подозревать меня, никто не будет отвлекать от поиска бриллиантов. Я смогу утащить их незаметно и без всякого риска. Сейчас же, пока Максим идет по следу, и я, кстати, нахожусь среди подозреваемых, мои поиски и дальнейшие действия всегда будут под прицелом его бдительного ока. Значит, что? Значит, я должна помочь ему найти вора. Вот и все. Делов-то.

Теперь подумаем, почему же я раньше этого не делала? Осиков... Осиков... Осиков... Я боюсь за него, вернее, боюсь, что это он украл колье (я-то его точно не брала, так что мне еще переживать?). Н-да...

Хорошо, тут два варианта:

а) Осиков колье не крал, тогда незачем беспокоиться, мало ли кто в тюрьме сидел;

б) Осиков колье украл... значит, отсидит еще, раз заслужил, что тут еще скажешь, а мы его долю сохраним, и когда он выйдет на свободу, то будет обеспеченным человеком с чистой совестью.

А неплохо получилось!»

Я посмотрела на Осикова: он торопливо ел уже второй кусок пирога. Аппетит хороший...

«Может, и не брал он это колье? Не важно, не важно. Если взял – так сам виноват. Разве о нас он в таком случае подумал? Не подумал. Значит, опять же, что? Значит, будь что будет... Мы сюда приехали за бриллиантами, вот о них я и буду думать.

Но есть еще неопрятная персона из поезда... что это за человек? И ведь Осиков его знает, знает и молчит. И откуда только берутся такие толстые партизаны! Ох, как все сложно, как бы сделать так, чтобы и следствию помочь, и себе не навредить?

Пожалуй, выберу золотую середину: я не стану раскрывать все карты перед Максимом, но буду стараться помогать ему. Вместе-то мы быстро найдем преступника. Помнится, он говорил, что похищение «Живой слезы» не может быть случайным – о том, что Галина Ивановна настолько ненормальна, что привезла сюда кольцо, может знать только ограниченное количество людей. Нет, не так он смотрит на ситуацию... Да об этом вообще никто знать не мог! Положила она кольцо в чемодан, не положила – это непредсказуемо, она могла положить его, а в последний момент передумать и оставить дома. Да и куда проще его было бы украсть в Москве, квартира там сейчас пустая – заходи и бери что хочешь, для профессионала сигнализация и сейф – не такие уж серьезные проблемы. А из-подслушанных разговоров, произошедших между Максимом и Воронцовым, я знаю, что на ее московскую квартиру никто не посягал.

Да и взломанный шкаф мало походит на работу профессионала... Если это сделала не сама Галина Ивановна (что тоже не следует исключать – страховка в два раза выше стоимости кольца, а любовник беден и горячо любим)... вообще, где она была в ту ночь?.. Так вот, если исключить пока хозяйку кольца, то все выглядит так, будто кто-то знал про «Живую слезу» и просто шел наудачу – повезет, не повезет...

А кто же у нас такой смелый?»

Я опять посмотрела на Осикова и вздохнула.

– А скажите, Максим Сергеевич, – прощebetала моя мама, – а случалось ли вам рисковать жизнью?

– Бывало, – Максим улыбнулся.

– А девушек вы часто спасали? – гнула свою линию Альжбетка.

– Несколько раз спасал, – весело сказал Максим, зная, что именно такого ответа от него и ждут.

«Ах, Максим Сергеевич, Максим Сергеевич, вот вы сидите, мило беседуете, пьете чай и даже не подозреваете, что у вас появился напарник. А ведь узнай вы сейчас, что ваш напарник – это я... вы бы этим чайком сразу подавились».

– Нам пора, – торопливо произнесла я, резко поднимаясь из-за стола.

Максим посмотрел на меня и уже хотел было что-то сказать, как я его опередила:

– Это в интересах следствия.

Не знаю, поверил ли он мне, но из-за стола встал.

– У вас очень мило, – улыбаясь, сказал он моей маме, – но, кажется, нам действительно пора возвращаться.

– Вот я так и знала, в кои-то веки к нам зашел приличный человек, и ты его так рано уводишь, – укоризненно глядя на меня, сказала мама.

Бедная – сидит тут и денно и ночью скучает по приличным людям.

– Ты же хочешь, чтобы я вышла замуж, – ответила я, – так вот, сейчас мне предстоит пройти вместе с Максимом по узкой тропинке в полной темноте целый километр, а ты же знаешь, мама, что порядочные мужчины после такого на девушках обязательно женятся.

– Аня! – гневно воскликнула мама и покачала головой.

На улице я схватила Максима за руку и поволокла его к реке.

– Куда мы идем, и что вообще на тебя нашло?

– Хочу помочь следствию.

– Каким образом, – поинтересовался Максим, – утопить следователя?

– Нет, я мокрыми делами не занимаюсь. Я должна вас кое с кем познакомить... скорее всего, они здесь...

Я оглянулась по сторонам: вдалеке мужчина в ватнике и кепке привязывал лодку к берегу. Нет, не то...

– Ты можешь объяснить, в чем дело?

– Есть тут подозрительные лица, хочу, чтобы вы с ними познакомились.

Егор, Степан и Вероничка, где же вы?..

Для меня они не очень-то подозрительные, но пусть он с ними познакомится, задаст вопросы... и вообще, он лучше знает, что делать – это его работа. Пусть не чай распивает, а делом занимается.

Ребят нигде не было, и я, немного загрустив, предложила:

– Давайте прогуляемся вдоль поселка, – я потащила Максима за собой. – Здесь мало кто живет, – делилась я информацией, – и я мало кого знаю: с кем-то просто здоровалась, с кем-то болтала пару раз.

Егор и Степан сидели около развалившегося мостика и пили пиво. Надо же, и здесь встречаются элементы цивилизации, а именно – пиво.

– Привет, ребята, – помахала я рукой.

Егор откинул челку с глаз и улыбнулся.

– Привет, – сказал он, – что-то ты совсем пропала.

–

Так угнетают рабочий класс, вы же в школе наверняка это проходили. Работаю от зари до зари, без выходных.

– Делать тебе нечего, брось работу, чего мы тебя не прокормим, что ли, – заулыбался Егор.

– Не могу я бросить, эти эксплуататоры настолько непригодны к самостоятельной жизни, что, боюсь, помрут без меня.

Ребята внимательно посмотрели на Максима, намекая, что пора бы мне его представить.

– Знакомьтесь, это Максим, мы с ним недавно познакомились, и я была столь любезна, что предложила ему экскурсию по близлежащим территориям.

– И я не отказался, – улыбнулся Максим, нежно беря меня за руку.

Я готова в интересах следствия изображать влюбленную пару. Надо так надо. Хи-хи!

– Егор.

– Степан.

Они обменялись рукопожатиями. Мне показалось, что Степан стал сутулиться еще больше.

– А где же Вероника? – поинтересовалась я.

– Приболела, – хмуро ответил Степан.

– Да вот, хотели уже через пару дней ехать, вроде обещают дожди, чего здесь сидеть, – вздохнув, заговорил Егор, – да Вероника разболелась, съела что-то не то, с утра лежит, надеюсь, поправится скоро.

– Жаль, – сказала я, – передавайте ей привет, пусть выздоравливает.

Еще бы не жаль: она была вместе с нами, когда мы читали газету, Максиму было бы полезно познакомиться и с ней.

– Рыба-то хорошо клюет? – поинтересовался Максим.

Егор охотно стал делиться секретами: рассказал, где рыба ловится лучше всего, намекнул, что сетку ставить не стоит, что на червяка клюет плохо, и так далее, и тому подобное. Степан изредка дополнял рассказ друга короткими замечаниями. Максим время от времени задавал вопросы, которые на первый взгляд не могли показаться подозрительными, а выглядели, как дружеское любопытство. Откуда ребята, чем занимаются, почему приехали сюда, нравится ли им здесь...

Я не просто радовалась, я ликовала. Скоро, очень скоро мы найдем преступника!

– А вы бы в гости к девчонкам зашли, – пригласила я, надеясь, что, может, за столом они сболтнут что-нибудь интересное, а Солька с Альжбеткой мне потом расскажут.

– Да нет, спасибо, – пожал плечами Степан.

– Вы не стесняйтесь, – подбодрила я, – мы только что от них. Они веселятся и будут рады вас видеть.

– Мы просто не можем сегодня... заняты, – ответил Степан.

Чем это они заняты, сидят и пиво пьют.

– Ну, сходите хоть на полчасика.

– Нет, – мотнул головой Степан.

– У нас планы были на этот вечер, а потом еще Вероника приболела, мы уж в другой раз, – поддержал друга Егор.

– Ну, как хотите, – улыбнулась я, – мы пойдем, пора мне возвращаться на плантацию.

Мы попрощались и зашагали в сторону роскошных домов. Прохладный ветерок пролетал мимо, шурша листвой, настраивая на спокойный лад. Я посмотрела на Максима: он явно находился в состоянии глубокой задумчивости.

– А кто соседи Воронцова? – спросила я.

– Один дом сейчас перепродается, а второй принадлежит владельцу стоматологической клиники, он редко здесь бывает, оба дома пока пустуют.

– Что вы думаете о Егоре и Степане?

– Заядлые рыбаки.

– Я серьезно.

– Степан наверняка сидел в тюрьме и, думаю, прилично сидел. Они с Егором очень разные, пока трудно понять, что их может объединять.

– А откуда вы знаете, что он сидел?

– Я гляжу, что для тебя это не новость, – он усмехнулся и поддал ногой камень.

– Да, я знаю об этом.

– За что?

Как он так все выворачивает, что уже я отвечаю на его вопросы, а не он на мои? Мы так не договаривались, кто тут главный? Я!

– Вы не ответили на мой вопрос, – я решила быть настойчивой.

– Просто интуиция, пожалуй, подробнее и не объясню, какие-то слова, жесты... так за что он сидел?

– Разбой, кажется, я точно не помню.

– А как ты узнала об этом?

– Он сам сказал: сидели как-то, выпивали, само собой и выплыло.

– Ты меня с ними из-за этого познакомила?

– Отчасти да, хотя я и понимаю, что если человек сидел в тюрьме, это еще ничего не значит, но все же...

– А что за Вероника?

– Вообще-то, обычная вертихвостка, но очень уж богатство уважает, просто спит и видит это богатство.

«Говорить или не говорить? Говорить или не говорить? Говорить или не говорить?»

– В тот вечер, когда Степан рассказал о том, что сидел в тюрьме, мы случайно наткнулись на газету...

Ну же, смелее.

– ...там была статья про то, что Галина Ивановна, сестра бизнесмена Воронцова, купила кольцо за бешеные деньги...

Максим остановился.

– Когда это было?

– Точно не помню, может, за неделю до случившегося...

– Назови всех, кто присутствовал при этом.

– Я, Альжбетка, Солька, Степан, Егор и Вероничка. Но мы тут ни при чем!

Надеясь, что Максим все же прислушается к моим словам и вычеркнет меня и девчонок из списка подозреваемых, я замерла, ожидая его ответа. Но уже через секунду по выражению его лица, поняла, что ни о каких исключениях речи быть не может.

– Ты могла бы рассказать мне об этом раньше.

– Вот еще!

– А как же твоя гражданская совесть? – ухмыльнулся Максим.

– Спит моя совесть, та, которая гражданская.

– Тогда почему сейчас рассказала?

– Все вам не так, – возмутилась я, – что бы я ни сделала, вы начинаете подозревать меня еще больше.

– Так если у тебя все шиворот-навыворот, как же тебя не подозревать?

– Значит, в то, что моя совесть проснулась, вы не поверите?

– Не поверю, – Максим уже смеялся.

Правильно. Не верьте.

– Где теперь эта газета? – спросил он с явной заинтересованностью.

На меня обрушился удушающий приступ паники. Не могла же я сказать, что газета после вечеринки оказалась у нас в домике – круг подозреваемых расширился бы не в нашу пользу.

– Не знаю, – пожала я плечами, – мне надо было к Воронцову возвращаться, и я ушла раньше.

Выкрутилась.

Теперь я собиралась поделиться с Максимом своими гениальными мыслями. Выбрав торжественный тон, я сказала:

– Газету, конечно, видели тысячи людей, и здесь ее наверняка листали – кто-то же притащил ее в эту глушь, но кто мог знать, что эта самая Воронцова Галина Ивановна приехала сюда, в свой загородный дом? Она бывает-то тут раз в сто лет. Да и об этой ее резиденции вряд ли кто-нибудь догадывается, а тот, кто украл, был в курсе...

– А ты на вечеринке рассказала, что Воронцова твоя хозяйка и что она живет неподалеку? – перебил меня вопросом Максим.

– Да.

Он задумался, я задумалась тоже. В памяти опять замелькал Осиков, перелезающий через забор...

Оказавшись в своем домике, я радостно вздохнула – все шло как нельзя лучше, все шло по плану. По моему плану.

Глава 23

Не спится... Лучше бы я спала...

Сил не было ни на что, вечер меня вымотал до предела. Я упала на кровать в надежде быстро заснуть, но перед глазами проплыла сначала мама (я мужественно прогнала этот мираж прочь), потом Осиков (его я просто проигнорировала), затем Егор...

– Он-то тут к чему, прочь, все прочь... – пробормотала я, поворачиваясь на другой бок.

Через некоторое время я почувствовала холод. Решила не обращать на такую мелочь особого внимания и, натянув тонкий плед почти до макушки, сделала еще одну попытку заснуть. Холод продолжал наступать. Я поджала к животу ноги и продержалась приблизительно десять минут, но потом наступила вечная мерзлота.

Кто кого – я вечную мерзлоту или она меня? Бедные мамонты, как же им было холодно!

Ничего не оставалось делать, как только признать свое поражение. Поерзав, я откинула плед и бросилась к печке.

– Дрова, дровишки! Спасибо, Юрий Семенович, что вы подумали обо мне. Так, как это делается...

Я забила печку дровами.

– Нужна бумажка, мне нужна бумажка. Ура, газета!

Вынула половину березовых кочерыжек, скомкала газету, разложила ее по углам и... Не думайте, что я ничего не умею, я как-то в детстве ходила в поход, так что костерок соорудить – не проблема.

– Мне нужны щепки! – объявила я, подпрыгивая на месте от холода.

Вот и щепочки, все же милый человек Юрий Семенович.

Щелчок зажигалки, и... О чудо!!! Через пятнадцать минут я почувствовала долгожданное тепло, нырнула под плед и пожелала себе сказочных снов.

«Что это за стук? Это стучат мои зубы. Почему они стучат? Сколько времени?» – запульсировало в голове.

– Опять холодно... – прошептала я, чувствуя, как костенеют пальцы.

Оказалось, что я проспала три часа, всего лишь три часа. На негнущихся ногах я вновь побрела к печке – она оказалась абсолютно холодной, как мраморная плита на кладбище. Заглянув внутрь, обнаружила, что дрова прогорели мало, и все потухло давным-давно.

– Начнем все с начала, – уже без энтузиазма сказала я.

Дрова, газета, щепки, зажигалка. Щелчок и... и зажигалка не сработала – сдохла, зараза. Далее шла неперевоодимая игра слов.

– У-у-у! – взвыла я, с отчаянием глядя на дверь.

Замотавшись в плед, я отправилась в роскошный особняк Воронцова за новой зажигалкой (не могла же я провести всю ночь в холодильнике). Раздражение и мерзкий холод были практически непреодолимыми препятствиями на моем пути. И не надо забывать про страх...

Страх!

Я оглянулась по сторонам и вздрогнула – в уши, точно жужжащие пчелы, полезли подозрительные шорохи. Подскочив, я побежала с такой скоростью, что коленки захрустели, а лицо от встречного ветра сплюснулось в блин. Преодолев ступеньки, дернула ручку, но дверь не поддалась. Закрыто.

Мысленно я запаниковала: «Как это закрыто? Я что тут, одна в ночи? Это Екатерина Петровна закрыла дверь... гадина! И что мне делать, умереть от холода и страха? Пойду к Юрию Семеновичу, пусть спичек хоть даст».

Запрещая себе оглядываться по сторонам, я заторопилась к пристройке. «А вдруг сейчас на плечо мне ляжет чья-нибудь рука?...» – пронеслось в голове.

Наперекор всем запретам, я оглянулась двадцать три раза.

Впереди, за забором, что-то мелькнуло. Я машинально накрылась пледом с головой и прижалась к стене, слилась, так сказать, с обстановкой. Помедлив, чуть раздвинула

плотную ткань и посмотрела в щелку. Ругая себя всевозможными словами, борясь одновременно с любопытством и страхом, я поплыла в сторону маленькой калитки, находящейся с задней стороны дома.

– Не скрипи, прошу тебя, не скрипи, – шепотом взмолилась я, толкая калитку. Она не скрипнула, мне явно везло, если то, что происходило, можно было хоть как-то ассоциировать с везеньем.

Итак, я оказалась в лесу... ночью – мама назвала бы меня ветреной и непорядочной.

Почти сразу я разглядела мужчину: он стоял в отдалении боком ко мне. Интересно, а какие мужчины могут гулять по ночам в лесу? Не помню, чтобы мама что-нибудь говорила по этому поводу. Налицо явная дискриминация по половому признаку.

Короткими перебежками я стала продвигаться в сторону интересующего меня субъекта. Нормальная ли я? Нет, точно нет. Я даже спорить по этому поводу не буду.

Мужчина исчез так же, как и появился, чем ввел меня в ступор – что теперь делать, где он? Оглянувшись по сторонам и не обнаружив ничего интересного, я пришла к малоутешительному выводу – если я не вижу мужчину, то это еще не значит, что он не видит меня.

Кто сказал, будто люди ходят на двух ногах – это миф, который я собиралась развеять в считанные секунды. Я медленно опустила вниз, встала на четвереньки и двинулась к кустам. Плед предательски зацепился за корягу, чем окончательно вывел меня из равновесия. Забыв об осторожности, я его резко дернула – раздался тихий звук рвущейся ткани (ничего страшного, потом стащу у Воронцова еще один плед). И тут я опять увидела мужчину – это был мой неряшливый незнакомец из поезда. Не торопясь, он шел в сторону дома.

Зачем он сюда приходит, что ему нужно?..

Парень помаячил около забора и подошел к калитке. В каморке у Юрия Семеновича зажегся свет, и незнакомец метнулся в лес. Я же бросилась к охотничьему домику, не очень-то задумываясь о том, видно меня или нет. Никакие спички меня уже не интересовали, мне было уже так жарко, что печка с дровами стали неактуальны.

Перепрыгнув через ступеньки, я влетела в свою обитель. Тихо, очень тихо, но я сразу же почувствовала, что в комнате есть кто-то еще... Похоже, у меня гости... незваные гости. Откуда я узнала? Да просто мое жизненное пространство было словно разорвано на куски чужим человеком: мне не надо об этом знать, такие вещи я просто чувствую.

В домике было темно, но не настолько, чтобы я не могла разглядеть очертания мебели. Если я почти затопила печку в полумраке, то и гостя сейчас найду...

Раздался легкий шорох, и весь мой энтузиазм умер (я не боюсь, не боюсь, не боюсь...). Я сделала шаг в сторону и прижалась к шершавым доскам. Несколько раз бесшумно вздохнула и попыталась разложить ситуацию по полочкам:

«Я знаю, что здесь кто-то есть, но и он знает, что я пришла... Почему он молчит... почему молчу я?»

Кто это может быть?

Что за ночь-то у меня сегодня!!!»

Вздохнув еще раз, я почувствовала запах алкоголя и полнейшей непутевости – все ясно.

– Арсений Захарович, какого черта! – воскликнула я и швырнула плед на пол.

– Аня, я сейчас все объясню, – забормотало необъятное чудовище, выглядывая из-за шкафа.

Как я его сразу-то не увидела – живот выпирал на два метра вперед.

– Да уж, объясните!

– Я подумал, что поиски затягиваются, ик-ик-ик, и я решил, что нужна моя помощь, ик-ик-ик.

– Не икайте в моем доме, – грозно сказала я.

– Извини, ик-ик-ик.

– Арсений Захарович, вы как сюда попали? О чем вы только думаете? Вы опять хотите в тюрьму?

Осиков попятился и плюхнулся на сломанный стул. Стул, как ему было и положено, завалился набок вместе с Арсением Захаровичем. Не жалко. Вернее, стул жалко, а Осикова – нет.

– Я, кажется, упал?

– Да ну, бросьте, – махнула я рукой, – это вам только кажется.

– Напрасно ты, Аня, иронизируешь, я уже пожилой человек, и ты могла бы помочь мне... ик-ик-ик.

– Как через двухметровый забор лазить, так вы молодой, как за маман моей волочиться, тоже вроде принц, а как отвечать за свои поступки – так старый и хворый!

Я бы с удовольствием все это выкрикнула ему в лицо, но приходилось шипеть, причем практически в темноту.

– Я же по делу пришел.

– У вас тут не может быть никаких дел, – возмутилась я, – из-за вас мы все потеряем, вы будете думать головой, или я требую слишком многого?

Осиков самостоятельно поднялся, сцепил толстые пальчики на груди и стал оправдываться:

– Столько времени прошло, и никаких результатов, нам надо уезжать отсюда... ик-ик-ик... срочно уезжать...

– Это к чему такая срочность?

– Надо торопиться... обстоятельства могут сложиться против нас, я же как лучше хочу, чтобы всем было хорошо... давай мы сейчас найдем наши бриллианты и сразу же уедем... ты просила не икать, но я не могу больше сдерживаться... ик-ик-ик... ик-ик-ик.

Я схватилась за голову.

– Арсений Захарович, сейчас вы пьяны, и я ничего не буду объяснять, ибо это бесполезно. Но я могу обещать одно: если вы будете мне мешать и если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я завтра же поговорю со следователем, и он, поверьте, душу из вас всю вынет! Я даже представляю, какие вопросы он будет задавать, когда узнает, что вы были здесь в ту ночь, когда украли кольцо. Убирайтесь отсюда немедленно, и чтобы больше я вас здесь не видела!

Кажется, мои слова дошли до Арсения Захаровича. Он подпрыгнул на месте, еще раз икнул и вылетел пулей из моего домика. Вот она – волшебная сила слова!

Вот теперь мне точно жарко. Ночь сплошного безумия.

Подойдя к печке, я машинально взяла зажигалку и щелкнула кнопкой. Яркий огонь заставил меня зажмуриться... все, как всегда! Куда катится мир, если даже зажигалки ведут себя так, как им хочется! Я затопила печку и легла в кровать.

– Я не прошу, а просто требую, чтобы мне показали хороший, желательно двухсерийный, цветной сон про любовь, можно даже с легкой эротикой, – сказала я и закрыла глаза.

Проснувшись, я притянула к себе мобильник – семь утра.

– Эх, могла бы еще спать и спать.

Порадовавшись, что ночью я все-таки не умерла от холода, я быстро вылезла из кровати, попыталась разгладить помявшиеся джинсы, отряхнула пылинки со свитера и вышла на улицу. Самым острым желанием в этот момент было добежать до зеркала. Вряд ли бессонная ночь положительно сказалась на моем внешнем виде – глаза наверняка бордовые, как перезревшие помидоры, а мешки под глазами повисли до подбородка. Мне хотелось привести себя в порядок до того, как проснется Воронцов.

– Доброе утро, – растянув губы в еле заметной улыбке, сказал Юрий Семенович. Он стоял у калитки и складывал в кучу картонные коробки и еще какой-то хлам. Наверное, планировал сжечь накопившийся мусор.

– Доброе утро, – кивнула я.

– Как спалось?

– Замечательно.

Ответила я спокойно и с достоинством, упоминать о ночном холоде не собиралась – им только дай повод, сразу выселят из домика.

– Не замерзла?

– Нет, спасибо вам за дрова.

Я мило улыбнулась и со вздохом отметила, что садовник уж слишком худой. «Надо проследить, что он ест, – пронеслось в голове, – может, и я тогда наконец-то распрощаюсь с лишним килограммом».

Юрий Семенович отвернулся в сторону леса и замер. Он сделал шаг вперед и тут же попятился назад. Интуиция... Моя интуиция погнала меня к калитке. Не было сказано ни слова, но я почувствовала, что дело дрянь...

– Иди сюда, – позвал Юрий Семенович и тут же добавил: – Нет, лучше не подходи.

Поздно, я была уже рядом. Садовник открыл калитку и вышел. В нескольких шагах от забора на земле лицом вниз лежал человек... неряшливый парень из поезда... И хотя я не видела его лица, но я не сомневалась – это он.

– Надо его перевернуть, – сказала я.

– Зови Максима Сергеевича, – пробормотал бледный садовник.

– Вы правы, наверное, трогать ничего нельзя.

Я пулей полетела в дом на второй этаж: мимо гостиной, мимо Екатерины Петровны, которая, увидев меня, сразу сдвинула брови, и мимо Евгения Романовича, который почему-то спал в кресле. Вбежав в комнату Максима, я обнаружила, что он спит (нормальный человек, в отличие от нас всех).

– Максим Сергеевич, Максим Сергеевич... – я принялась его толкать, – Максим Сергеевич!

От звенящего в ушах шока я называла его по имени-отчеству.

– Что стряслось?

– Там человек мертвый, скорее!

Максим скоростными отточенными движениями надел брюки и накинул рубашку. Интересно, сколько раз ему приходилось вскакивать вот по такой тревоге?

– Что там?

Мы почти бежали.

– Мужчина... лежит лицом вниз, мне кажется, мертвый, у него кровь на голове...

Я произнесла слова машинально, и только в этот момент осознала, что действительно видела кровь....

– Куда? – коротко спросил Максим, когда мы выскочили на улицу.

– За калитку.

Юрий Семенович курил. Мужчина все так же лежал. Меня трясло, а на лбу выступил пот, и я все никак не могла определить – холодно мне или жарко.

Максим подошел к парню, наклонился и проверил пульс, нахмурился и шагнул в сторону.

– Отойдите с сигаретой, – сказал он Юрию Семеновичу.

– Он умер? – спросил садовник.

– Его убили.

Коротко и ясно. Только сейчас я заметила, что в руке у незнакомца футляр... футляр от колье... Перед глазами появилась картинка – фотография из газеты: колье «Живая слеза» лежит на мягкой подушечке именно этого футляра... Как же я сразу не заметила его!

Мы с Максимом встретились взглядами, похоже, наши мысли текли в одном направлении.

– Юрий Семенович, позовите Виктора. Если он спит – разбудите, остальным скажите, что пока им сюда идти не следует.

– А если спросят?

– Вы можете сказать, как есть, но любопытные мне здесь не нужны.

Максим аккуратно перевернул незнакомца.

Мертвый человек с мертвым лицом. Так бывает...

Осторожно осматривая карманы убитого, Максим достал мятый паспорт и открыл его.

– Служаков Илья Дмитриевич, – произнес Максим и посмотрел на меня. Я сжала зубы и замерла.

Однажды я слышала эту фамилию, однажды...

– Мы скупали бриллианты, которые производили из краденого якутского сырья...

– Вы сказали «мы», давайте подробнее, – попросила я.

– Я и мой напарник... он умер в тюрьме... и все по праву принадлежит мне!

– Конечно, конечно, – закивала Солька.

– Мы с напарником работали на железной дороге, я – начальником станции, а Служаков, фамилия у него такая, помощником, грузы разные шли... мы вроде сначала брали понемногу, а потом дело как-то быстрее пошло...

Это не напарник Осикова, он слишком молод, но я могу поставить кучу денег на то, что это его сын. Осиков о нем знал. Знал и не хотел делиться.

– Ты знаешь этого человека? – спросил Максим, внимательно следя за мной.

По телу ручейком пробежал ток спокойствия и уверенности.

– Нет, – пожала я плечами, – первый раз вижу.

Глава 24

Кусочек моей неосторожности

– Я не могу поверить, я не могу поверить, – нервно бормотала Галина Ивановна, мелькая по гостиной.

– Ничего не видно, – объявила Екатерина Петровна, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь в окна.

– Смотрите внимательней! – нервно крикнула Галина Ивановна и села в кресло. – Что там происходит, в конце-то концов?! Сколько можно находиться в неизвестности!

Нервы у хозяйки дома буквально вырывались наружу, от каждого ее возгласа чашки на столе жалобно позвякивали.

Крестясь и бледнея, Екатерина Петровна опять прильнула к окну. Мне кажется, она была даже рада, что ничего не видит: лицезреть покойника – не самое приятное занятие.

– А в дом его же не принесут? – с надеждой в голосе спросила Екатерина Петровна, отходя от окна.

– Не говорите ерунды, – брезгливо морщась, сказал Евгений Романович, – как можно тащить в дом труп!

Он читал газету, и произошедшее, похоже, его мало волновало. Во всяком случае, всем своим видом он показывал именно это.

– Расскажи, что ты видела, и подробнее, – потребовала Галина Ивановна, глядя на меня.

Я сидела на стуле и никого не трогала, и уж меньше всего на свете мне хотелось отвечать на чьи бы то ни было вопросы.

– В лесу на земле лежал мертвый мужчина. Пели птицы, шумели деревья.

Я сдвинула брови к переносице и задумалась – вроде все рассказала, ничего не пропустила.

– Ты можешь нормально отвечать, когда тебя спрашивают? – размахивая в воздухе руками, зашипела Галина Ивановна.

– Не могу, у меня очень маленький словарный запас, и вопросы вы очень сложные задаете, – изобразив на лице идиотскую улыбку, ответила я.

Галина Ивановна закатила глаза, издала многострадальный стон и кинулась допрашивать Юрия Семеновича. Он тоже был немногословен.

– Увидел я, что кто-то лежит, вот мы с Аней и подошли...

– Я это слышала, слышала уже сто раз! – крикнула Галина Ивановна и стала обмахиваться плетеной салфеткой.

– Дорогая, успокойся, – пафосно сказал Евгений Романович, поднимая свой центр тяжести от кресла. Он погладил Галину Ивановну по плечу, поцеловал в щеку и добавил: – Успокойся, не нужно так волноваться, Максим с Виктором все уладят.

Я уже очень давно не видела его трезвым, и он никогда не был столь ласков и внимателен к своей подруге.

Через полчаса сюжет стал развиваться более ритмично. Виктор Иванович вместе с Галиной Ивановной уехали на станцию. Максим наконец-то пришел в дом и, мрачно оглядев нас, сказал:

– Как вы уже знаете, произошло убийство, и совершено оно в нескольких метрах от этого дома.

Екатерина Петровна вцепилась в мой локоть. Утешать и поддерживать ее желания не было, и я отвела ее руку в сторону.

– Рядом с телом обнаружено орудие убийства, это приличный камень, булыжник, называйте, как хотите, им и нанесли удар, который привел к летальному исходу. Думаю, это произошло где-то после трех...

«Во сколько я проснулась от холода?.. Я же смотрела на часы... где-то в два ночи, потом шастала по лесу, и парень был еще живой... потом Осиков... думаю, где-то в три он от меня и ушел.

Да что же вы, Арсений Захарович, все под ногами крутитесь в самое неподходящее время! Да и труп этот вам, гражданин Осиков, совсем не чужой... Мне надо к реке, срочно!» Я еле сдержалась, чтобы не сорваться с места.

– Я бы хотел знать, где каждый из вас был в это время? – закончил свою речь Максим.

«Где, где... спала я...»

– Я был у себя, спал, – первым откликнулся Юрий Семенович.

Я вспомнила, как в его камерке загорелся свет... может, просто так, мало ли что человеку нужно... ночью... Чего я придираюсь, просто не спалось человеку или в туалет захотел.

– Во сколько вы легли? – спросил Юрия Семеновича Максим.

– Где-то в десять.

– Я тоже спала, – вскакивая с дивана, сказала Екатерина Петровна, – как дверь закрыла, так и к себе пошла, уж не помню, сколько на часах было, может, пол-одиннадцатого.

«Да уж, дверь закрыть ты не забыла, мымра... я из-за тебя замерзла и в лес этот зачем-то потащилась».

– После ванны я выпил две чашки кофе, почитал газету – люблю быть в курсе последних новостей, знаете ли, – вальяжно начал Евгений Романович, – и тоже отправился спать, было приблизительно полдвенадцатого. Вообще, этот допрос унизителен, не думаете же вы...

– А почему бы мне так не думать? – резко одернул его Максим.

Ответом была тишина.

А потом все посмотрели на меня. И чего смотреть?.. Знаю, знаю... женщина я одинокая, слабо контролируемая, так что грех на меня не подумать.

– Я спать легла в одиннадцать часов.

Обойдетесь без подробностей.

– И до утра ты не просыпалась? – спросил Максим.

– А почему вы этот вопрос задаете только мне?

Это дискриминация, мои дорогие, настоящая дискриминация! Если я подам в суд, то присяжные примут мою сторону.

– Ответь, пожалуйста, на вопрос, – мягко попросил Максим.

«Врать или не врать, врать или не врать? Ах, этот вечный выбор!»

– Просыпалась два раза, в печку подкладывала дрова – вот такие у меня суровые ночи.

Я метнула недобрый взгляд в сторону Екатерины Петровны.

– Ты слышала что-нибудь?

– Да, стук своих зубов.

– Не подходила ли ты к окну, не заметила ли чего странного, подозрительного? – продолжал спрашивать Максим, не обращая внимания на мой сарказм.

– Нет, я только до печки и обратно, у меня в постели было столько дел, что отложить я их никак не могла.

Евгений Романович хохотнул.

– Я прошу всех не покидать территорию участка. С каждым из вас я еще поговорю в отдельности, – строго сказал Максим.

– Как это не покидать территорию, я хочу навестить родных! – заявила я.

– Нет.

– Что значит – нет?! У меня там мама, папа и две сестры!

Больше всего там по мне скучал Осиков... так мне казалось.

Максим сдвинул брови.

– Я что, не могу предупредить их о том, что по лесу шастает маньяк и убивает всех подряд?

– Позднее мы с тобой вместе пойдем к реке, – ответил Максим.

Ох, не нравится мне его строгость... Зачем вместе... не надо вместе.

– Спасибо, конечно, но я не боюсь, не стоит меня провожать.

– Очень я за тебя волнуюсь, – едко сказал Максим, поднимаясь по лестнице, – и переезжай обратно в дом, одна ты там больше жить не будешь.

Как это? А бриллианты?

Мой гениальный план рушился, точно небоскреб. Я столько приложила сил, чтобы оказаться в домике на законных основаниях, я так мечтала уже сегодня устроить там настоящие поиски сокровищ, и все напрасно! Нет. Нет. Нет!!!

– Я буду жить в своем милом шалаше. Вы не вправе меня оттуда выселить.

– Приедет Воронцов и скажет тебе то же самое.

– Я подожду его.

Умом я понимала, что надежды нет, никто меня там в такой ситуации не оставит, но до приезда Воронцова я могла многое успеть... Я быстренько набросала в голове новый план – надо бежать, бежать в дом и рыть там землю. Что я и сделала, как только Максим скрылся на втором этаже.

Ступеньки, дверь – и я оказалась в центре своего мира.

– Дорогие вещи, мебель и прочая атрибутика цивилизованной жизни, у вас есть минута на то, чтобы добровольно сдать мне присвоенные вами ценности, – сказала я, скидывая туфли на затоптанный коврик.

В ответ тишина – желающих помочь следствию не нашлось.

Я пошла старым, проверенным путем. Взяла ложку и упала с ней на пол, прислонила ухо к облупленному дереву и стала терпеливо простукивать каждую дощечку.

– Мне даже жаль, Максим, что вы меня сейчас не видите, – улыбаясь, сказала я, – вот была бы у вас пицца для размышлений и масса впечатлений на всю оставшуюся жизнь.

Тук-тук. Тук-тук.

– Если я сойду с ума, то кого это удивит?

Тук-тук. Тук-тук. Я чувствовала себя профессионалом, вскрывающим сейф со сложным кодовым замком. Тук-тук. Тук-тук. Везде раздавался один и тот же звук, но я продолжала стучать.

Тук-тук. Тук-тук.

Я бросилась к шкафу и вывалила все на пол. Зачем я это сделала, там же было пусто, пока я не разложила свои вещи? Глупо.

– Что бы тут еще разворотить? – задумчиво пробубнила я себе под нос и подошла к окну. Прикоснувшись лбом к холодному стеклу, я попыталась немного успокоиться. Да, времени осталось мало, но нельзя метаться и падать духом. – Должно же мне повезти, пусть мне повезет именно сейчас! Пожалуйста!

Я медленно опустила взгляд на свои ноги. Кроссовки уже старые... Взгляд пополз вверх, а затем правее – картина, которую я поправляла во время генеральной уборки, опять покосилась. Да и не картина это – выцветший рисунок из какого-то журнала за стеклом, размером чуть больше альбомного листа. Стекло треснуло, давно уже треснуло, а мухи засидели всю прошлую красоту.

Из-под криво висевшей картины выглядывали деревяшки немного другого оттенка, чем основная стена. Я сделала шаг, еще один и дотронулась до рамки. Сердце заохало и затихло – за картиной оказалась дверца вделанного в стену маленького шкафчика.

На лестнице раздался скрип, я вздрогнула, поправила картину и повернулась лицом к двери. Какая жалость, мне не хватило несколько секунд, чтобы открыть шкафчик и узнать, что там лежит.

– Это я, – сказал Максим, заходя ко мне в гости.

– Очень рада.

Максим посмотрел на тот бардак, который я учинила за последние полчаса, и его правая бровь удивленно поползла вверх.

– Собираю вещи на всякий случай, вдруг Виктор Иванович будет так жесток, что лишит меня этого пристанища, – объяснила я.

– Я уверен, что он будет жесток, – ухмыльнулся Максим.

– Вы что-то хотели?

– Да, есть у меня один вопрос к тебе.

Мысли были заняты шкафчиком. «Задавай же скорее свой вопрос и уходи, у меня с минуты на минуту должна произойти встреча с долгожданным богатством!»

Максим полез в карман. Я представила, как снимаю картину.

Он внимательно посмотрел на меня. Я мысленно открыла дверцу.

Он вынул руку из кармана. Я как будто нашла коробку и открыла ее...

– Ты не знаешь, кому это может принадлежать? – спросил Максим, протягивая мне кусочек бежевой ткани.

Я думаю, мы с вами уже поняли, что это такое... и догадались, где он это нашел.

Да-да! Это был кусочек от моего пледа!

Изобразив на лице серьезную работу мыслей, я почесала затылок.

– Екатерина Петровна сказала, что это очень похоже на плед, который раньше был в твоей комнате.

Я повертела кусочек в руках.

– Похоже, а что, он порвался?

– Как раз хотел тебя об этом спросить.

Максим, пройдя мимо меня, направился к кровати. Взял плед, встряхнул его и аккуратно разложил поверх пододеяльника.

«Да что на него смотреть, что его изучать... Я все расскажу – знаете, уважаемый следователь, я как-то ночью ползла на четвереньках, укутавшись этим пледом, потому что где-то неподалеку прогуливался нынешний труп, и вот случайно зацепилась за корягу...» Честно и доходчиво...

– Как ты это объяснишь? – спросил Максим, показывая оборванный край пледа.

– Надо бы заштопать.

– Вот этот кусок твоего пледа я нашел в двух метрах от трупа, позволю себе повториться – как ты можешь это объяснить?

– А очень просто, – ответила я, гневно сверкая глазами, – Екатерина Петровна пожалела для меня хорошее покрывало и, как последней Золушке, дала ободранный плед! Жадная она! А какую жизнь вел плед до меня, где он шатался и где он рвался... Извините, но я за это ответственности не несу.

– Мы с тобой поговорим об этом чуть позже, – сказал Максим, подходя к двери, – пока же ты можешь попробовать придумать что-нибудь более правдоподобное, время у тебя есть.

Он ушел.

Он ушел, а я бросилась к картине. «Сейчас достану бриллианты, и хватит с меня, подписку о невыезде я не давала, да и доказать мое участие во всем этом кошмаре невозможно, хотя бы потому, что я никого не убивала – в Москву, в Москву!»

– Конечно, я не сбегу сейчас, – пробормотала я, снимая картину, – но, когда наши бриллианты будут далеко – а я их отправлю с девчонками в Москву, то я буду чувствовать себя спокойнее, а там посмотрю по обстановке. Меня не в чем обвинять, мне нечего бояться.

Маленькая дверца без ручки – я поддела ее ножом и улыбнулась.

Открыла – никакого углубления не было, узенькие полочки с пузырьками. Лекарства. Это аптечка...

Взяв картину двумя руками, я подняла ее над головой и со всего размаха бросила на пол. Раздался приличный грохот и звон стекла.

Этого просто не может быть!!! Опять мимо.

Около минуты я рычала и пинала ногами вещи и осколки, а потом взяла веник и совок и стала подметать.

Глава 25

Такое впечатление, что у меня теперь будет только два занятия – оправдываться и подозревать

Воронцов и Галина Ивановна привезли гостей, если их можно было так назвать. Два мрачных мужика в потертых кожаных куртках спокойно осматривали место преступления. Они крутились возле

мертвого Служакова, что-то записывали, что-то говорили и даже пару раз щелкнули фотоаппаратом.

Фотоаппарат в такой глуши! Невероятно!

Целый час Максим с ними разговаривал в кабинете у Воронцова, потом приехал грузовик. Как переносили тело, я смотреть не стала, вернее, не было возможности...

Екатерина Петровна на нервной почве совсем спятила, и заключалось это в том, что она посадила меня лепить пироги. Сама же причитала и пила то валерьянку, то валокордин. Пахло от нее соответственно.

Пироги почему-то не лепились: капуста вываливалась, а тесто липло не только к моим рукам, но и к животу, а также ко всему, к чему я прикасалась.

– Уезжают, кажется, – глядя в окно, сказала Екатерина Петровна.

– Все?

– Мужики эти и мертвый...

Екатерина Петровна перекрестилась. Глядя на это, я скривилась – сама добродетель, посмотрите только на нее!

– А Максим с Воронцовым?

– Остались.

Тут-то Екатерина Петровна сделала главную ошибку в своей жизни – она оторвалась наконец-то от окна и увидела то, что я так старательно налепила. Одна ее рука потянулась опять же к валокордину, вторая к уже пустому пузырьку с валерьянкой. Интересно, что ее сегодня шокировало больше – труп или мои великолепные пироги?

– Что это? – застонала она.

– Как что? – отходя немного от стола, чтобы лучше видеть результат своего труда, спросила я. – Вы же велели пироги сотворить, ну так примите и распишитесь.

– Но это никакие не пироги! – закричала Екатерина Петровна.

– Ну не знаю, какого рожна вам надо, – обиделась я, – до вас, знаете ли, никто не жаловался.

Возможно, потому, что до Екатерины Петровны никто моих пирогов не видел и не ел.

Меня спас Максим. Собственно, не меня, а Екатерину Петровну, так как еще немного – и от общения со мной у нее точно бы случился инфаркт.

– Собирайся, пойдем, – сказал он мне, заглядывая на кухню.

– Это куда? – поинтересовалась я.

Любопытство, знаете ли.

– К реке.

Максим исчез, я задумалась.

– Что стоишь, иди отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели, – прикрикнула вредная Дюймовка.

– Хитрая вы женщина, Екатерина Петровна, я вот сейчас уйду, а вы пирожки испечете и, поди, всем скажете, что это вы сами такую красоту приготовили.

Ответа дожидаться я не стала, ушла.

Максим ждал меня на улице. Черная куртка застегнута, ботинки начищены, побрит. Сразу видно – человек на работе.

Полпути мы прошли молча, но потом я все же не выдержала.

– А вы меня зачем с собой взяли?

– Я спокоен только тогда, когда ты у меня на глазах.

Обидно мне это недоверие.

– Я, между прочим, самый главный положительный персонаж, а вы вечно меня подозреваете.

– Ну, раз ты у нас такой положительный персонаж, то давай-ка рассказывай, как часть твоего пледа оказалась в лесу, и очень тебя прошу, избавь меня сразу от всех безумных версий.

– Хорошо, я скажу правду.

– Даже не верится, – развел руками Максим.

– Да вы поймите, что я испугалась, только из-за этого и не рассказала сразу, как все было... Вечно вы давите на меня своим недоверием, а потом удивляетесь, почему я молчу или что-то недоговариваю.

– Внимательно тебя слушаю, – перебил мою обвинительную тираду Максим. Судя по голосу, не верил он мне ни секунды. Прав, что тут скажешь, опять прав, даже не обижаюсь на него за это.

Я улыбнулась, но так, чтобы он не заметил – тихонечко улыбнулась, про себя.

– Была я той ночью в лесу.

Максим резко остановился и посмотрел на меня. Что, не ожидали, товарищ следователь, что я расскажу что-нибудь путное? Просто у меня выхода нет – если хочешь, чтобы тебе поверили, надо рассказать хотя бы тридцать процентов правды. Вот такие вот дела.

– Я бы сразу во всем призналась, – охотно начала я, – так вы все не так воспринимаете, да и все же человека убили, вот я и запаниковала, что вы на меня подумаете...

– Ближе к делу.

Вдохнула побольше свежего воздуха, выпрямила спину, голову подняла чуть выше. Ох, и люблю же я говорить правду!

– Я искала кота деда Остапа, – выпалила я.

Лицо Максима вытянулось, и я возликовала.

– Что?!

– В деревне живет замечательный человек, мы с ним дружим, зовут его дед Остап, у него недавно сбежал кот, серый такой. А они очень дружны были, собственно, для старика это единственная отрада в жизни, деревня-то давно пустует, поболтать не с кем...

Верит он мне или нет, я понять не могла.

– Так вот, – продолжила я, – мне послышалось, что кто-то мяукает, ну, думаю, повезло, найду сейчас кота и порадую завтра старика. Накрылась я пледом, чтобы теплее было, и на улицу... Походила, искала на участке, нет нигде. Решила, что кот в лес побежал, я и потащилась туда, но там было темно и холодно, походила минут пять и вернулась к себе.

Вот такой интересный и насыщенный подробностями рассказ. Ваш ход, Максим.

– Хочу тебя сразу предупредить, что я сейчас же пойду в деревню и проверю все твои слова.

«И о чем он только думает, ну неужели я бы это все ему рассказала, не имея гарантий за спиной? Идите и узнавайте, победа будет за мной.

Конечно, я немного рискую. Максим будет спрашивать не только обо мне, но и о многом другом. Дед Остап расскажет про Служакова – это пусть, это ничуть меня не смущает, но есть еще и Осиков, да и я интересовалась неопытным парнем... Но тут я почти спокойна. Интуиция подсказывает, что дед Остап промолчит и ничего Максиму о том, что Осиков искал этого человека, не скажет. Не скажет, потому что побоится, что раз это связано как-то со мной, то и не стоит говорить об этом. Дед Остап – особый человек, он чувствует все и меня не подведет».

– Обязательно проверьте, – с готовностью всегда и во всем помогать следствию сказала я.

– Как звали кота? – спросил Максим.

Отличный вопрос. Проверьте еще и это.

– Тиша.

Максим кивнул. Наверное, в его голове на меня была заведена очень толстая папка.

– Я сейчас заскочу в сторожку, потом в деревню, а ты иди к своим, я потом за тобой зайду.

– А вам зачем в сторожку? – поинтересовалась я, радуясь, что скоро увижу девчонок.

– Там есть фамилии и адреса всех, кто здесь проживает. Как я понял, туристов сейчас мало, так что я сделаю запрос и всех проверю.

– И Егора со Степаном?

– С них начну, и Вероника меня тоже интересует, кстати.

– А Евгения Романовича вы проверить не хотите? Странно он себя ведет последнее время.

– Как – странно?

– Трезвый и ко мне не пристаёт.

– То, что к тебе не пристаёт, это действительно странно, – заулыбался Максим.

– И как-то он слишком спокоен.

– Я все про него знаю: скользкий тип, своего не упустит.

– Так, может, это он?

– Может.

– Вы сейчас всех подозреваете?

– Не всех.

– А меня?

– Пожалуй, этого я тебе не буду говорить.

– Вредный вы, я изо всех сил помогаю следствию, а вы этого не цените.

Максим усмехнулся. На самом деле я на него не обижалась, главное – чтобы он побыстрее нашел и вора, и убийцу. Интересно, это

одно и то же лицо?..

– А что вы думаете про футляр? – спросила я. – Ведь у этого парня был в руках футляр! Галина Ивановна его видела?

– Да, она сказала, что это футляр от ее колье.

– Это он украл?

– Ты задаешь слишком много вопросов.

– Не больше, чем вы.

– У меня работа такая.

– Очень вам завидую, – сказала я, – на ваши вопросы, по крайней мере, все отвечают.

– Да, но далеко не всегда говорят правду.

Конечно же, он намекал на меня.

– Думаю, его убили из-за колье, – выдвинула я вполне приличную версию.

– Убили и отобрали... – задумчиво сказал Максим, – вероятно, все было именно так. Но тут много вопросов.

– Каких?

– Кто мог знать, что этот человек украл колье и почему он с ним разгуливал по ночам около особняка Воронцова?

Все дороги вели к Осикову...

– Я как-то об этом не подумала.

– Ты точно никогда не видела Служакова раньше?

Я изобразила честную задумчивость и для пущей убедительности сморщила лоб и нос.

– Нет, думаю, я бы его запомнила.

Максим проводил меня почти до домика, сам же отправился вдоль реки искать администрацию турбазы. До меня донесся смех и голос Егора. Похоже, у девчонок гости. Что ж, это хорошо, я увижу их реакцию на убийственную новость.

– Анька! – воскликнула Альжбетка, увидев меня.

– Твоя мама только что вспоминала о тебе, – тут же сообщила Солька.

– И что она хотела?

– Мне кажется, – ответил Славка, – она хотела твоей смерти.

Я вопросительно посмотрела на Сольку.

– «Я не сомневаюсь, что, даже когда моя дочь будет при смерти, она и тогда не вспомнит о своей матери», – процитировала Солька.

Егор хихикнул.

– И где моя маман сейчас?

– Гуляет с Осиковым, – ответила Альжбетка.

– Тем лучше, – кивнула я.

– Почему? Что-нибудь случилось? – заерзала Вероничка, наматывая на палец блондинистый локон.

«О, да она выздоровела, как я посмотрю!»

– Ты как себя чувствуешь? – вежливо поинтересовалась я.

Вероничка фыркнула, покосилась на Егора и резко ответила:

– Спасибо, хорошо.

Степан сидел, нахмурившись. Рубашка была расстегнута, и одна из многочисленных татуировок выглядывала из-за клетчатого воротника.

Гости даже не подозревали, что Максим в этот момент выписывал их фамилии и адреса.

– Сегодня ночью неподалеку от дома, в котором я работаю, убили человека.

Я внимательно следила за реакцией Егора, Степана и Вероники – ничего, кроме удивления, заметить мне не удалось.

– Что, правда? – вскочила Вероника. – А ты его видела?

– Анька, ты это серьезно? – потянула меня за руку Солька.

– Серьезно.

– Сначала колье, потом труп...– спокойно произнес Степан.

– А кого убили-то? – спросил Егор.

– Да расскажи ты все толком, – запаниковала Альжбетка, хватаясь за голову. Ногти, покрашенные золотым лаком, сверкнули в воздухе. Даже здесь ее маникюр великолепен.

– Солька, чтобы ты из дома ни ногой больше, – строго сказал Славка.

Далее на меня обрушился поток вопросов, больше всех случившимся интересовался Егор. Он даже спросил меня, во что был одет убитый. Интересно, какова будет реакция Осикова, какие вопросы будет задавать он?

– Надо уезжать, – рассекая воздух ногтями, сказала Альжбетка, – здесь находиться просто опасно.

Я укоризненно посмотрела на нее – ну давай же, вспоминай, что мы сюда приехали за бриллиантами.

– Нет, – замявшись, продолжила Альжбетка, – пожалуй, побудем еще немного.

Видно, вспомнила.

– А за что же его убили? – хлопая глазами, спросила Вероника.

– Пока еще не ясно, – пожала я плечами, – но у этого человека в руках был футляр от колье.

– А колье? – замерев, выдохнула Солька.

– А колье не было, футляр пустой.

– Видно, из-за этого баракла и убили, – задумчиво сказал Славка, качая головой.

– Ничего себе баракло! – возмутилась Вероника, вскакивая. – Это же бриллианты, куча денег, на это можно всю жизнь прожить!

– Остынь, – одернул сестру Егор.

Вероничка послушно села на стул и демонстративно отвернулась от брата.

– За колье и убили, – мрачно изрек Степан. – И за меньшее голову отрывают, а тут – верный куш.

Из коридорчика донеслись знакомые голоса – это мама вернулась со своим благоверным. «Идите, идите, Арсений Захарович, я тут вас давно поджидаю».

В комнате было уже тесновато, а с появлением моей мамы стало казаться, что вообще нечем дышать.

– Ты пришла, очень хорошо, у нас закончились деньги, а завтра приедет магазин. Почему у тебя нет выходного? Разве ты не договаривалась о нем на этой своей работе? Если бы ты больше думала обо мне, а не о себе, ты бы появлялась здесь почаще. Я даже не буду ждать, когда же ты наконец-то поинтересуешься моим самочувствием, потому что я знаю, что на мое здоровье тебе наплевать. Здесь что, накурено? Почему ты позволяешь это? Спасибо Арсению Захаровичу, он чуткий и душевный человек, иначе я даже не представляю, что бы я делала в этой глуши. Ты зачем, кстати, пришла? Наверняка тебе что-то нужно, а так бы ты и не вспомнила о своей бедной матери... – это краткое содержание того, с чем вплыла моя маман в комнату.

– Мама, привет, должна тебе сказать, я еще бы сто лет не пришла, если бы не чрезвычайное обстоятельство.

– Только не говори мне, что тебя посадят в тюрьму за кражу колье, я читала в газете, что надо отстоять очень длинную очередь на улице, чтобы иметь возможность передать заключенному родственнику продукты. Скоро зима, мое здоровье не позволяет мне так долго находиться на улице.

– Мария Андреевна, ну что вы такое говорите? – попыталась пристыдить мою маму Солька.

– Знаю я эту современную молодежь, одни наркотики и секс в голове. Вот ты со Славой разве не в грехе живешь?

Беременность, видно, положительно повлияла на состояние головного мозга моей подруги: она вдруг осмелела, сделала шаг вперед и заявила:

– Не в грехе, а в любви!

Такая наглость выбила маму из колеи.

– Я не желаю больше с вами разговаривать, – нервно сказала она и вышла из комнаты.

Еще минут пять до нас доносилось ее ворчание – «вот что происходит, когда желаешь людям добра», «потом они это все оценят, но будет поздно», «и моя дочь стоит и молчит, стоит и молчит, она уже забыла, что у нее есть мать, которая так много для нее сделала»... Далее можно не продолжать – по кругу, по кругу.

– Анечка, надо же быть более внимательной к своей маме, – вступился за свою зазнобу Арсений Захарович.

– Вот станете моим папой, – вкрадчиво начала я, – и начнете на меня положительно влиять, поверьте, сопротивляться я не буду.

«Вот только главное для вас сейчас, Арсений Захарович, в тюрьму не загреметь, а то скоро зима, моя мама передачи вам носить не сможет...»

– А вы знаете, Арсений Захарович, какая беда-то случилась?

Сделала печальное, почти трагическое лицо.

– Что такое?

Щеки Осикова мгновенно покраснели.

– Человека убили.

Щеки Осикова мгновенно побледнели.

– Как так?!

– А вот так, преступность растет не по дням, а по часам. Убили прямо за забором дома Воронцова, вчера ночью...

Осиков икнул. Он знал, о чем думала я, а я знала, о чем думал он. Такая маленькая тайна между будущими родственниками.

– Как же убили-то, как же убили-то... – забормотал Осиков.

«Это что он имеет в виду? Что тюкнул его по голове не очень сильно и не знал, что бедняга после этого умрет?»

– Да легко и просто, – сказала я.

– И еще футляр от колье нашли рядышком, покойник его в руках держал, – дополнил мой рассказ Егор.

Осиков икнул еще раз.

– Мы думаем, что из-за колье его и прибили, – жеманно объявила Вероничка, – может, он не один это колье украл, а был у него напарник, и вот они эти бриллианты и не поделили.

О! Какую версию выдала Вероничка, а так-то и не скажешь, что у нее в голове больше трех извилин.

– Какой напарник, какой? Я ничего не понимаю, – замотал головой Осиков, прислоняясь к стене.

– А почему вы меня не спросите – кого, собственно говоря, убили?

– Анька, ну что ты пристала, – заступилась за Осикова Альжбетка, – посмотри, человеку плохо уже.

Осиков бледнел на глазах, он понимал, что я его подозреваю и что его судьба в моих руках. Стоит мне только сказать, что он был в ту ночь на территории участка, и...

– Кого убили? – выдохнул Осиков.

– Служаков Илья, – назвала я имя.

Девчонки этой фамилии не помнили, особой реакции от них я и не ожидала. Осиков икнул еще два раза и схватил меня за руку.

Раздался стук в дверь, и я пошла открывать. На пороге стоял Максим. Интересно, сходил ли он уже в деревню, поговорил ли с дедом Остапом? По времени должен был успеть.

– Здравствуйте, – кивнул он всем, – позвольте представиться.

Пока он называл свое имя и остальную мишуру, я обменивалась многозначительными взглядами с Солькой.

«Что делать-то?» – спрашивала она глазами.

«Сидите тихо», – отвечала я, практически одними бровями.

– ...с каждым из вас я обязательно побеседую, – уловила я последние слова Максима.

– Буду очень ждать этого, – улыбаясь, сказала Альжбетка.

Наверное, она все еще надеялась, что Максим по долгу службы ее обязательно обыщет.

– А как его убили? – спросил Степан.

– Камнем по голове стукнули, – охотно ответила я.

– А камень большой? –
полюбопытствовала Солька.

– Приличный, – кивнула я.

– Значит, убийца крупный и сильный, – выдвинул версию Славка.

– Ты что такое говоришь, – накинулась на него учительница ботаники, – сейчас на тебя и подумают!

– Не подумают, – уверенно сказала я и взяла Максима под руку. Сольке, в ее положении, волнения и перепады настроения ни к чему, так что приятную встречу надо было заканчивать. Я сжала локоть Максима, и он, как ни странно, понял и поддержал меня.

– Нам пора уже идти, – сказал он, – но думаю, что соскучиться по мне вы не успеете: я навещу вас в самое ближайшее время. Пока же прошу никого не покидать данную территорию.

Осиков икнул еще раз.

Глава 26

Моя интуиция меня не подводит, но я лишаюсь своих апартаментов

– Я вас хочу кое о чем попросить, – сказала я Максиму, как только мы отошли на десять шагов от домика.

– О чем именно?

– Обещайте, что никому не расскажете и выполните мою просьбу.

– Могу обещать только первое – дальше меня эта информация не уйдет.

– Согласна и на это, – кивнула я, – понимаете, одна из моих подруг находится в ожидании ребенка, не та, что вас домогается, а та, что пониже.

– Солька?

– Ага, так вот, вы же понимаете, что ей нельзя волноваться, поэтому прошу вас: не приставайте к ней с вопросами. Колье она не брала и никого не убивала. Она уже лет сто преподает ботанику детишкам и ко всем этим анатомическим делам никакого отношения не имеет.

– Я это учту.

– Нет, вы обещайте, что не будете мучить ее вопросами.

– Кто еще кого мучает, – засмеялся Максим, – да я с ней на полчаса наедине побоялся бы остаться, она же из меня бельевые веревки сделает и развесит на них свои колготки и футболки.

– Не смейте так говорить о моей подруге! – возмутилась я.

– Но это правда, – продолжал развлекаться Максим.

– Очень надеюсь, что, когда у Сольки начнется токсикоз, вы будете рядом, и ее вырвет прямо на вас. А еще было бы хорошо, если бы я это все видела.

– Если бы Воронцов не был моим другом, то клянусь, я бы начал за тобой ухаживать.

Я сразу же подобрела и стала доброй и пушистой.

– А при чем здесь Виктор Иванович?

Пришлось притворяться наивной.

– А все при том же, – съехидничал Максим.

– Вы хотите сказать, что я ему нравлюсь?

В таких делах точность не помешает.

– Все, что я хотел сказать, я уже сказал.

Его глаза заискрились – он развлекался. Я чуть опять не рассердилась – как можно так со мной поступать!

– Давайте так, – предложила я, – вы отвечаете на три моих вопроса, а я потом на три любых ваших.

Ах, как правильно говорят, что влюбленный человек слаб.

– Хорошо, а где гарантия, что ты не соврешь?

После этих слов я резко остановилась.

– Вы уж из меня совсем-то никчемного человека не делайте! Раз договорились, значит, все будет по-честному.

– Хорошо, задавай свои вопросы.

«Какие же вопросы задать? Так, чтобы наверняка все узнать. Вот сразу и не соображу...»

– Какие чувства ко мне испытывает Виктор Иванович?

– Согласись, об этом может знать только он, но могу тебя заверить, ты ему очень дорога.

Я даже не стала сдерживать счастливую улыбку – как же это чудесно!

– А у него есть сейчас... подруга?

– Нет.

Ах! Как же хорошо!

«Остался один вопрос, всего один вопрос... что же такое спросить?»

– Он часто обо мне говорит?

– Не часто, но в его случае это как раз многое значит.

Сердце замерло и упало: опять упало на розовые подушки.

– Знаешь, о чем я сейчас подумал? – сказал Максим. – Хотел бы я, чтобы однажды вот такая же необыкновенная девушка вот так же спрашивала кого-нибудь обо мне.

«Что-то он больно добрый сейчас». Я внимательно посмотрела на него. Он говорил правду – то, что думал. Какое-то время мы шли молча.

– Ну, давайте, мучайте меня теперь своими вопросами, – сказала я.

– Не сейчас, – улыбнулся Максим.

– Почему?

– Пожалуй, этот долг ты вернешь мне чуть позже, думаю, еще не время задавать тебе вопросы.

Мне стало холодно.

«Все же умный он человек... умный и хитрый. Ладно, пусть так – у меня будет время подготовиться к допросу. Самое сложное – это то, что я действительно не буду врать... потому что это значило бы для меня предать чувства к Воронцову. В данном случае все должно быть честно».

– А как ваше расследование? – я решила сменить тему.

– Успешно, сделал все, что наметил.

– Вы побывали в деревне?

– Да, и познакомился с дедом Остапом, ты была права: удивительный человек.

– Я рада, что он вам понравился, правда рада, – кивнула я, – что он сказал?

– Кот у него действительно пропал, и он действительно просил его найти. Твои слова подтвердились, и я уже склонен тебе поверить.

Впереди был плохой участок дороги, и Максим взял меня за локоть.

– А вы спросили у него про убитого, может, он что-нибудь знает, видел его раньше?

«Сейчас мне либо можно будет успокоиться, либо пора завязывать нервы морским узлом».

– Он видел убитого много раз. Служаков приехал сюда не так давно и занял один из пустующих домов на краю деревни. По ночам разгуливал по окрестностям.

– Вы думаете, он приехал специально за колье?

– Вряд ли, – Максим нахмурился, – выглядел он как бомж, я был в доме, где он жил...

– Что?

Вот это да!..

«Почему же мне не пришло в голову сходить туда... хотя, у меня не было такой возможности. Что Максим мог увидеть в этом доме, что?»

– Обычный старый дом с прохудившейся крышей. Никаких личных вещей там нет.

«Но там должен был лежать план местности с крестиком, обозначающим участок Воронцова...»

– А бумаги? Какие-нибудь документы? – кажется, мой голос дрогнул.

– Я нашел газету, в которой была статья про кольцо «Живая слеза». Как думаешь, много ли таких газет может находиться в окрестности?

Ответ – одна. Вероятность того, что сюда привезли один и тот же номер одной московской газеты, слишком мала.

Я сунула руки в карманы и тут же их вынула – любой психолог скажет, что подобная реакция – это самозащита. А я не должна защищаться, по сценарию – мне скрывать нечего.

– Я не знаю, – пожала плечами.

– Мне кажется, это та самая газета, которую вы читали на вечеринке.

– Вполне возможно. Но как она могла попасть к Служакову? – спросила я равнодушным тоном.

– Пока не знаю. Возможно, кто-нибудь из твоих подруг вспомнит, куда потом делась эта газета, – задумчиво ответил Максим. – Но это еще не все: в доме я нашел еще и карту.

– Какую?

Руки онемели.

– Старая, заляпанная карта местности, но вот есть один интересный момент. На карте крестиком обозначено место, где сейчас находится участок Воронцова.

По спине пробежал холодок.

– Значит, он точно приехал за колье, – твердо сказала я, – он ехал целенаправленно.

«Максим Сергеевич, не подведите меня, просто согласитесь сейчас со мной».

– Возможно.

Слишком туманный ответ.

– Вы допускаете еще какие-нибудь варианты? По мне – так иного и быть не может.

Максим промолчал, ох, и не понравилось мне его молчание.

– А что вам еще рассказывал дед Остап?

– Больше ничего, – пожал плечами Максим, – живет он одиноко, вдали от людей, вот ведь как у человека жизнь сложилась.

– Это да, – согласилась я.

Не подвел меня дед Остап! Я почувствовала, что Максим сказал правду – больше ничего он не узнал. «Обязательно найду кота, и где этот кот только шастает», – пообещала я себе.

Около дома нас встретил Воронцов: он сидел на скамейке с газетой в руках и мрачно поглядывал в нашу сторону. На коленях его лежал пакет с печеньем, а рядом стояла чашка с уже холодным кофе. Я почувствовала, что проголодалась.

– Где вас носит? – поинтересовался Виктор Иванович.

Я взяла чашку и пакет с печеньем и принялась есть. «Да, у меня лишний килограмм, но я сегодня ничего толком не ела, и к тому же, это ЕГО кофе и ЕГО печенье, понимать же надо такие вещи», – тут же придумала я очень хорошее оправдание.

– Задержались у реки, – коротко ответил Максим.

– Результаты есть?

– Пообщался с народом и побывал в доме, где жил убитый.

– Что-нибудь узнал? – спросил Воронцов, залезая рукой в пакет с печеньем. А там в это время как раз находилась моя рука... совершенно случайно, наверное.

– Мы с тобой об этом поговорим потом, – ответил Максим.

– Не хотите ли вы сказать, что я тут лишняя?

– Именно это я и хочу сказать, – строго ответил Максим.

Если бы вы знали, как много дел у людей бывает, когда они шарят в пакете с печеньем. Я даже не рассердилась на Максима, потому что

пальцы Воронцова, опять же совершенно случайно, касались моих пальцев.

– Что делает дружок твоей сестры? – поинтересовался Максим.

– Не знаю, – помрачнел Воронцов, – он не выходил из своей комнаты.

– А как Галина?

– Нервничает, я уже устал ее утешать.

– А как Екатерина Петровна? – ехидно спросила я. Зря, наверное – я привлекла к себе внимание.

Воронцов серьезно посмотрел на меня, и я заерзала на скамейке.

– Ты сейчас пойдешь и соберешь свои вещи, больше жить в этой конуре ты не будешь, хватит.

– Но...

– Как я сказал, так и будет, – грозно произнес Воронцов, пресекая все мои попытки к возмущению.

Я понимала, что перечить бесполезно.

– Там ты не в безопасности, я вообще не понимаю, что на меня нашло, как я вообще позволил тебе переехать, теперь ты будешь жить в своей комнате.

Я встала и поплелась к оббитым временем ступенькам.

Вещи в сумку я кидала с отчаянием и злостью.

Футболка, крем, полотенце...

«Вот что теперь делать, что?»

Расческа, носки, еще одна футболка...

«Под каким предлогом я теперь смогу сюда прийти? Надо было мне искать лучше, да что же это такое!»

С огромной сумкой потащила к двери. Всхлипнула и попыталась задушить плаксивую обиду... И тут меня осенило. Я остановилась, расстегнула молнию и достала футболку, крем и теплые носки. Крем вернулся на полку в шкаф, футболка отправилась в ящик тумбочки, носки полетели под кровать. Вот теперь полный порядок – у меня появилось три повода, чтобы вернуться. Молодец я. Очень даже молодец!

На радостях мысли в голове запрыгали точно кузнечики: «Как бы мне отпроситься у Воронцова на денек?.. Не отпустит. Но мне просто необходимо поговорить с Осиковым, я должна прижать его к стенке, и пусть только попробует не рассказать мне всего.

Еще бы я сходила к деду Остапу, кстати, где бы найти его кота?.. У меня куча дел. Я решительно настроена на выходной!»

– Тебе помочь? – ехидно спросил Максим, как только я вышла из охотничьего домика.

– Не надо. Я, знаете ли, из тех, кто не ищет легких путей и к тому же не доверяет мужчинам, – посмотрела я на него сердито и обратилась к своему ненаглядному: – Виктор Иванович, а скажите, пожалуйста, можно ли мне завтра взять выходной?

– Нет.

Другого ответа я и не ожидала. Воронцов был спокоен, а я вот нет.

– Я работаю на вас от зари до зари, я уже забыла, что такое отдых! Я требую выходной!

– Аня, – устало произнес Воронцов, – стоит мне тебя отпустить, как ты тут же сбежишь к реке или еще куда-нибудь, а здесь убили человека, и я не могу и не хочу рисковать тобой.

– Вы так говорите, как будто я ваша собственность, а я с вами, между прочим, у алтаря не стояла, да и родственником вы мне не приходитесь, так что моя безопасность – это мое личное дело.

– В чем-то ты права, – кивнул Воронцов, вздыхая.

«Наверное, сожалеет, что мы с ним у алтаря не стояли. Это хорошо, это правильно», – утешила я себя.

– Я на вас в суд подам за эксплуатацию человека человеком, вы нарушаете трудовое законодательство, каждый у нас имеет право не только на труд, но и на отдых, – я не собиралась отступить.

– Хорошо, завтра у тебя будет выходной, можешь болтаться по участку сколько хочешь.

– Вы неправильно понимаете слово «выходной»: у вас почему-то оно граничит со словом «заключенный»!

Воронцов встал со скамейки и направился в дом. Я схватила его за локоть.

– Я уйду, все равно уйду, – выпалила я.

– Иди, только тогда ты уволена.

«Он блефует, я знаю, что он блефует».

– Хорошо, у меня много дел, и я смогу себя как-нибудь развлечь. Заявление об уходе писать?

«Я тоже блефую. Никуда я не уйду, пока не найду бриллианты и... не выйду замуж за этого человека».

– Обещай, что ты не пойдешь одна к реке, – сдался Воронцов.

– Я попрошу Юрия Семеновича проводить меня.

Компромисс. Я не сомневалась, что быстро найду общий язык с садовником.

– Согласен.

Я улыбнулась и счастливо вздохнула. Он тоже улыбнулся. Так мы и стояли некоторое время, с нежностью глядя друг на друга.

– Я вам не мешаю? – хихикнул Максим.

– Нет, – мотнула я головой и поплелась к ступенькам.

Сказав лаконичное «я помогу», Воронцов забрал у меня сумку, и мы направились в дом.

Екатерина Петровна косо посмотрела в мою сторону, тихо фыркнула и скрылась за дверью кухни. «Фыркай, делай вообще что хочешь, мне сейчас все равно».

В комнате было все по-прежнему.

– Бросьте сумку куда-нибудь, я ее потом разберу, – грустно сказала я и шагнула к шкафу.

Он подошел ко мне сзади, обнял и прошептал куда-то в шею:

– Не сердись, я просто беспокоюсь о тебе.

– Знаю, – ответила я и погладила его руку.

Он поцеловал меня в макушку. Нежно.

– Береги себя.

– Постараюсь, – улыбнулась я, и он ушел – тихо и поспешно.

Я обернулась и посмотрела на закрывающуюся дверь.

«Как же я люблю его!

Просто так...»

Глава 27

Наконец-то у меня выходной

Глоток свободы!

– Сегодня мне можно не убираться и не лицезреть Екатерину Петровну. Буду делать только то, что захочу, – подмигнула я своему отражению в зеркале.

Юрий Семенович, поворчав немного, согласился на поход к реке. Вот там, у девчонок, я его и планировала оставить (но пока он об этом ничего не знал).

– Делать мне нечего, как только по лесу прогуливаться, – ворчал Юрий Семенович, когда мы покидали территорию участка.

– Не сердитесь, я бы и одна сходила, но это причуды Виктора Ивановича.

– Сидела бы тихо, а то ишь какая неугомонная.

– Много вы понимаете, – заворчала уже я.

– Тебе Максим что-нибудь рассказывал? – поинтересовался Юрий Семенович.

– Да так, по мелочи, – осторожно ответила я, – он мне не очень-то доверяет.

Больше мы не разговаривали до самой реки.

Около домика на бревне сидел Осиков, мама сидела рядом и держала его за руку. Наверное, чтобы не вырвался и не убежал от своей судьбы.

– Я не верю глазам, ты опять решила нас навестить, – поднимаясь, сказала моя мама, – что ты принесла?

– Ничего, – покачала я головой, – вот познакомьтесь, это Юрий Семенович, мы вместе работаем.

Осиков церемонно кивнул, мама поджала губы.

– Где девчонки?

– Гуляют твои девчонки, в доме бардак, а им и дела нет, – ворчливо ответила мама.

– Юрий Семенович, проходите, будете почетным гостем, – распахивая дверь, сказала я. – Располагайтесь, где удобно, и ни в чем себе не отказывайте.

Мама, вспомнив, что она тут самая главная, быстро отодвинула меня в сторону и накинулась на Юрия Семеновича со своим взрывоопасным гостеприимством.

– Проходите, проходите, – промурлыкала она, – сейчас будет чай и печенье. Если бы моя дочь заботилась обо мне лучше, то поверьте, я бы вас угостила чем-нибудь более вкусным.

Осиков торопливо вскочил и собрался было проследовать за Юрием Семеновичем, но моя рука тяжело легла на его плечо. Арсению Захаровичу явно стало плохо, даже волосы на его голове отлипли от макушки и встали дыбом.

– Вы, пожалуй, начинайте чаевничать без нас, а мы с Арсением Захаровичем сейчас отыщем девчонок и вернемся.

Юрий Семенович заволновался – ему велели следить за моей безопасностью. Я выразительно показала глазами на Осикова (чем не охранник?), и садовник немного успокоился. «Да уж, не сомневайтесь, в случае опасности Арсений Захарович вступится за меня... если от страха не упадет в обморок... и если не он тот самый убийца, от которого вы, Юрий Семенович, должны меня спасать».

Осиков уже понимал, что сейчас его ждут малоприятные моменты, и по уже сложившейся традиции стал нервно икать. Я потащила его к деревне.

– Зачем так быстро, куда мы идем? – нервно попискивал Арсений Захарович, перебирая пухлыми ножками.

– Сейчас я буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. Это понятно?

– К чему такой тон?!

– Допрыгались вы, Арсений Захарович, ох, допрыгались!

– Я этих намеков не понимаю, – Осиков замотал головой.

– Сейчас поймете, поверьте, я умею доходчиво объяснять, мы с вами быстро найдем общий язык.

Как только мы оказались около зарослей кустарника, я тут же поволокла туда будущего отчима. Прижала к дереву и крепко вцепилась в его куртку.

– Это вы убили Служакова?

– Ты что говоришь, как можно?

– А почему нет? – ласково поинтересовалась я.

– Я не убийца, и вообще, зачем мне это делать? Я требую объяснений!

– Нет, – замотала я головой, – это я требую объяснений. Фамилия вашего напарника, который якобы умер... Он умер?

– Умер, – утвердительно кивнул головой Осиков, – честное слово, умер.

– Так вот, если не ошибаюсь, его фамилия была Служаков?

– Я точно не помню, – забормотал Арсений Захарович.

– А придется вспомнить!

– Да, Служаков, и что дальше?

– А вот у убитого точно такая же фамилия, не правда ли, странное совпадение?

– Это однофамилец, я уверен, это однофамилец...

– Я хочу услышать правду! – схватив Осикова за куртку, я его хорошенько встряхнула. – Это сын вашего напарника? Родственник? Отвечайте!

– Сын, – еле слышно произнес Арсений Захарович.

Кто бы сомневался!

– И что вы мне можете сказать об этом? Почему вы раньше молчали?

– А что говорить, что говорить... Если бы я сказал, что надо будет делиться или что по нашему следу уже идет человек с двумя судимостями, разве бы вы поехали со мной?

– Какие судимости?

– Илья этот два раза в тюрьме сидел, вот он раньше и не мог бриллианты забрать, он что-то слышал от своего отца, но наверняка не знал. Мы с ним освободились почти одновременно, он нашел меня, но я сбежал... вернее, думал, что сбежал, но он следил за мной... то есть за нами... – Осиков сбивался и непрерывно икал.

– А он-то за что сидел?

– Не знаю я!

– А что вы вообще знаете? Мы вам зачем понадобились?

– С вами не так страшно и не так заметно, вроде семья... ик-ик-ик... Я боялся, боялся Илью, он сильный и безжалостный!

Я закатила глаза – просто сказка про серого волка.

– Сейчас я вам устрою такую семью! – гневно выдала я, встряхивая Осикова уже два раза подряд.

– Он мог убить меня... и вас...

– Как же вы посмели скрывать это от нас?!

– Я думал, что мы быстро все найдем... но дело затянулось... Мне же много не надо, – забормотал Арсений Захарович.

– А вот не верю я вам больше! Вы бы попользовались нами, как прикрытием, а потом бы сбежали со своими бриллиантами, да вот только не на тех напали!

Осиков заметался и сделал попытку вырваться. «О нет! Я так долго ждала, когда вы окажетесь в моих руках, Арсений Захарович, что так просто вам не сбежать!»

– Что вы делали на участке в ту ночь, когда украли кольцо?

– Я бриллианты искал: как узнал, что этот тип здесь, так и заволновался, ведь он бы нас мог опередить.

– Вы его видели там в ту ночь?

– Да, видел, – Осиков всхлипнул, – он постоянно там крутился, все ждал подходящего момента, чтобы залезть и забрать мои бриллианты.

– Это не ваши бриллианты, – гневно поправила я, – это наши бриллианты, вы разницу чувствуете?

– Конечно, конечно.

Осиков повис на моих руках в надежде, что такую тяжесть я не потяну и он сбежит.

– А зачем вы притащились потом во второй раз, ведь вы же знали, что я живу в этом домике и у меня полно шансов найти бриллианты?

– Так ты же их все равно не нашла, я хотел помочь.

Мысль, которая мелькнула у меня в голове, мне не понравилась.

– Может быть, вы хотели убить меня? Подкрались бы тихонечко, тюкнули по голове, нашли бы потом бриллианты – и вперед, до Москвы?

– Ты что, ты что, я не могу убить человека, я не такой!

Ах, как трогательно – он не такой.

– Вы вышли от меня, увидели своего недруга и подрались с ним, так?

– Нет, нет, – замотал головой Осиков.

– Уж не знаю, как вам удалось с ним справиться. Возможно, он споткнулся или еще что-нибудь в этом роде... И вы убили его.

– Зачем, зачем мне его убивать?

– Чтобы не делиться.

– Так мы бы и так смогли убежать, забрав все, – с надеждой в голосе сказал Осиков.

– И еще, потому что вы знали, что Служаков украл кольцо «Живая слеза», и вам захотелось еще и этот приз: вы убили его и забрали кольцо!

– Не-е-ет!!! – заорал Осиков.

– Да! Если я найду хоть какие-нибудь доказательства вашей причастности к этим преступлениям или вы еще раз выкинете какой-нибудь фортель, то обещаю: я тут же пойду к следователю и все ему выложу. Отсидите еще раз, а когда окажетесь на свободе – лет через пятьдесят, я вам отдам часть ваших богатств!

– Я не убивал, и не надо мне угрожать, – Осиков воспользовался тем, что я уже устала его держать, и вырвался.

– Я вас предупредила.

– А я дам показания, что в ту ночь, когда убили Служакова, тебя самой не было в домике, я сидел там и ждал тебя. Где ты была? – Осиков перешел на визг. – Ты сама могла убить его!

– Что?!

Острое желание прихлопнуть Осикова, как таракана, приятной волной растеклось по телу.

– Я все расскажу, – потрясая в воздухе толстым пальчиком и подпрыгивая на месте, сказал Осиков.

Он побежал. Это, видно, уже вошло у него в привычку. Хорошо, что в критической ситуации он убегает, а не как страус сует голову в песок, не хотелось бы мне потом выковыривать его из земли.

– Скажете дома, что вам стало плохо, а я пошла искать девчонок одна! – крикнула я ему вслед.

Не знаю, слышал Арсений Захарович меня или нет, уж больно быстро он бежит. Мысли запульсировали с завидной частотой: «Хитрый лис! Не верю я ему: раз обманул нас в самом начале, то, значит, можно от него ждать всего, чего угодно. Осиков своего не упустит, это он только кажется мыльным пузырем. Девчонок я искать не буду, сами придут. Есть у меня еще дело...»

Теперь мой путь лежал в деревню.

Дед Остап старыми грабельками собирал мусор вдоль забора – три серых дырявых пакета с листьями украшали дорожку к дому.

– Здравствуйте, – нарушила я тишину.

Он обернулся, и на морщинистом лице заиграла улыбка.

– Ждал тебя, – сказал вместо приветствия дед Остап.

Я не удивилась: такой уж он человек, что все знает.

– Кот не нашелся?

– Нет, но я не теряю надежды.

– Найдется.

– Сейчас чай поставлю. Замерзла, небось, вон ветер какой злющий поднялся, давно такого не было. Такой ветер не только листву уносит, но и человеческие души с земли сметает.

– Спасибо, – поежилась я.

Чай был с мятой. На тарелке появился кусок черного хлеба, густо намазанный топленным сливочным маслом, такие желтые твердые крупинки... Мне стало стыдно, что я пришла с пустыми руками. Очень стыдно.

– Ты ешь, а то худая, точно жердь.

Укусив роскошный бутерброд, я от непередаваемого удовольствия на мгновение прикрыла глаза.

– Спрашивал про тебя тут один, да ты, наверное, и сама знаешь, из-за этого и пришла.

Я кивнула.

– Сказал, что убили пришлого-то.

– Убили, – коротко подтвердила я.

– Злое дело, нехорошее. К тебе-то чего этот служака цепляется?

– Да он всех проверяет, работа у него такая. Вы ему про меня что говорили?

– Про кота он спрашивал, так я все подтвердил – за котом-то бегать – дело неподсудное, об остальном умолчал, захочешь, сама ему расскажешь.

– Спасибо вам, очень вы меня выручили. И объяснить-то вам я ничего не смогу, просто спасибо.

– А мне объяснять и не надо, ты человек правильный, а такие греха не делают, – дед Остап налил себе вторую кружку чая, – аккуратнее будь.

– Обещаю, – улыбнулась я.

До чего же было мне приятно и спокойно! Оглядевшись, я увидела гроздь рябины, разложенные на подоконнике, связку грибов на ржавом гвозде, дрова, сваленные в кучу, старенькие рукавицы... Хорошо-то как.

– Пожила бы у меня, вся боль бы и слетела, – прочитал мои мысли дед Остап.

– Я бы с радостью, да только не получится. А вы почему перестали приходить за едой, вроде вы говорили, что Екатерина Петровна вам продукты давала? Я бы вас встретила...

– Так шумно у вас теперь, народу понаехало, к чему мешаться. Да и беды навалились – меня и не подпустят.

– Только пусть попробуют не пустить, – нахмурилась я, – вы скажите, что ко мне, а уж я с ними разберусь.

– Вояка ты, – усмехнулся дед Остап и облизал ложку, перепачканную крупинками масла.

– Есть немного, – сказала я и протянула руку ко второму бутерброду, – вот, думаю сходить в дом, где убитый проживал, может, что интересное найду.

– Не найдешь, был я там, сразу после следователя. Пустой дом, даже мыслей от того человека не осталось, видно, слишком мало их было у него.

К реке я шла бодрая и веселая – бояться нечего, Максим ничего не знает.

– Бедный Юрий Семенович, – улыбнулась я, – наверное, мама довела его до инфаркта.

Хотелось бы мне уберечь его от родительницы, но ситуация требовала жертв.

Девчонки оказались уже в домике. Я взяла полиэтиленовую сумку и стала набивать ее продуктами. Все, что попадалось мне на глаза, было тут же упаковано.

– Привет, – выплывая из комнаты, сказала Солька.

Она тут же побледнела, зажала рот рукой и бросилась на улицу в сторону туалета. Началось. Я смотрела ей вслед, почти завидуя.

– Альжбетка! – крикнула я и заглянула в девичью комнату.

Альжбетка пилила ногти и изредка кидала на Юрия Семеновича сочувственные взгляды. Осикова не было, а мама сидела напротив садовника и, расправляя лямки цветастого фартука, вещала:

– Нет, что вы, моя дочь не такая, ее внимание ко мне – это жалкие крохи, которые я вынуждена подбирать с мостовой...

Это сравнение она всегда очень любила.

Увидев меня, мама замолкла, а Юрий Семенович вскочил. Представляю, как он был счастлив меня видеть.

– Альжбетка, дело есть, выйди. Юрий Семенович, пожалуй, нам пора.

Он улыбнулся – не так часто увидишь, как он улыбается. Вот что значит вовремя появиться.

– Не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть секреты от своей матери? – услышала я недовольный голос.

– Мама, если бы ты только знала, как много у меня от тебя секретов.

– Когда у тебя будут дети, в чем я очень сомневаюсь, так как на свете нет мужчины, который смог бы тебя терпеть больше одного часа, так вот...

Дальше можно не слушать: это любимая песня моей мамы – про то, что я все пойму и осознаю, но будет поздно, и про то, что такие, как я, умирают в одиночестве, так как всю жизнь не уважали никого... я на эту тему могу уже диссертацию защитить.

– Альжбетка, этот пакет ты сейчас отнеси в деревню...

– Зачем, пусть Солька сходит, – лениво протянула подруга.

– В деревне живет один старик, дед Остап, знаешь его? – спросила я, не обращая внимания на Альжбеткины протесты.

– Встречала, когда гулять ходили.

– Так вот, этот пакет с продуктами отдашь ему, понятно?

– Понятно.

Альжбетка сморщила лоб и, видно, усиленно задумалась, как бы ей отвертеться от данного мероприятия. Я посмотрела на нее сердито – надежда на избавление покинула ее, плечи чуть опустились, и она безропотно взяла сумку.

– Сделаю, не волнуйся, – сказала она.

– Ты кота здесь не видела, серый такой?

– Нет, вроде.

– Тогда давай топай, – улыбнулась я. – Накинь куртку, ветрено.

– А ты скоро опять придешь? Жить с твоей мамой – это просто кошмар какой-то, – прошептала Альжбетка.

– Потерпи еще немного, надеюсь, что через неделю все это закончится.

Альжбетка, приободренная моими словами, поплелась в сторону деревни. Я сочувственно посмотрела на Юрия Семеновича.

– Ну что скажете? – спросила я.

– Больше на меня не рассчитывай, – сердито ответил Юрий Семенович, – я вообще не знаю, как я эти два часа выдержал с Марией Андреевной.

– Ничего, подобное закаляет, посмотрите на меня: я с мамой прожила целую жизнь, и ничего, только кошмары по ночам иногда мучают.

– Домой, – потребовал садовник и схватил меня за руку, – мне кошмары по ночам не нужны.

Завидев побледневшую Сольку, направляющуюся к нам, я попросила:

– Юрий Семенович, вы идите помедленней, а я вас через пять минут догоню. Обещаю.

Солька была явно расстроена, похоже, ее самое любимое занятие – заталкивание в себя всевозможных продуктов – больше не приносило ей удовольствия. Есть о чем горевать, скажу я вам.

– Это ужасно, я не думала, что это так ужасно, – закатила глаза Солька. – Как жить, как жить...

– Ничего, обычно это длится не так долго, – утешила я, – как у вас тут?

– Нормально, только Славка хочет, чтобы я поехала в Москву.

– Прав.

– Никуда не поеду, – топнула ногой Солька. Упертая девчонка.

– Как Осиков?

– Станный он последнее время: то радуется на ровном месте, то паникует, иногда сядет в угол и смотрит в одну точку... как бы он тут с ума не сошел.

– Ох уж мне этот Осиков! Что-нибудь еще подозрительное заметила?

– Да нет вроде, Вероничка с Егором поругались, вернее, не знаю я, кто там с кем поругался, а только домик их ходуном ходил, и орали они там друг на друга конкретно. А еще Степан узнал, что Максим у сторожа про него спрашивал, и бегом к себе – вещи собирать. Альжбетка мне рассказывала, она тут с ним на свидание ходила...

– Что?

– Так скучно здесь, заняться нечем, маман твоя все уши спилила. Ну, так вот, Степан сказал, что немедленно уезжает, но Альжбетка его образумила, мол, сейчас сразу тебя подозревать и начнут, вроде уговорила его дня на два остаться.

– А Вероничка с Егором с ним не собирались?

– Я не знаю, – пожала плечами Солька.

– Ну ладно, загорайте здесь, а мне бежать пора.

Я чмокнула Сольку в щеку и хихикнула. Вообще такие нежности я не приветствую, но у нее токсикоз, надо же побаловать старушку.

Оставив ошалевшую от моей нежности Сольку около дома, я бросилась догонять Юрия Семеновича.

Глава 28

Пицца для размышлений... Не буду ничего больше говорить, вы все узнаете сами...

Чем занимаются порядочные девушки в свой выходной? Правильно – подглядывают и подслушивают. Я не собиралась быть исключением из этого замечательного правила. Мысли о Галине Ивановне давно не давали покоя – еще с того шумного утра, когда у нее украли кольцо... Где она была той ночью? Почему не слышала, как взломали ее шкаф?

Страховка, превышающая стоимость кольца в два раза – это неплохой повод подозревать мою хозяйку. Если предположить, что воровка – именно она, то в таком случае она получает не только огромную сумму денег по страховке, но и сохраняет у себя «Живую слезу», которую потом можно распилить хоть вдоль, хоть поперек, продать и опять же обогатиться.

Так что, как только я увидела, что она о чем-то спорит со своим дружкой, так тут же настроила уши на нужную волну.

Лучше бы они спорили в каком-нибудь другом месте: прятаться за бревнами было не очень-то удобно. «Нашли время для прогулки, холодно же, могли бы и обо мне подумать! Хорошо, что уже стемнело, надеюсь, никто моего энтузиазма не увидит», – пронеслось в голове...

Они стояли и шипели друг на друга, и я поползла вдоль бревен, только с другой стороны.

– ...ты несколько меня не любишь, – капризно говорила Галина Ивановна, – тебе нужны только деньги, мои деньги!

– Как ты можешь так говорить, – напыщенно отвечал Евгений Романович, – какие деньги, у тебя их не так уж и много осталось.

Пришлось зажимать рот, чтобы не засмеяться – вот же какая интересная штука эта любовь!

– У меня есть фирма и еще много чего... – гневно прошептала Галина Ивановна.

– Да, есть – долги, это ты их имеешь в виду? Если бы не твой братец, ты бы давно разорилась!

– Ты меня не любишь, – уже с удивлением отметила тетя Галя, будто Америку для себя открыла.

– Люблю, очень даже люблю, я тебе и напоминаю, что, несмотря на то, что последнее время у тебя проблемы со средствами, я все равно с тобой.

«Он хоть слышит, что говорит?»

– У меня нет никаких проблем, я обеспеченная независимая женщина!

– Кого ты хочешь обмануть, у тебя не было даже средств на страховку для этого твоего колье, если бы не Виктор, оно бы было не застраховано.

– А оно и так не застраховано! – повысила голос Галина Ивановна.

Я не поверила своим ушам.

– Как это? – изумился Евгений Романович.

– А вот так, тебе нужны были деньги для поднятия своего бизнеса, и я их тебе дала, но тебя же не волнует, где я взяла их.

– Ты хочешь сказать, что тот подарок... это деньги, которые тебе дал на страховку Виктор?!

– Да!

– Не ори, нас могут услышать.

«Да даже если вы будете шептать, я вас все равно услышу. Как я могу такое пропустить...»

– А что мне оставалось делать, ты же просил денег, а у меня не было.

– Ты только что говорила, что твои финансовые дела в полном порядке, – раздраженно сказал Евгений Романович.

– Они и будут в порядке, скоро будут...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ничего, просто не может быть все время плохо, все наладится, я в этом уверена.

– А твой брат знает о том, что ты скоро разоришься?

– Я не разорюсь! Это просто временные трудности!

– Я же попросил тебя не орать, – прошипел Евгений Романович.

– Как я могу сказать об этом Виктору, когда стоит мне только заикнуться о материальных проблемах или попросить деньги на что-нибудь абстрактное, как он тут же засядет проверять мои финансовые дела и будет спрашивать, куда я подевала все те деньги, которые он мне давал.

– А куда ты их дела?

– Ты что, идиот? – фыркнула Галина Ивановна, и раздался глухой стук (наверное, она постучала по бревнам... или по голове). – Я все спустила на тебя и твою дурацкую фирму! Я же не знала, что ты никчемный руководитель и ничего сделать не в состоянии, ты разорил не только себя, но, похоже, и меня.

– Все, что ты давала, было твоей личной инициативой.

– Нет, это ты вытянул из меня все под разными предлогами, ты сто раз обещал вернуть деньги, и что?

– Тебе известно... Мой бизнес пошел прахом, но если бы ты нашла еще средства, то я бы...

– Даже не хочу больше этого слушать, – голос Галины Ивановны стал хриплым.

– Милая моя, дорогая, нам так хорошо вместе, вспомни, как мы встретились в первый раз... – а голос Евгения Романовича напомнил растекающуюся сгущенку.

– Не надо заводить эту старую песню...

– Посмотри на меня, даже жить с тобой в разных комнатах для меня мука, я из-за этого пью...

«Тьфу, вот ведь саранча! А она-то тоже хороша, надо же иногда и мозгами пользоваться... Значит, у нее нет страховки, нет денег, и вот беда – кольцо стоимостью в миллион долларов куда-то подевалось... куда же оно подевалось?.. Уж не за счет ли него вы, Галина Ивановна, собираетесь поднимать свой бизнес?.. Пора сматываться, наверное, больше ничего интересного я не узнаю, а слушать, как Евгений Романович обводит эту курицу вокруг пальца, просто противно».

Я осторожно отползла и оглянулась – за мной никто не наблюдал. Повезло.

На кухне никого не было, что стало приятным сюрпризом – встречаться с вредной Дюймовочкой не хотелось. Подавляя «порхающее» в животе чувство голода, я принялась изучать полки и заодно думать: «Печенье не буду, бутерброд не буду, салат... тоже не буду. Кусочек сыра – вот он, триумф вкуса! Это ничего, что я продолжаю хотеть печенье, бутерброд и салат...»

Долетевшие до слуха голоса сбили меня с нужной волны. Галина Ивановна с влюбленным в ее деньги другом наконец-то закончили соревноваться в конкурсе «Самый разорившийся из всех разорившихся» и пришли домой.

Плюхнувшись за стол, я полистала журнал, покачала ногой, поговорила с сыром и с печеньем (почему-то мне казалось, что печенье меня больше понимает, чем сыр), вымыла свою кружку, потом налила еще чаю и посмотрела в окно...

– Ах, ах, ах, где же мой крем? – качая головой, пробормотала я. – Мне кажется, я его совершенно случайно забыла в охотничьем домике. А мне он так нужен! Как же я без него? – я уверенно вживалась в роль. – Что же делать? Наверное, надо пойти и взять его. Сомневаюсь, что смогу его сразу найти, придется мобилизовать все свое умение и смекалку, чтобы отыскать следы малюсенькой баночки крема в этом огромном старом доме.

Сделав удрученное выражение лица, я направилась к месту недавнего проживания.

– Ах, как же не хочется искать эту баночку крема... И как я вообще догадалась, что крем в охотничьем домике...

Я очень надеялась, что никто не заметит моей прогулки и позже появится возможность еще раз поискать многострадальный крем (чем больше попыток, тем лучше). На первом этаже свет почти везде был выключен, Екатерина Петровна наверняка уже спала, начитавшись на ночь Библии, выше – у Галины Ивановны – виднелся тусклый свет ночника.

– Ты куда? – услышала я знакомый и горячо любимый голос.

– А что? Разве мой выходной закончился? Мне казалось, что хотя бы по территории участка я могу передвигаться без лишних вопросов, – ответила я, приоткрывая дверь.

– Я просто хотел тебя проводить, вдруг ты споткнешься, темно все же, – ухмыльнулся Воронцов.

– Спасибо, но я весьма самостоятельная особа и ногами пользоваться умею.

Соскочив со ступенек, я бодро зашагала по дорожке.

– Ты куда? – опять спросил Воронцов.

Стараясь напустить на себя побольше беззаботности, я кивнула в сторону охотничьего домика.

– Зачем?

– А если я захочу в туалет, мне об этом вам тоже надо будет рассказывать?

– Желательно, – засмеялся Воронцов и наклонил голову набок, – я вообще хочу знать о тебе все.

– Иду в домик, мне кажется, я там забыла свой крем. Вы же не хотите, чтобы за ночь мое лицо скукожилось от морщин? Я уже не молода, и, знаете ли, приходится прибегать к косметическим средствам.

– Хорошо, иди.

– Вот спасибо, а я-то думала – отправите меня к следователю за пропуском и разрешением, – я усмехнулась и добавила: – А вообще вы должны были сказать что-нибудь похожее на «Какие еще морщины, ты великолепна и без всякого крема».

– Ты великолепна и без всякого крема, – повторил он тихо и сделал шаг в мою сторону.

Разволновавшись, я решила сбежать. Вполне объяснимая дрожь подогнула мои колени, но я все же взяла себя в руки. Развернулась и последовала заранее выбранным курсом.

«Баночка с кремом, баночка с кремом, баночка с кремом... Надо все время повторять свое спецзадание, тогда я не буду отвлекаться на

необыкновенных, настоящих и любимых мною мужчин. Баночка с кремом, баночка с кремом, баночка с кремом...»

Перепрыгнув через ступеньки, я скрипнула открывающейся дверью. Свет провести Юрий Семенович не успел, так как выселили меня слишком быстро, ну что ж, это и не плохо, я всегда любила запах свечей. Вот только как в таком полумраке искать бриллианты?

– Зажгу, пожалуй, пять свечей, этого будет достаточно, – решила я.

Одна, две, три...

– Больше не надо, хватит, – сказал Воронцов, закрывая за собой дверь.

Я вздрогнула. Вы бы тоже вздрогнули на моем месте.

– Где же она может быть... – пробормотала я и стала демонстративно лазить по полкам и ящикам.

Наклонившись, заглянула под кровать, но там лежали носки, оставленные мною для второго посещения, так что сейчас находить их я не собиралась. Переключившись на стул, я почувствовала, как Воронцов следит за каждым моим движением. «Да что же это такое, почему я дрожу?...»

– Давай я тебе помогу, – предложил Виктор Иванович, – как выглядит твой крем?

– Маленькая круглая баночка, ничего особенного... А! Вспомнила, там написано «Крем».

Я мило улыбнулась.

– Я постараюсь ни с чем не перепутать, – саркастично сказал Воронцов

и тоже взялся осматривать территорию.

Мы двигались с ним навстречу друг другу, нас разделяли метры...

– Как ты ходила к своим? – спросил он, отодвигая старый кувшин.

– Давайте зажжем еще свечи, ничего же не видно.

– Не надо.

– Хорошо ходила, мама была очень рада меня видеть, впрочем, как всегда, – ответила я, продолжая дрожать.

Между нами осталось два метра.

– Здесь не так плохо, как кажется снаружи, – сказал Воронцов.

– Мне здесь вообще очень нравится, только холодно, жаль, что вы меня отсюда выселили.

– Сейчас я затоплю, – бросил он и направился к печке.

Расстояние между нами увеличилось.

«Сейчас загорятся березовые поленья, и станет тепло, я перестану дрожать... ведь это от холода, так?»

– Я часто думаю о тебе, – сказал Воронцов, щелкая зажигалкой.

Усевшись на пол возле тумбочки, я сделала вид, что поглощена поисками. Тяжелое это занятие – искать крем!

– И какие же мысли посещают вас?

– Разные, – он улыбнулся, – но всегда приятные.

Я повернула голову, и мы встретились глазами. Видно не было, но я знала, что они у него необыкновенно каштановые.

– Давай признавайся, что и ты думаешь обо мне, – он засмеялся.

– Всегда вы требуете от меня невозможного, не буду, – замотала я головой, – и вообще у меня, знаете ли, есть дела поважнее, чем думать о всяких эксплуататорах.

Он направился ко мне, и расстояние вновь стало сокращаться. Оно сокращалось очень быстро до тех пор, пока между нами не осталась всего лишь точка – полмиллиметра страха.

Воронцов сел рядом и ласково спросил:

– Нашла свою пропажу?

– Нет, – ответила я, проводя пальцем по шершавой дверце тумбочки.

Он взял мою руку и нежно поцеловал ее. Вы понимаете... даже полмиллиметра не осталось...

– Иди ко мне, моя девочка, моя маленькая девочка...

Подняв голову, я опять посмотрела в его глаза.

– Я хочу быть с вами... – прошептала я тихо.

«Он обязательно должен меня сейчас поцеловать. Обязательно!»

Воронцов обнял меня и осторожно уложил на полу.

– Маленький котенок, – сказал он и поцеловал.

Спасибо. Я закрыла глаза.

«До чего же я счастлива сейчас! Я счастлива не только тем, что происходит, но и ожиданием того, что произойдет. Уже никто и ничто нам не мешает...»

Он осторожно, не торопясь, расстегнул пуговицы на моей рубашке и нежно поцеловал в плечо... Я открыла глаза, и взгляд мой полетел высоко к потолку... На самой обыкновенной балке, почти под крышей, лежала ничем не прикрытая и вовсе не спрятанная от чужого глаза такая долгожданная коробка, обтянутая тканью...

Я вновь закрыла глаза. Меня это совсем не интересовало... слишком сильно стучало сердце, слишком сильно... Он прижал меня к полу... я сжала его руку, и бесконечная нежность унесла меня далеко... очень далеко...

Глава 29

С одной стороны – мне очень хорошо, просто волшебно! С другой... петля на моей шее затягивается...

Если вам скажут, что сказки – это выдумки писак и фантазии впавших в детство безумцев, – согласитесь! Кивните, скажите «да», тысячу раз «да», а потом сидите и улыбайтесь, просто улыбайтесь. Плевать на все. Кругом сказка!

Мне хотелось рассказывать о своем счастье каждому встречному и одновременно хотелось молчать и не говорить ни слова – я боялась расплескать то тепло, которое переполняло мою душу.

– Сидишь без дела? – раздался едкий голос Екатерины Петровны. Она вплыла на кухню и подбоченилась. – Выходной у тебя закончился вчера, если ты помнишь, конечно, об этом.

– Ну, почему же без дела, – улыбнулась я, глотая обжигающий кофе, – я очень даже занята, я плыву.

– Что?

– Я переплываю океан. Легкие волны несут меня вперед, и уже не важно, смогу ли я вернуться к берегу, доплыву ли до противоположного или бескрайняя стихия навсегда станет мне домом.

– Ты пьяна, что ли? – Екатерина Петровна посмотрела на меня опасно, и правильно сделала. Я, конечно, не была пьяна, но совершить что-нибудь неадекватное вполне могла.

– Даже ругаться с вами не хочется, – устало сказала я.

– Ах ты лиса! Говори, что натворила, думаешь, я не понимаю, что ты неспроста тут всякую ерунду несешь!

– Не мешайте, я поплаваю в своем океане еще минут пять и начну работать.

– Ты что натворила, говори?

– Я украла колье и убила этого несчастного, – охотно ответила я на вопрос и тяжело вздохнула. «Пусть отстанет, пусть она от меня отстанет».

– Что?

«С кем я решила шутить... сейчас ведь будет кричать целый час».

– Шутка, – отмахнулась я, понимая, что лучше сказать ей об этом сразу.

– Я так и думала, – со свистом прошептала Екатерина Петровна, – я так и думала, что это ты, вот как только тебя увидела, так и поняла, что хорошего не жди. Убийца!

– Повторяю для слабослышащих и людей с ограниченным количеством серого вещества в голове, а также для душевных инвалидов – я пошутила.

– Не зря меня Максим Сергеевич про тебя спрашивал, он-то человек опытный, все чувствует, его ты не проведешь, – сотрясая кулачком в воздухе, взвизгнула верная делу следствия Дюймовочка.

– Отстаньте, – начала я злиться. Вот не понимает она по-хорошему.

– Ты мне рот не закроешь, я все расскажу Максиму Сергеевичу!

– Вы не выпались, что ли, Екатерина Петровна? Травку какую-нибудь пожуйте, а хотите, я раздобуду для вас снотворное?

– Это ты, это точно ты! – не унималась великая сыщица. Остановить ее было уже невозможно.

– Я говорю, как спали-то сегодня? Таблеточки не нужны?

Это же надо, так с утра настроение испортить! Собственно, мне на ее бредни было наплевать, но мечтать при таком инородном визге совершенно не получалось, а я как раз собиралась в сто первый раз вспомнить вчерашний вечер и заодно ночь.

– Мне от тебя ничего не нужно, – повышая голос, ответила Екатерина Петровна, – ты же отравишь меня, негодная! Не нужны мне твои таблетки, у меня свои, слава богу, есть. Не подходи!

Если учесть, что я продолжала сидеть за столом, изредка поглядывая в окно, то ее фраза – «не подходи», звучала особенно комично.

– Да что вас убивать, – махнула я рукой, – не очень-то это интересно, а потом вы ведь ко мне по ночам в кошмарных снах

приходить будете, а мне бессонница ни к чему, так что и не мечтайте, убивать вас я не стану.

– Максим Сергеевич! Максим Сергеевич! – заголосила Екатерина Петровна.

Максим, видно, хорошо научился реагировать на крики – не прошло и трех минут, как он оказался на кухне. Ах, мой милый следователь!

– Что здесь происходит? – сердито поинтересовался он.

– Это она убила того мужчину, – зашептала Екатерина Петровна, тыча в меня половником.

Закатив глаза, я постучала пальцем по виску, что переводилось, как «что взять с этой сумасшедшей?»

– Почему вы так решили? – спросил Максим Сергеевич, явно не разделяя тот диагноз, который я только что поставила противной Дюймовочке.

– Она призналась, сама только что призналась... Говорит – и драгоценности она украла, и мужика убила.

Взгляд Максима стал вопросительным.

– Это была шутка, – улыбнулась я, – а вы, кстати, Екатерина Петровна, где в ту ночь были? Может, это вы парня загубили?

– Да как ты смеешь! – пропищала она, смешно тряся кулачками, и тут же спряталась за Максимом.

– Аня, пойдем со мной, – сказал Максим.

Попрощавшись с остатками кофе, забыв о мечтах, я поплелась на очередной допрос. Отскочив в сторону, Екатерина Петровна вжалась в

стену. Наверное, бедняжка не сомневалась, что я ее скоро убью. Я не смогла сдержаться от маленькой шалости – резко повернулась в ее сторону и крикнула:

– Отдай свое сердце!!!

Екатерина Петровна завизжала тоненьким голоском, блюдце и чашка на столе звякнули и задрожали. Максим, нарушив профессиональную этику, выразился витиевато и, мягко говоря, нецензурно, и я от удовольствия захихикала. Как же было жаль, что девчонки этого не видели – уверена, они бы мной гордились.

Оставив Екатерину Петровну на кухне, мы направились в комнату Максима.

– Ты понимаешь, что убили человека, и это не шутки? – грозно спросил он, хлопая дверью. – Убийца, возможно, находится в радиусе одного километра, я устал от твоих милых шуток!

– Извините, – пожала я плечами и изобразила на лице виноватую улыбку, – просто она противная. Это же уважительная причина, не так ли? Я знаю, вы хороший человек и поймете меня, очень прошу – не сердитесь.

– Какие новости? – спросил Максим, улыбаясь.

– Никаких, – я взяла со стола журнал, уткнулась в обложку и покраснела. Что со мной, я что, действительно покраснела?...

Вообще-то, у меня была новость – прекрасная и личная, но о ней я никому не могла рассказать.

– Как провела выходной?

– Так вы же знаете: ходила к своим, хоть родню повидала. Мама без меня долго не может, сразу садится вычеркивать меня из завещания. С девчонками поболтала, понаблюдала, что да как...

– Вот этот момент меня и интересует, ты же у нас девушка внимательная: что видела, что слышала?

Я решила побаловать Максима нарытой информацией.

– Девчонки рассказывали, что Степан, когда узнал, что вы собираете данные, бросился паковать чемоданы, вроде Егор с Вероничкой поругались... собственно, ничего интересного...

Максим кивнул.

– А вы что-нибудь узнали про них?

– Степан действительно сидел, сейчас нигде не работает, Егор и Вероника – брат и сестра, это ты знаешь, она тоже нигде не работает и не учится...

– А что связывает Степана с этим молодняком?

– Не знаю, думаю, до приезда сюда они даже не были знакомы.

– Тогда почему они живут в одном домике? Он довольно тесный.

– Возможно, просто экономят деньги?

– Слишком вы все просто объясняете, – нахмурилась я, – и вообще, меня вы всегда и во всем подозреваете, а других, как я погляжу, нет.

– Каждую ситуацию надо рассматривать с нескольких сторон. Как вариант – они просто подружились и стали жить вместе, а может, есть у них цель, которая их и объединяет.

– А про Служакова вы что-нибудь узнали? Откуда он, что за человек?

– Пожалуй, всего я тебе рассказывать не буду, думаю, тебе это неинтересно.

– Очень интересно, – слишком поспешно выпалила я.

Максим внимательно посмотрел на меня, достал сигарету и распахнул окно.

– Он тоже сидел в тюрьме, недавно вышел. Особых занятий у него не было, воровал, избивал, пил и так далее.

«Хорошо, что он не связывает Служакова с Осиковым... хотя, может, уже и связывает, да только мне не говорит об этом, – подумала я, сдерживаясь, чтобы не попросить сигарету. Я посмотрела на Максима: – Нет, мне кажется, так далеко в своих теориях он не зашел».

– Что-то все вокруг – бывшие заключенные... – сказала я задумчиво.

Мы с Максимом встретились взглядами, и в наших головах родилась одна и та же мысль...

– А если Степан и Служаков вместе сидели... – начала я.

– И если они знают друг друга... – продолжил Максим.

– Что бы вы без меня делали? – самодовольно сказала я и надулась как индюк.

– Мне надо позвонить, – вместо похвалы бросил Максим и, взяв телефон, поспешно вышел из комнаты.

Стоило талантливому человеку взяться за расследование (это я о себе), как дело тут же сдвинулось с мертвой точки!

Мобильники в доме не очень хорошо работали, что было мне на пользу – Максим вышел, а я осталась одна в его уютных апартаментах.

В ящиках комода ничего интересного обнаружить не удалось. На столе валялись какие-то распечатки: имена и адреса в столбик (не все фамилии были мне знакомы). Напротив моего имени стояло три вопросительных знака и один восклицательный. Ничего себе! Под газетой я обнаружила карту Осикова с крестиком, обозначающим охотничий домик. Вздохнув, торопливо положила все на место.

Карта! Крестик... Коробка! Коробка на балке под самой крышей!!! Только в этот момент я о ней вспомнила – вот что делает с нами любовь.

Я бросилась к двери, потом обратно, потом опять к двери. Как мне ее переправить девчонкам?! Как?! И что делать дальше?

Воронцов сидел на скамейке около дома. Я устроилась рядом, и он тут же взял меня за руку. В этом вопросе я проявила полное смирение. Сидели мы молча, практически не шевелясь, пока Галина Ивановна не скрипнула дверью. Я осторожно попыталась высвободить руку, но Виктор Иванович крепче сжал мои пальцы – и все же битву выиграла я. Не хотелось видеть изумление в глазах общественности, не хотелось глупых вопросов, не хотелось ничего, что могло хоть как-то нарушить царившее в душе тепло.

– Новости есть? – спросила Галина Ивановна, поправляя волосы нервными движениями. Выглядела она хорошо – опрятно и свежо, утрата коле на ее внешность сильно не повлияла.

– Пока все на том же месте, думаю, особого смысла находиться здесь нет, так что я поговорю с Максимом, и, надеюсь, через пару дней мы вернемся в Москву.

– Что?! – изумилась я. Что ни день, то сюрприз! Коробка, обтянутая тканью, запрыгала перед глазами.

– Пользы от нас особой нет, – спокойно ответил Воронцов, – а находиться здесь при сложившихся обстоятельствах мало радости.

Поедем в Москву.

Он посмотрел на меня так нежно... В эту секунду я почувствовала, что обманываю его, что предаю что-то важное. Почему? Почему?

– Вот и хорошо, меня здесь все угнетает, – теребя на пальце золотое кольцо, сказала Галина Ивановна. Повернувшись в сторону двери, она крикнула: – Женя, долго тебя ждать?

– Вы куда-то собрались? – поинтересовался Воронцов.

– Прогуляемся, – ответила Галина Ивановна.

Сжав губы, видимо, злясь на медлительность Евгения Романовича, она вернулась в дом.

– Я тоже пойду, мне надо поработать вашей горничной, – улыбнулась я. Не могу сказать, что мне было весело, скорее я за смешком старалась скрыть нервозность и постепенно переключалась на прежнюю роль.

– Остайся, давай закончим эту комедию, не хочу видеть тебя в должности своей горничной, – улыбнулся в ответ Воронцов, – у меня совсем другие желания.

– Мы скоро уедем в Москву, пусть пока все будет по-старому, мне так спокойнее.

Это предложение ему не понравилось.

– Мне так будет спокойнее, – повторила я.

– Хорошо.

После обеда я решила отправиться в лес. Вовсе не первозданная природа вызывала мой живейший интерес – меня тянуло на место, где был убит Служаков. Пора было разгадать эту загадку... Коробочка с

бриллиантами уже ждала, когда же я достану ее с высокой балки и открою. А пока шло активное следствие, я вряд ли смогла бы прикоснуться к долгожданной добыче.

«Это просто невозможно... – думала я, открывая калитку, – знать, где лежит то, что я искала несколько недель, и не иметь возможности даже дотронуться до него. Но, с другой стороны, есть и плюс – больше нет необходимости бегать в охотничий домик и рыть там землю в поисках сокровищ.

Лишний раз привлекать к себе внимание не следует, теперь я пойду туда только еще один раз и только тогда, когда буду уверена, что смогу вынести наше богатство без помех. Больше никакого риска!»

– Вот здесь лежал Служаков... – пробормотала я, присаживаясь на корточки.

Камня, которым дали ему по голове, уже не было, наверняка Максим его обандеролил и отправил куда следует.

– Значит, Максим Сергеевич, не хотите со мной делиться своими соображениями, ну и не надо, я сама до всего додумаюсь.

Почувствовав прилив энергии, я стала тщательно осматривать место преступления. Поломанные кусты. Наверное, тут была драка. Пришлось напрягаться и вспоминать – нет, ни у кого я не видела царапин или ссадин. А может, они и не дрались? Кто-нибудь подошел к Служакову сзади да и тюкнул его камушком со всего маху. Кто у нас такой высокий для этого? Но кусты все же поломаны... Может, дело не в драке, может, просто один убежал, а второй – догонял? Что же здесь произошло?

Я поплелась к забору в робкой надежде, что ветер прибил что-нибудь интересное к ровным отшлифованным доскам. Хорошо бы наткнуться на самую настоящую улику, например, на паспорт убийцы – было бы неплохо. Хи-хи!

Металлическая сетка закончилась, и потянулась сплошная часть забора.

Пустая пачка от сигарет, наверное, она здесь недавно, слишком заметная (Максим бы ее увидел), огрызок яблока, явно умерший пару месяцев назад...

– ...да что тебе эта карта покоя не дает, – донесся до меня голос Воронцова. Я вздрогнула и прижалась к доскам. Максим и Виктор стояли по другую сторону забора и о чем-то разговаривали.

– Скажу тебе честно, не только она не дает мне покоя, есть еще очень много вопросов... – ответил Максим.

– Что там не так с этой картой?

– Ты не видишь очевидных вещей.

– Каких, будь другом, открой мне глаза, – Воронцов засмеялся.

– Я думаю, что, когда я поделюсь с тобой ходом своих мыслей, тебе будет уже не так весело. Эту карту я нашел в доме, где жил Служаков – человек, которого убили в нескольких метрах от твоего участка.

– Я это помню. Кстати, ты нашел еще и газету со статьей про Галину.

– Да, пока я не знаю, как она там оказалась, но все же склонен полагать, что это именно та газета, про которую рассказывала Аня.

Я стала нервно искать щелку в заборе, но, к сожалению, не смогла обнаружить даже самой маленькой дырочки.

– Зачем ему эта карта, где он ее взял? – спросил Максим у Воронцова.

– Можно предположить, что он целенаправленно приехал за колье и пометил на карте место, где должна была проживать Галина.

– Да, такое возможно, давай рассмотрим эту версию.

– Тут все ясно: карта нужна была ему, чтобы не заблудиться, как и любому человеку в такой ситуации, – сказал Воронцов.

– Предположим, что Служаков подготовился к своему небольшому путешествию и взял карту, чтобы ориентироваться на местности, он пометил твой участок и отправился в путь... так?

– Да, – согласился Воронцов.

– Но это очень старая карта... – выделяя последние слова, отметил Максим.

«И что же вы такой умный и наблюдательный, Максим Сергеевич...» От напряжения и волнения я стала кусать губы.

– Подумаешь, ты сам говорил, что парень сидел в тюрьме, потом нигде не работал. Нашел он где-то эту карту, изучил, крест поставил, вот и все, да ему денег на новую было жалко, – отмахнулся Воронцов.

«Где же она, где же она... вот! Вот она, дырочка, маленькая, но все же я вижу их». Максим стоял, прислонившись к бревнам, Воронцов расположился напротив, около пузатой бочки с водой.

– Все это прекрасно, вот только есть один нюанс.

– Какой?

– Крест на карте поставлен очень давно, много лет тому назад, – объявил Максим.

На мгновение воцарилась тишина.

– Откуда ты это знаешь?

– Чернила мутные, просвечивают сквозь бумагу, поверь моему опыту, этому крестику очень много лет.

– Тогда я ничего не понимаю, – рассеянно сказал Виктор, – ведь я не так давно купил участок, дом вон еще не достроил...

– Подумай, – усмехнулся Максим.

– Да что тут думать, тут просто нечего было помечать крестом! Тут был только лес и...

Взгляд Воронцова остановился на охотничьем домике.

– ...и этот шалаш... – закончил он, хмурясь.

Сердце мое упало.

– Вот именно, – развел руками Максим, – мы с тобой смотрим на ситуацию со своей колокольни, а все не так просто.

– Значит, Служаков приехал сюда не за колье... у него был другой интерес – охотничий домик...

– Похоже на то.

– Я хочу посмотреть на эту карту, – нетерпеливо сказал Воронцов.

– Хорошо. И хочу обратить твое внимание еще на одну деталь.

– Какую?

– А кто у нас больше всех интересуется этим домиком?

Воронцов посмотрел на Максима. Несколько секунд он молчал, потом тихо сказал:

– Аня.

Глава 30

Бег на короткие дистанции

– Ты хочешь сказать, что здесь есть какая-то связь? – спросил Воронцов.

– Ты сам только что это определил.

Мой ноготь бороздил гладкую доску – вверх-вниз, вверх-вниз.

– Я всегда понимал, что ее приезд сюда не случайность, но объяснял это чем угодно, только не... Я не думал, что у нее может быть какая-то... криминальная цель, я даже не знаю, как это правильно назвать.

– Ты думал, что она приехала сюда, потому что соскучилась по тебе? – спросил Максим.

Соскучилась, соскучилась! Я была готова выстукивать эти слова лбом по забору, но, увы, приходилось сдерживать свои порывы.

– В основном да. – Воронцов помолчал немного. – Я не хочу думать о ней плохо и делать этого не буду, она слишком дорога мне. И тебя прошу быть осторожнее в своих выводах, не надо обвинять ее ни в чем, у тебя нет доказательств.

– Пока нет.

– Да и какие тут могут быть доказательства! Она не воровала и не убивала, я поручусь за это своей головой, – серьезно сказал Воронцов, – а почему она здесь, это ее личное дело.

Он заступался за меня! О-о-о-о! Мое сердце разрывалось от любви.

Только что я скажу ему потом? «...Знаете, я тут, пока вы спите или находитесь в отъезде, бегаю по участку и ищу сокровища. Вы только не думайте, они никакого отношения к вашей семье не имеют, это бриллианты одного уголовника. Нет-нет, он не маньяк-убийца, во всяком случае, я очень на это надеюсь... Он просто вор, и за прошлые грешки он уже отсидел, так что, по большому счету, это уже не имеет значения. И вот мы с ним время от времени обыскиваем вашу территорию, так что не волнуйтесь, все в порядке...»

Как-то это все гаденько выглядело...

Я посмотрела на Воронцова. Как же я хотела быть с ним, так, чтобы всегда рядом, чтобы вместе засыпать и вместе просыпаться.

– Тебе не интересно, что в действительности заставило ее приехать сюда? – спросил Максим, засовывая руки в карманы.

Только сейчас я почувствовала, что замерзла, и мои пальцы стали ледяными.

– Интересно, очень интересно, и позже она мне об этом расскажет сама.

– Не расскажет, – мотнул головой Максим.

– Это все твои доводы. В любом случае, ее ни в чем невозможно обвинить, или ты хочешь сказать, что она была знакома со Служаковым и причастна к убийству?

– Не скажу, потому что не знаю. Но пока налицо один факт – и она, и он интересовались одним и тем же, – Максим показал в сторону охотничьего домика.

– Но что там может быть? – раздраженно спросил Воронцов.

– То, за что убивают.

Максим отошел от бревен, теперь мне стало плохо его видно.

– Значит, она в опасности, – резко сказал Воронцов, – вот об этом я и буду думать.

– Она будет в опасности до тех пор, пока не расскажет нам всего, что знает. Поговори с ней, может, тебе удастся как-то ее убедить быть более откровенной?

– Не обещаю, что расскажу тебе все.

– Я и не прошу об этом.

– Все же не понимаю, что может быть интересного в этом доме... – задумчиво сказал Воронцов.

– Кому он принадлежал раньше?

– Мужу моей сестры. Время от времени он приезжал сюда с друзьями. Они охотились, навверное, рыбачили, я подробностей не знаю. После того как он умер, я решил снести этот шалаш, просто руки еще не дошли, да и Галина против – считает его памятью о Валентине.

– А она сама этим домиком интересовалась когда-нибудь? – спросил Максим.

– Нет, даже не подходила к нему.

– А ее сердечный друг?

– Нет.

– Давай осмотрим эту хижину повнимательнее, и Расскажи мне поподробнее про мужа Галины.

Как только я увидела их удаляющиеся спины, так сразу же бросилась бежать... в лес. Нет, не подумайте, что я решила взять пример с Осикова и спастись бегством каждый раз, когда рядом замаячит опасность, вовсе нет, просто я должна была срочно увидеть девчонок.

Забор у Воронцова частично состоял из металлической сетки, пробираться к реке по дороге я не могла – слишком большой риск, что меня заметят, так что пришлось прокладывать путь лесом. Бежала я очень быстро (хорошо, что ноги еще помнили, как это делается). Пожалуй, я побила все мировые рекорды по бегу на короткие дистанции.

– Только бы девчонки не отправились на прогулку в деревню, – задыхаясь, буркнула я, перепрыгивая через повалившееся трухлявое дерево.

Мне повезло.

– Солька! Солька! – крикнула я, заметив подругу у реки. Она, прислонившись к дереву, о чем-то болтала со Славкой.

– Значит, так, – тяжело дыша, начала я, – похоже, меня замели.

– Что? – не поняла Солька.

– Ты что натворила? – с беспокойством спросил Славка.

Вот ведь – заботливая душа.

– Ты извини, – сказала я, хватая Сольку за руку, – но нам надо поговорить наедине, у нас разговор интимный, только для девчонок.

Чтобы сберечь время, я потащила ее к лесу в сторону особняков.

– Что ты молчишь-то, говори! – нетерпеливо потребовала Солька уже через несколько шагов.

Если бы я знала... что я вообще хотела ей сказать... как это все объяснить-то...

– Слушай меня, просто слушай. Максим с Воронцовым подозревают, что я неспроста проявляю интерес к охотничьему домику, они видят в этом связь с парнем, которого убили.

– А какая тут может быть связь?

– Прямая, они, правда, пока об этом не знают, но убитый оказался сыном напарника нашего Осикова.

– Какого еще напарника? – удивленно спросила Солька.

– Они вместе воровали эти брюлики, помнишь, он нам рассказывал? Напарник его умер, а сын остался и сам захотел найти свое наследство.

– Да ты что? А Осиков об этом знает?

– Он-то в курсе... милый Арсений Захарович знал обо всем с самого начала, вот и торопился, и нас для прикрытия прихватил...

– Вот ведь гад!

– Это уж точно. Делиться он с ним не хотел. Кстати, еще неизвестно, планирует ли Осиков выполнять наш с ним договор.

– А Максим с Воронцовым что?

– Пока они толком ничего не знают, но могут докопаться.

Я судорожно думала: «Наверное, Максим с Воронцовым сейчас в домике, они повторяют мой путь, они ищут... им труднее, они не знают, что искать... я надеюсь, что им труднее...»

– Так это Осиков его убил? – вернула меня на грешную землю Солька.

– Не знаю, в том-то и дело, что ничего не знаю!

– А нам-то что делать?

– Вот как раз по этому поводу я и прибежала. Что вам делать, я не знаю... потому что куда меня выведет эта кривая – непонятно, возможно, придется молчать как партизану, возможно, что-то я и расскажу... Проблема в том, что я не смогу с вами связаться, а Максим может и вам начать задавать вопросы.

Мы шли быстро, очень быстро. «Наверное, Максим сейчас заглядывает в шкафчики, в тумбочку, осматривает полки...»

– Ну, и мы ему что-нибудь расскажем, – утешила меня Солька.

– Но нужно, чтобы мы рассказывали одно и то же! Максима не обманешь, он за версту чувствует, где правда, а где выступление клоунов на арене цирка.

«Вдруг они уже нашли коробку...» В висках застучали молоточки, мне казалось, что каждый их шаг по домику, каждое их движение отдается в моей голове. Уходите оттуда, уходите, там ничего нет...

– Так как поступить-то? – взволнованно спросила Солька.

– Ты давай не нервничай, по большому счету, вас он все равно не тронет, ваша хата с краю.

– Как это с краю, мы все вместе! – гордо воскликнула учительница ботаники и прижала правую руку к сердцу, точно собиралась дать клятву. До чего же преданное создание!

– Слушай, что я говорю. Если он вас будет о чем-то спрашивать...

– То мы будем изображать дурочек, – продолжила мою фразу будущая мать, – не сомневайся, это у нас получится хорошо.

– Точно, вот это правильно, ты молодец! Ничего конкретного, размывайте все до абсурда. Предупреди Альжбетку, будьте наготове.

– Ты не волнуйся, мы справимся, в крайнем случае, меня вырвет.

– Что?

– Не бери в голову, – отмахнулась Солька, – говорю же – мы справимся.

– Ну все, я побежала, берегите друг друга.

Я сжала ее руку и бросилась вперед. Деревья замелькали и слились в сплошную зеленую ленту. Быстрее, еще быстрее. Поплыла сетка забора, затем пошел стройный ряд гладких досок, еще немного, вот она – калитка!

Влетев на территорию участка, я сразу же столкнулась с Максимом. Он стоял около старой березы и смотрел на меня.

– Где была, рассказывай, – улыбнулся он. Куртка застегнута, руки в карманах.

Я тоже застегнула свою курточку и сунула руки в карманы. Просто кадр из фильма получился. «Все. Я спокойна. Успела. Стреляйте в меня... я бессмертна... почти бессмертна».

– Гуляла, – беззаботно ответила я, – хорошая нынче погода.

– Такая же, как и вчера.

Пожав плечами, я попыталась пройти мимо. Его пальцы мгновенно сжались на моем локте.

– Где была? – опять спросил он.

– Позвольте, вы, кажется, уже спрашивали об этом.

– Меня не очень удовлетворил ответ.

– Прошлась по лесу, последнее время мрачные мысли не дают мне покоя, хотела развеяться. Когда я наедине с природой, то в душе царит абсолютная гармония, мне кажется, что все плохое осталось позади, а впереди только свет, запах осени и редкие, но очень теплые лучи солнца. Подобная терапия весьма благотворно сказывается на моей нервной системе.

– Кажется, я просил тебя не покидать территорию, – не обращая внимания на мой сарказм, сказал Максим.

– Я этого не помню, – сдвинула я брови на переносице, – а потом, я, конечно, уважаю ваши просьбы, но я не под арестом и вправе передвигать свое тело с места на место, не спрашивая на то разрешения.

«Нашли они что-нибудь в домике или не нашли, нашли или не нашли...»

Что я вообще паникую? Да, я бы не хотела, чтобы Максим знал, где я была, но он этого и не узнает – я хорошо бегаю, как оказалось, а за все остальное пусть ругают, я свободна!»

Сообщая о пришедшей эсэмэске, мой мобильный телефон пару раз пиликнул. Ну почему, почему, когда надо, то связи нет, а когда

рядом стоит следователь, то телефон пищит как ненормальный?

Я сделала вид, что никаких звуков никто не издавал.

– Тебе пришло сообщение, – сказал Максим.

«Да без тебя я это знаю!»

– Вам показалось, слуховые галлюцинации, так сказать.

«Имею ли я право не показывать, что там, если он попросит... как там по закону-то? Когда приеду в Москву, сразу же куплю себе Уголовный кодекс, и это будет моя настольная книга!»

Телефон повторил писк, и я сдалась.

«Это Егор украл колье и убил того мужика!!! Солька и Альжбетка».

– Поделишься информацией? – спросил Максим, наблюдая, как телефон исчезает в моем кармане.

«Разбежался! Сначала я должна узнать все сама... и только потом решу, что мне делать и кому что рассказывать».

– Максим, мне надо отлучиться по важным делам, – сказала я очень быстро, он не должен был успеть схватить меня за руку, – а вы стойте здесь и никуда не уходите.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я... Правильно, побежала изо всех сил обратно к реке! Это уже традиция какая-то.

«Наверное, я за сегодняшний день очень похудела. Вот точно вам говорю – похудела, – вытягивая мысли в струну, думала я. – Когда вернусь, съем булку, исключительно в качестве поощрения за этот бег». И тут я увидела девчонок, они вразвалочку шли навстречу – о чудо, додумались!

– Анька, мы сейчас тебе такое расскажем, – сразу же затрясла меня Солька. – Ты почему так дышишь, устала?

– Говори быстрее, не факт, что за мной не бежит следователь.

– Как это? – изумилась Альжбетка и стала машинально прихорашиваться – взбила волосы, пощипала щеки, облизала и выпятила вперед губы.

– Потом объясню, пока что-то его не видно.

– Как только ты ушла, я бросилась искать Альжбетку, чтобы все ей рассказать, как ты и велела. Она как раз у Степана в домике была...

– Ты что там вечно ошиваешься? – накинулась я на Альжбетку.

– А что? Надоело с твоей маман сидеть, – занервничала королева красоты.

– Ладно, рассказывайте, я потом вас отругаю за все оптом.

– Захожу я к ним в домик. Вероничка ноет, что ей нужна шуба к зиме, Егор пьет, а Степан... – Солька резко замолчала, видимо, боясь выдать подругу.

Одного гневного взгляда хватило, чтобы Альжбетка подскочила до макушек сосен.

– Да, я сидела на коленях у Степана, и он обнимал меня за талию, я не виновата, что у меня есть талия и что все мужчины от меня без ума!

– Дальше, – железным тоном потребовала я.

– Я, как зашла, так сразу Альжбетку и позвала...

– Слушай ее больше, влетела и давай орать: «Альжбетка! Альжбетка!»

– Я просто громко сказала, вот и все! – топнула ногой Солька.

– Если у тебя проблемы с ушами, то у меня-то таких проблем нет.

– Да когда рядом мужик, ты же вообще ничего не видишь и не слышишь, – напирала учительница ботаники, – с тобой явно что-то не так.

Как же я соскучилась уже по старым добрым временам...

– Со мной-то все в порядке, а вот ты как со Славкой стала встречаться, так превратилась в настоящую клушу, которую и с места-то не сдвинешь. Ты только посмотри на себя!

– А что тебе не нравится? – возмутилась Солька и враждебно скрестила руки на груди.

– Ты поправилась на полтора килограмма, это я тебе точно говорю! – крикнула Альжбетка. Наверное, она считала это самым позорным на свете.

– Ты все врешь! – теперь уже закричала Солька. – Я такая же, как и была раньше!

– Молчать! – заорала я. – Возвращаемся к теме нашей встречи.

Девчонки сразу притихли и надулись.

– Так вот, я просто неожиданно зашла, – стала оправдываться учительница ботаники, – и Альжбетка как-то так испугалась, подскочила, и кружка с чаем...

– Какая еще кружка? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Она на столе стояла, – внесла свою лепту Альжбетка.

– Ну да, и вот эта самая кружка с чаем пролилась прямо на Егора, на рубашку и на брюки. Он рядом сидел.

– На Степана тоже немного попало, – добавила Альжбетка.

– Это к делу не относится, – отмахнулась Солька, – мы про Егора рассказываем.

– Как это не относится, я хотела Степану помочь переодеться, но он отказался почему-то.

– И что? – потребовала я продолжения.

– А то, если бы я сняла с него рубашку, провела бы рукой по его плечам...

– Альжбетка! – взорвалась я.

– Ты не волнуйся, – успокоила меня Солька, – это она от тоски, скуки и общего неудовлетворения, а так-то она все понимает.

– Ты из меня зачем дуру делаешь! – шагнув в сторону Сольки, гневно выпалила Альжбетка. Ее пальцы раскрылись веером, и голубоватый лак заиграл на солнце.

– Хватит, хватит! – попыталась я привести их в чувство.

Вот по отдельности с ними куда лучше разговаривать, но выбора у меня не было.

– Егор пошел переодеваться, – вновь стала рассказывать Солька, – но комнатенка-то у них небольшая; он снял рубашку и полез в шкаф, потом обернулся и...

– У него на груди ссадина и синяк выше локтя, – победно закончила Альжбетка.

– Можно не сомневаться: он того парня кокнул, и следы эти – потому что он дрался с ним!

– А вы мне по телефону об этом сказать не могли? – едко поинтересовалась я, вспоминая про бег с препятствиями.

– Так он то работает, а то нет, – фыркнула Альжбетка.

Вообще-то, о своей пробежке я не жалела. С одной стороны, целлюлита стало меньше, с другой – все же некоторая информация...

– Молодцы! – похвалила девчонок и улыбнулась. Поощрять тоже надо, чтобы был стимул к дальнейшим успехам.

Девчонки гордо расправили плечи и поочередно выпятили грудь. У Альжбетки грудь выпирала больше, и я испугалась, что если Солька сейчас это заметит, то начнется новый скандал.

– Ну, все, я пошла, ведите себя прилично.

– Так, а мы как? – изумилась Альжбетка.

– Ты вот точно кое-как, – ответила я, – хватит шастать туда, я понимаю, что моя мама – далеко не подарок, но она, по крайней мере, точно никого не убивала.

– Ты в этом уверена? – с беспокойством спросила Солька.

Обратно я шла пешком. Там, где дорога сворачивала к участку Воронцова, на сваленном дереве сидел Максим.

– Я же просила вас стоять на месте и никуда не ходить.

Я еле сдержалась, чтобы не засмеяться.

– Ты уронила, – ответил Максим и с улыбкой протянул мой мобильный телефон.

Глава 31

Что бы без меня делали следственные органы, я просто не представляю

В том, что он прочитал сообщение девчонок, я не сомневалась. Меня это ничуть не расстроило. Но вот там было несколько старых посланий от Альжбетки... Боюсь, она мне не простит, если Максим узнает о ее тайных желаниях.

– Да, это, бесспорно, мое, – сказала я и убрала телефон в карман, – надеюсь, вы, как человек порядочный, не стали читать мою личную переписку?

Ах, как же я верю в его порядочность...

– Ну, почему же не прочитал, – засмеялся Максим, – очень даже прочитал, видно, меня в детстве плохо воспитывали.

– Мало пороли?

– Очень мало.

– Жаль, а ведь могли бы вырасти приличным человеком, но я хоть могу надеяться, что уж совсем откровенные сообщения вы пропускали?

– Это те, где твоя подруга Альжбетта признавалась, что ее возбуждают продавцы хот-догов?

– Да, именно эти.

– Нет, не читал, – улыбаясь, замотал головой Максим.

«Ладно, не сержусь я на него, я бы ему и так рассказала про Егора, так что даже неплохо, что я буду как бы отвечать на его вопросы и помогать следствию. Вроде я на его стороне и он может смело мне доверять. Вообще-то, даже не знаю, что должно произойти, чтобы Максим стал мне доверять...»

– Расскажешь что-нибудь самостоятельно, или мне начинать задавать вопросы? – спросил он.

– Не старайтесь, – сморщила я нос, – сейчас вы будете слишком предсказуемы, так что я вам расскажу все сама.

– Не может быть.

– Очень даже может.

Со стороны посмотреть, так мы с Максимом просто напарники. Плечо к плечу. Работаем слаженно, как единый механизм.

– Когда я приходила к девчонкам с Юрием Семеновичем – одну-то вы меня не пустили, – то рассказала им о своих соображениях.

– А какие они у тебя? – поинтересовался Максим.

– Такие же, как и ваши – подозреваются все! Велела им быть повнимательнее и в случае чего сразу сигнализировать, что, собственно, они и сделали.

– Хорошие у тебя подружки.

– Да, у меня не забалуешь, – теперь уже я гордо выпятила грудь.

– Так что там Егор? – спросил Максим.

«Постыдился бы лишний раз показывать, что досконально изучил мой телефон. Никакого воспитания».

– Девчонки случайно увидели у него на теле ссадины и царапины, а в свете последних событий – это весьма интересный факт...

– Где именно?

«И чего он меня перебивает, не дает же никакой возможности насладиться моментом».

– На груди и в районе локтя. Из этого они и сделали выводы, что Егор – убийца. Понять их можно.

– Он как-то скрывал эти синяки? Как он себя вел?

– Да нет, я так поняла, что он просто решил переодеться, Альжбетка его соком облила или чаем, не помню уже... Но ведь он мог просто и забыть об этом, переодевался автоматически.

– А что он сказал по этому поводу? – Максим достал сигарету и щелкнул зажигалкой.

– Не знаю, – пожала плечами, – я девчонок об этом почему-то не спросила.

– Позвони сейчас или давай сходим к ним.

Ну уж нет! Я так убежалась, что больше никуда не могла идти.

Мне, можно сказать, повезло, потому что на дороге мобильник работал хорошо и Солька почти сразу взяла трубку.

– Что случилось? – забеспокоилась она.

– Да ничего, просто хочу кое-что узнать: вы спросили у Егора, откуда у него эти царапины?

– Ага, – охотно стала отвечать Солька, – я, как увидела, так и ахнула, а он сказал, что это Вероничка его разукрасила, что совсем она с ума сошла, слушать его не хочет, чуть что, так с кулаками лезет, совсем озверела.

– А Вероничка как себя вела?

– Вскочила отчего-то, помолчала и обратно села, она вообще последнее время какая-то ненормальная.

– Это с чего ты взяла?

– Так к Славке почти не пристаёт.

– Понятно, спасибо.

– А ты что там делаешь? – поинтересовалась Солька.

– Даю показания.

– Где?

– В лесу.

– Кому?

– Следователю, кому же еще?

– А почему в лесу-то?

– Так он меня поймал, оттащил подальше в лес и приковал наручниками к березе.

– Вот гад-то, – серьезно сказала Солька.

Попрощавшись с подругой, я тут же поделилась информацией с Максимом.

– Спасибо, – кивнул он.

– Что я слышу, Максим Сергеевич, вы никак благодарите меня?

– Надо же тебя
как-то баловать и поощрять.

– Неужели оценили мой труд? – съехидничала я. – А нельзя ли меня поощрять деньгами? Я бы еще не отказалась от ордена и часов с надписью «лучшему напарнику всех времен и народов».

– Обойдешься, – засмеялся Максим.

– Вы узнали насчет Служакова и Степана? Они вместе в тюрьме сидели?

– Пока еще не получил ответа.

– А когда вы осматривали Служакова, вы ничего необычного не заметили?

– Нет, ничего.

– Я вам, между прочим, целую кучу информации выдала, а вы молчите, как старый пень! Это нечестно!

– А я не обещал тебе ничего, – заулыбался Максим, – ты у нас добровольно помогаешь следствию.

– Добровольно-принудительно. Ладно, как хотите, но только не думайте, что я стану и впредь вам что-нибудь рассказывать, – на всякий случай я изобразила обиженную фурию.

Мы направились к дому.

– Я хотел с тобой поговорить об Осикове Арсении Захаровиче, – сказал Максим, вдыхая сигаретный дым, – как давно вы знакомы?

«Почему он о нем заговорил? Это просто так, или он что-то знает? Что он задумал?» Мысли забегали по периметру, наскокивая друг на друга, более сильные безжалостно топтали слабых. Изобразить равнодушие мне удалось с невероятным трудом.

– Не так давно. Моя мама планирует сделать его самым счастливым человеком на земле, а я вроде как не против.

– А где твоя мама с ним познакомилась?

Пожалуй, в данном случае сгодится полуправда.

– В подъезде, кажется: она увидела его, и все.

– Что – все?

– Случилась любовь с первого взгляда. Это когда стрела Амура вспарывает сердце и застревает там на всю оставшуюся жизнь, срастается с мясом и с вечной мечтой о взаимности. Вы перестаете есть и спать, друзья вас не узнают, вы радуетесь по пустякам и практически ничего не слышите.

Максим тяжело вздохнул.

– Насколько их отношения серьезны?

– Если Осиков не женится на моей маме после всего, что между ними было, я начну считать его непорядочным человеком. – Я еле сдержалась, чтобы не засмеяться.

– Он принимал участие в выборе маршрута вашего путешествия?

«Так я вам правду и рассказала, вы еще про бриллианты спросите... бриллианты... может, они их все же нашли, и теперь Максим плавно подводит меня к этому... нашли они их или нет? А может, в той коробке лежит что-то, что указывает на Арсения Захаровича... например, его старый паспорт... тьфу, от Осикова всего можно ожидать!»

– А чего тут выбирать, доктор порекомендовал маме здешний климат, мы сюда и приехали.

– Каждый раз, когда я слышу эту байку, у меня начинает болеть голова.

– Это у вас климакс, у мужчин он тоже бывает, как раз в вашем возрасте...

Максим посмотрел на меня, опять тяжело вздохнул и принялся дальше терзать меня вопросами.

– Что ты о нем знаешь?

– Что Арсений Захарович скрасит старость моей маман. Через десять лет мне не придется на своей нервной системе выносить ее старческий маразм, потому что для этого у нее будет маленький пухлый Осиков. Мне кажется, этого уже достаточно, чтобы я прониклась к этому человеку любовью и уважением.

– Получается, твоя мама собирается выйти замуж за человека, о котором ты ничего не знаешь?

– Да, – охотно кивнула я.

– И тебя это не беспокоит?

– Нет, я больше беспокоюсь за Осикова: выдержит ли его сердце мою маман? Это же не я за него замуж выхожу, у них любовь, зачем же

я полезу со своими вопросами, моя мама совершеннолетняя, так что сама несет ответственность за свою жизнь.

– Арсений Захарович Осиков сидел в тюрьме.

Тоже мне новость, очень вы, Максим Сергеевич, меня удивили.

– Ну и что?

– Ты даже не спросишь меня, за что он сидел?

– Только не говорите, что он маньяк-убийца, не поверю, или, может, он брачный аферист, было бы забавно.

Я захихикала. Интересно, какие данные пришли Максиму на меня, хотя что тут интересного – я-то нигде не сидела, похвастаться нечем.

– У него статья за воровство.

Да я вам даже больше скажу: воровал он не по мелочи, а вагонами, вот такой романтик у нас Арсений Захарович.

– Я так понимаю, что, отмотав срок, он свою вину перед обществом искупил, – я равнодушно пожала плечами. – А так как у мамы вообще нечего стащить, то и волноваться тут особо не стоит. Совет им да любовь.

«Удачно выкрутилась, вроде и не соврала, что знаю про тюремное заключение будущего родственника, и вроде разговор поддержала».

– Пожалуй, – сказал Максим, – я проверю, а не сидел ли он в тюрьме вместе со Служаковым.

– Обязательно проверьте, – сказала я, пружиня шаг.

«Я же знаю, что не сидел, так что давайте, проверяйте, флаг вам в руки! Даже забавно, как много всего крутится рядом, но все же не пересекается, пока не пересекается... Надо бы плавно сменить тему».

– А почему вы проверяете всех, кроме Галины Ивановны? – спросила я. – Вам не приходит в голову, что она сама могла украсть кольцо?

– Пока я это только учитываю, – ответил Максим, – особо же эту версию не рассматриваю.

– Почему? К богатым иной подход?

– Зачем ей это? Если только ради страховки? Но слишком большой риск, чтобы получить на свою голову столько проблем – состоятельной женщине вряд ли это нужно.

– Она не богата, – сказала я, – спустила все деньги на любовника, теперь еле концы с концами сводит.

Максим остановился.

– Откуда ты знаешь?

– Подслушала, – мило улыбнулась я.

– Давай подробнее, – потребовал Максим.

– Наверное, вы очень удивитесь, если узнаете, что кольцо вообще не застраховано. Все деньги, которые Виктор Иванович выделил на это, Галина Ивановна отдала Евгению Романовичу на поднятие его бизнеса. Но его бизнес – это бездонная яма... Он по-прежнему разорен, кольцо не застраховано, а она осталась ни с чем.

– А я-то думал, почему до сих пор никто не приехал из страховой компании... терпеть не могу, когда кто-то крутится под ногами, только поэтому особо не задумывался над этим...

– Я бы на вашем месте еще раз поблагодарила меня.

– Спасибо, – расплывшись в улыбке, ответил Максим, – вот только почему ты мне сразу не рассказала об этом?

– Стеснялась.

– Не сомневаюсь. Значит, Галина нуждается в деньгах...

– Да. Ей теперь нужны средства не только на любовника, но и на свой бизнес. К брату она обратиться не может, тогда вообще все откроется и ей придется признаться, что часть его денег, и немалую часть, она подарила Евгению Романовичу. Вряд ли Виктору Ивановичу это понравится.

– Ты права.

– Вот и получается, что колье для Галины Ивановны – штука совсем не лишняя. Как она могла не слышать шума в комнате, где был вор? Вы что сами-то об этом думаете?

– Она все же могла крепко спать; согласен, ящик разворотили грубо, но, возможно, это делали тихо и осторожно.

– Пусть так. А вот если это сделала все же не она, почему вора не беспокоило, что в комнате кто-то спит?

– Людей, способных на убийство, такие «мелочи» не волнуют. Ну, проснулась бы она не вовремя, преступник бы ее задушил, и все, даже пикнуть бы не успела. Такое происходит сплошь и рядом.

Кто из тех, кого я знаю, мог бы вот так просто убить? Почему-то в голове всплыл только образ Степана. У него такой тяжелый взгляд...

– В ту ночь, когда убили Служакова, ты искала кота; вспомни, может, тебя что-нибудь удивило, что-то тебе не понравилось, может, ты

что-то видела, но не придала этому значения?

Я вспомнила, как загорелся свет в окне Юрия Семеновича...

– Нет, ничего такого.

Почему я соврала? Не знаю.

Мы подошли к участку, Максим открыл калитку и пропустил меня вперед.

– Вы скажете Виктору Ивановичу про страховку?

Он кивнул.

– Ругаться, наверное, будет, – мечтательно сказала я.

– Денег Галине точно больше не видать, да и этого проходимца Евгения пора прижать к стенке.

С чувством выполненного долга я подошла к скамейке и машинально обернулась в сторону охотничьего домика... на его двери висел замок.

Глава 32

Девчонки штурмуют крепость – а еще говорят, что нет женской дружбы!

Мое хладнокровие меня не подвело.

Да, мне захотелось заорать, убить кого-нибудь, разбить фамильный сервиз (хорошо, что у меня его нет), схватить лопату,

валяющуюся рядом со скамейкой, и лупить по бревнам как минимум до утра. Но я просто зевнула и пошла в дом.

«Замуровали, значит, мою гробницу... негодяи! Мне теперь что, учиться ходить сквозь стены? Спокойствие, только спокойствие – как завещал великий Карлсон».

Нырнув в кухню, я сразу же натолкнулась на свою вечную мучительницу.

– Где тебя носит? – радушно встретила меня Екатерина Петровна. – Очень ты много себе позволяешь!

Все, как всегда.

За столом сидел Евгений Романович и пил чай. Не торопясь, он разламывал обсыпанный маком бублик, макал его в чашку с медом и нес ко рту, роняя янтарные капли на розовую скатерть.

– На допросе была, – бросила я. – Максим Сергеевич мучил в поисках правды.

– Это правильно, выведут тебя, голубушку, на чистую воду, – сказала Екатерина Петровна, придвигая бублики и аппетитные пирожные поближе к Евгению Романовичу.

Он деловито взял эклер и практически целиком засунул его в рот, с вождением посмотрел сначала на кокосовый бисквит, а затем на меня.

– Больно ты вертлявая, – сказал он, – я бы такой не доверял.

Дюймовочка кинула на него взгляд, переполненный обожания и уважения.

– Хотя... в этом есть своя прелесть, – добавил он, облизываясь.

Екатерина Петровна поджала губы.

– А я на вашем месте не ела бы столько сладкого, вы и так – весьма жирная персона, подойдите как-нибудь к зеркалу и полюбуйтесь на себя! – Я отобрала у него остатки эклера и шмякнула обратно на тарелку. – Лоснитесь уже от праздного образа жизни, – добавила я, глядя, как лицо Екатерины Петровны стало медленно вытягиваться.

«А что мне терять? Даже домик, и тот заколотили... да и не уволят меня уже, меня вон дальше ворот без охраны не выпускают... боятся, что я кого-нибудь убью, наверное».

– Ты что себе позволяешь, нахалка? – дожевывая эклер, изумленно спросил Евгений Романович.

– Я пекусь исключительно о вашем здоровье: вы знаете, сколько мужчин умирают в вашем возрасте от ожирения? Сердце, печень, почки, легкие... все это заплывает жиром и медленно гибнет, и вот наступает момент, когда вы пытаетесь глотнуть воздуха и не можете – жир сдавил горло, а все ваши органы удушены раз и навсегда.

Евгений Романович поперхнулся и закашлял. Это правильно, есть о чем задуматься.

– У вас какой рост? – сладким голосом поинтересовалась я.

– А что? – испуганно просипел Гоблин.

– Хочу представить: могли бы вы дать кому-нибудь по голове камнем? Вот, например, тому парню, что погиб в лесу, не успев сделать много добрых дел на этой земле.

Екатерина Петровна, понимая, что еще немного – и меня уже будет не остановить, сунула мне в руки ведро и скомандовала:

– Иди и протри двери, хоть что-то путное сделай.

– Не буду, – мотнула я головой, – так какой у вас рост, Евгений Романович?

Но тут послышались крики... и принадлежали они Галине Ивановне... Мы все выскочили в коридор. Зареванная женщина сбегала по лестнице, нервно размахивая руками.

– Ты не поймешь меня, ты меня никогда не понимал! – кричала она.

Воронцов молча стоял наверху и смотрел ей вслед. Быстро же Максим донес информацию.

– Я тебя не интересую вообще! У тебя есть только твоя работа! – продолжила Галина Ивановна. – И деньги, деньги, эти чертовы деньги!

Хлоп! Она вылетела на улицу, громыхнув дверь.

– Я бы на вашем месте, Евгений Романович, догнала возлюбленную, а то, кто знает, может, она вам денег больше не даст, – тихо сказала я. Не очень тихо, хотелось же, чтобы все услышали.

Противный Гоблин уже собрался было меня прибить, но вдруг до него дошло то, о чем я сказала. Помедлив пару секунд, он выбежал вслед за Галиной Ивановной. А никто и не сомневался в том, что любовь способна сдвинуть горы.

Я взяла тряпку, ведро и отправилась мыть двери. Мысли мои витали над охотничьим домиком, и мыслей этих было очень много. «Предположим, что Максим с Воронцовым не нашли бриллианты, а это, скорее всего, так и есть, иначе запирать домик не было бы никакого смысла... Они не разгадали загадку и решили ее временно замуровать. Но мне-то что делать? Осиков, наверное, с ума сойдет, когда узнает о случившемся... девчонки тоже не обрадуются... а ведь победа была так близко...

Не так уж мне и нужны эти бриллианты... но, с другой стороны, мы с девчонками сможем открыть собственное дело, они так хотят этого... да и все же, когда еще будет такой шанс?..»

– Аня, зайди ко мне, – раздался голос Воронцова.

Я распалась на миллионы частиц, превратилась в легкий воздух и теплым облаком влетела в его комнату. Усилием воли собрала себя обратно в нечто мыслящее и говорящее и села в кресло.

Максима не было – уже хорошо, за последнее время у меня создалось такое впечатление, что он присутствует везде. Виктор стоял напротив меня и размышлял. Интересно, о чем? Наверное, его думы приблизительно выглядели так: то ли посадить ее на колени и поговорить с ней, как с женщиной, с которой можно прожить долгую и счастливую жизнь и умереть в один день... то ли не обольщаться и не доверять. Он, похоже, выбрал второе.

– Ты где-то ходишь целый день... никак с тобой не поговорю.

– Я с Максимом прогуливалась, помогала следствию.

– Каким образом? – улыбнулся Виктор и сел за стол.

– Делилась информацией, ничего-то у него не получается без моего активного участия.

– Может, ты и мне захочешь что-нибудь рассказать? – каштановые глаза сверкнули.

«Вот оно, дурное влияние Максима, наслушался его, теперь мне опять целый час выкручиваться... а хочется-то заниматься совсем другим...» Я нейтрально пожала плечами.

– Ты ведь приехала сюда не случайно?..

– Не случайно.

– Ты скажешь мне, зачем?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в данном случае мне лучше промолчать.

– Если бы я узнал правду, это бы меня расстроило?

Я медлила с ответом.

– Думаю, да, – ответила скрепя сердце.

Виктор встал и подошел к окну.

– Может быть, сейчас та минута, – сказал он, – когда нужно поверить друг другу.

«Вот сейчас я ему скажу, вот сейчас я ему все скажу...»

– Мне кажется, к тебе пришли гости, – вдруг произнес Воронцов.

Я подскочила к окну – около забора стояли Солька и Альжбетка, и у обеих был весьма воинственный настрой.

Альжбетка гневно постучала кулаком по воротам, Солька ритмично пинала их ногой.

До чего же я люблю своих девчонок! И преграды-то им – не преграды. Только вот что их принесло сюда?..

Воронцов открыл окно и громко спросил:

– Какими судьбами, девочки?

– Мы за Анькой пришли, отдавайте ее нам! – крикнула беременная учительница ботаники, помахивая в воздухе кулачком.

Вот это да!

– А вот не отдам, – ответил Воронцов и начал смеяться, – она мне самому нужна!

Сердце запрыгало от радости. Немного отодвинув любимого в сторону, я просунула голову в распахнутое окно.

– Что случилось?

– Анька, не волнуйся! – заорала Альжбетка, ввинчивая каблуки в землю. – Мы тебя отошьем у них! Мы так просто не уйдем!

– Я, пожалуй, спущусь, – сказала я Воронцову, направляясь к двери.

– Позови их в дом, – улыбнулся он, – мне кажется, я по ним соскучился.

Девчонки, увидев «узницу», возликовали. Солька повисла у меня на плече, а Альжбетка смахнула несуществующую слезу со щеки.

– Это что за революция? – спросила я, вылезая из их цепких объятий. – Хотя, надо сказать, подготовились вы плохо, где лозунги, где транспаранты? Вот сразу видно, что нет у вас идейного лидера.

– Так мы спасти тебя пришли, – выпалила Альжбетка, – вот не верила я раньше в то, что наши правоохранительные органы применяют силу, но теперь...

– У тебя следы остались? – важно поинтересовалась Солька. – Мы будем свидетелями, все запротоколируем и подадим на них в суд. Мы на тебе еще кучу денег заработаем, вовек не расплатятся!

Ничего не понимая, я потащила девчонок в свою комнату.

– Следы от чего? – спросила я, преодолевая ступеньки.

– От наручников, – хором ответили подруги.

– От каких еще наручников?

– Ну так ты же сказала, что Максим этот Сергеевич тебя к дереву приковал и выбивает из тебя показания, – объяснила Солька, рассматривая мои запястья.

Отсутствие следов на моих руках ее явно расстроило.

– Мы пришли тебя спасти! – гордо объявила Альжбетка.

Мне было даже жалко признаваться в том, что это была шутка – такая замечательная забастовка пропала зря.

– Хочу вас разочаровать, девочки, – вздохнув, сказала я, – но силу никто не применял, это я слегка пошутила.

– Не волнуйся, – в Солькином голосе появились жалостные нотки, – мы понимаем, что он тебя запугал. Не бойся, мы этого так просто не оставим!

– Да! Пусть не думает, что раз у него есть красенькое удостоверение, то ему все можно! И на него управа найдется! – поддержала ее Альжбетка и добавила тише: – А какой он, когда приковывает наручниками?

– Что за шум? – в комнату вошли Максим и Воронцов.

– Да вот, явились меня спасать, – охотно ответила я, – я же не сирота какая-нибудь.

– Ты в этом нуждаешься?

– А не надо было приковывать меня наручниками к березе, – развела я руками.

Воронцов с недоумением уставился на Максима.

– Что? Я этого не делал!

– А это вы теперь объясните им, – кивнув на девчонок, сказала я и, не сдержавшись, захохотала.

Альжбетка с Солькой вопросительно посмотрели в мою сторону, а Воронцов, видно, поняв, что у него в гостях – филиал сумасшедшего дома, тяжело вздохнул, улыбнулся и сказал:

– Значит, так, через полчаса приглашаю всех к столу, я очень рад, что вы, девочки, нас навестили.

Глава 33

Замаскированный допрос, и, кажется... я знаю, кто это...

– Вы тут нашу Анну и не думайте обижать, – сказала Солька, накладывая на тарелку четвертую порцию салата, – мы ее в обиду не дадим.

– Меня бы кто от нее спас, – улыбнулся в ответ Максим.

– Анька – удивительный человек, – поддержала подругу Альжбетка, – другой такой просто нет.

Манию величия я сдерживала с большим трудом, очень хотелось задрать нос кверху и потребовать, чтобы отныне ко мне обращались со

словами «Ваше величество».

– В этом уж я точно не сомневаюсь, – кивнул Максим, цепляя на вилку ломтик ветчины.

– Не волнуйтесь, девочки, уверен, Ане у нас хорошо, – вмешался Воронцов.

– Ага, – наконец-то и я влилась в разговор, – мне здесь просто чудесно.

«Вот бы только Екатерину Петровну отправить в Москву вместе с Галиной Ивановной и Евгением Романовичем, еще бы Максим уехал с Юрием Семеновичем, и тогда мне бы тут было просто чудесно... наедине с Воронцовым».

– А как вам здесь? Нравится отдыхать? – спросил Максим.

Какой заботливый...

– Нормально, вот только Анькина мама – не подарок, – пожаловалась Солька, – очень уж она своеобразная женщина.

– Но у нее плохо со здоровьем, – пнув учительницу ботаники ногой под столом, добавила Альжбетка, – мы здесь, собственно, из-за этого.

– Знаю, знаю, – засмеялся Максим. Никак он не хотел нам верить.

– А вообще, здесь очень мало мужчин, поэтому лично я чувствую себя одиноко, – томно сказала Альжбетка. Выковыряла из салата кубики картошки и отодвинула их на край тарелки (такую калорийную пищу она никогда не уважала), – а вы тут не страдаете без общества женщин?

– Очень страдаем, – заверил Максим.

– Мне кажется, это надо как-то исправить.

Давай, Альжбетка, загони его в угол!

– Вот вы, Максим, что делаете сегодня ночью? – спросила она, делая контрольный выстрел глазами.

– У меня накопилось очень много работы...

– Так много работать нельзя, это я вам как учительница ботаники заявляю, – влезла в разговор Солька, – от этого у мужчин...

Тут она смутилась – не каждый может свободно разглагольствовать о пестиках и тычинках.

– Что у мужчин? – поинтересовался Воронцов, догадываясь, чем может закончиться эта фраза.

– От этого у мужчин бывают проблемы, – полагая, что выкрутилась, гордо заявила Солька.

– Проблемы с чем? – поддразнил Максим.

– С пестиками, – пришла я на помощь подруге.

Солька закашлялась, а Альжбетка с выражением глубокой заботы и искренности на лице стала колотить ее по спине.

Максим почти ничего не ел. Наверное, полагал, что в данный момент он находится при исполнении служебных обязанностей и отвлекаться на ерунду не имеет права.

– У вас тут хорошо, – повертевшись, сказала Альжбетка. – Уютно и комфортно.

– Спасибо, – ответил Воронцов, – вы приходите почаще.

– Раз вы разрешаете, то мы теперь каждый день приходиться будем, – радостно заверила всех Солька, – у вас тут вообще вкусно кормят.

В сто первый раз она внимательно изучила стол, явно раздумывая, что бы еще положить на тарелку. Увидев салат с кальмарами, счастливо улыбнулась и схватила ложку.

– А что же вы не взяли с собой мужчин? – спросил Максим.

Вот ведь землекоп неугомонный!

– А зачем они нам? – жуя кусок колбасы, спросила Альжбетка.

– Вы же подругу шли отбивать, разве мужская сила вам не понадобилась бы?

Ах ты, вредный Максимка!

– Да чтобы мы Аню сами не защитили?! – воскликнула Солька, демонстративно отодвигая тарелку. – Быть такого не может. Вы вообще в следующий раз хорошенько подумайте, прежде чем ее обижать!

На этом, посчитав, что она уже достаточно повозмущалась и выплеснула нужную порцию гнева, она решительно придвинула тарелку к себе обратно. Молодец!

– Да не обижал я ее, – заулыбался Максим.

– Не волнуйтесь, девочки, у нас тут все мирно, – я с вызовом посмотрела в его глаза.

– А как дела у Арсения Захаровича? – тут же задал вопрос милый следователь.

– А вы почему интересуетесь? – подозрительно спросила Альжбетка, и теперь уже Солька пнула ее ногой.

– Приятный человек, просто интересно, – ответил Максим, делая равнодушный вид.

Не верьте ему, девочки, не верьте!

– У него все хорошо, готовится к свадьбе, – ответила Солька.

– Каким образом? – поинтересовался Виктор Иванович.

– Так он много спит и ест, – пожала плечами Альжбетка, – потому не до этого будет.

– Вас с ним Аня познакомила? – ненавязчиво поинтересовался Максим.

Он посмотрел на меня слегка иронично – мы оба понимали, что происходит.

Образовалась секундная пауза, девчонки явно были в замешательстве.

– Извините, – вскочила Солька, – но меня сейчас вырвет!

Она с грохотом отодвинула стул и пулей полетела в сторону туалета. Я еле сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху. Вам, Максим Сергеевич, похоже, не переиграть моих соратниц.

– Вы же знаете, – делая смущенное лицо, сказала я, – наша Ефросинья в положении, она готовится стать матерью.

– Я столько над этим думаю, – откидывая челку со лба, пробормотала Альжбетка, – ну как же это могло произойти?

– Наверное, – усмехнулась я, – таким же образом, как и у всех.

– Не скажи, – мотнула она головой, – у учительниц ботаники это должно происходить как-то иначе.

– Уверяю тебя, – засмеялась я, – все, как обычно.

– Пожалуй, мне надо еще над этим подумать, – Альжбетка хмуро сдвинула брови и положила на тарелку кружочек помидорки.

– А ты почему так мало ешь? – спросил Воронцов.

– Слежу за фигурой, – с гордостью ответила Альжбетка.

Солька, непрерывно закатывая глаза (все должны были понимать, как ей тяжело справляться с токсикозом), вернулась за стол.

– Извините, – еще раз вздохнула она.

– Может, воды? – заботливо предложил Воронцов.

– Нет, спасибо, я лучше мяса с салатиком. – Солька прошла по мисочкам уже по пятому кругу, и на ее тарелке образовывалась гора, напоминающая египетскую пирамиду. – Мне надо много кушать, – уверенно сказала она и заработала вилкой.

Все понимающе посмотрели в ее сторону.

– Так как вы познакомились с Арсением Захаровичем? – еще раз спросил Максим.

– Извините, – тут же среагировала Солька и опять выскочила из-за стола. Зажала рот руками и часто-часто хлопала ресницами.

– Я бы на вашем месте сменила тему, – посоветовала я, – мне кажется, у бедной Сольки токсикоз на Арсения Захаровича.

– Да, такое бывает, – закивала Альжбетка, – а еще у нее токсикоз на Марию Андреевну и Вероничку.

Максим усмехнулся. Он хотя и понимал, что это все – хорошее представление, но заставлять Сольку постоянно бегать из-за стола в туалет не мог.

– А вот скажите, – томно заговорила Альжбетка, – вы многих посадили в тюрьму?

– Порядочно, – кивнул следователь.

– И как?

– Что – как?

– Эти люди приходят к вам в кошмарных снах?

– Нет, – засмеялся Максим.

– А вот если бы вы нас посадили, мы бы к вам постоянно приходили, – заверила Альжбетка, – а я так по два раза за ночь.

– Тогда этот сон вряд ли был бы кошмарным, – галантно ответил Максим.

Фу, дешевый прием.

Альжбетка сразу поправила волосы и забарабанила пальцами по столу. Наверняка она уже сегодня планировала влезть в его сон, который (можно даже не сомневаться) все же станет убийственно-жутким. Учительница ботаники вновь вернулась на место, одарила меня довольной улыбкой и принялась за трапезу – кушай, моя маленькая и любименькая Солька!

– А когда же вы найдете преступника? – спросила Альжбетка.

– Да уж, плохо работаете, товарищ следователь, – жуя, проговорила Солька.

– Это дело времени, – ответил Максим.

– Не волнуйтесь, – заверил Воронцов, – мой друг в своем деле – лучший.

«Ага, как же, ходит кругами вокруг меня, нет, чтобы делом заниматься».

Через часик девчонки засобирались – пройтись к реке, и я взялась их немного проводить. Максим с Воронцовым хотели составить нам компанию, но я, мягко говоря, осерчала (могу я побыть с девчонками хоть двадцать минут наедине?!), и нас оставили в покое.

– Он точно тебя не обижает? – спросила у ворот Альжбетка.

– Да нет, выпрашивает и вынюхивает только, – ответила я.

– Это видно, – тяжело вздохнула Солька.

– Ты молодец, – похвалила я ее.

Учительница ботаники гордо вздернула нос.

– А как у тебя с Воронцовым? – спросила Альжбетка.

– Все как надо, – смущенно потупила я взор.

– Да ты что! – воскликнули девчонки.

– Ага, – кивнула я, – вы идите, а я хочу немного прогуляться, потом поболтаем.

– Ты, если что, сразу звони или пиши, – строго сказала Солька, поглаживая свой живот. Наелась она, наверное, на сто лет вперед.

– Обязательно.

Девчонки, сытые и радостные, отправились к реке, а меня же ноги понесли в лес. Не было мне покоя, как магнитом туда тянуло. Где, где разгадка всего этого?..

Обойдя участок, я опять оказалась на месте, где недавно лежал убитый Служаков – пусто, по-прежнему ничего интересного не зацепило глаз. Я направилась в лес, поддавая ногой облетевшие листья.

– Здесь я пряталась, укутавшись в плед, – тихо сказала и свернула с тропинки. Вспомнились ощущения холода и страха.

Маленькая канавка и муравейник, сломанная береза и пенек, обросший мхом... Подняв с земли тоненькую веточку, я стала ее разглядывать. Холодная, сухая веточка. Я перепрыгнула через яму и обернулась – роскошный дом Воронцова виднелся среди деревьев. Какая-то птица издала резкий звук, и я вздрогнула. Глупо.

Небольшая полянка, дальше – стройный ряд елок. Земля усыпана иголками, кругом сухо, а ветки так переплелись, что совсем не просто пробраться через эту живую изгородь.

– Не пойду туда, неохота царапать руки и лицо, – поежилась я.

– Мя-я-я-у-у-у... Мя-я-я-у-у-у...

Такие звуки мог издавать только кот. Я улыбнулась – это наверняка верный друг деда Остапа. Сейчас я тебя поймаю, голубчик!

Посмотрев на елки, я повернулась к ним спиной, закрыла лицо руками и, подглядывая в щелочки между пальцами, с большим трудом стала пробираться задом сквозь плотную стену веток. Пахло грибами, хотя, наверное, их сезон уже прошел. Мя-яя-уу-у. Где же ты?

...Я почти прошла это место, но остановилась и обернулась...

Под одной из елок почва была перемешана с иголками – как-то это выбивалось из общей картины: кто-то совсем недавно был здесь. Я подошла, наклонилась и, подняв маленький комочек земли, раскрошила его пальцами. Ну что ж, будем рыть... Хорошо, что у меня не такой маникюр, как у Альжбетки, – не жалко ногти ломать.

Земля была мягкая, пушистая и поддавалась легко. Практически сразу я наткнулась на целлофановый пакет и потянула его на себя: добыча оказалась в моих руках. Я уже догадывалась, что это. Осторожно развернула пакет и усмехнулась – рисунок на нем мне был хорошо знаком... В руку упало такое холодное и такое красивое кольцо – бриллиант «Живая слеза» смотрел на меня, переливаясь и мерцая.

– Привет, – прошептала я и подмигнула ему, – вот мы с тобой и встретились.

Помнится, Галина Ивановна говорила, что ничего не слышала в ту ночь, когда у нее украли кольцо... Она не оплатила страховку... У Служакова нашли футляр...

Мои мысли выстраивались в ровную и четкую линию, я почти уже знала, кто преступник, мне нужна была еще лишь капля, лишь капля, чтобы назвать имя этого человека.

Я отшвыривала ногами комья земли, вновь перебирала их руками, осматривала каждый миллиметр, каждую кроху... И вот оно – доказательство! Оно лежало и смотрело на меня, слегка помятое и грязное. Я подняла эту вещичку с земли, рассмотрела и вдохнула такой знакомый запах...

Мя-я-я-у-у-у. Я резко обернулась. Серый кот с большими умными глазами внимательно смотрел на меня, плутовато помахивая хвостом.

– Спасибо, дружище, – сказала я, сжимая в руке «Живую слезу».

Глава 34

Три вопроса от Максима

– Это что? – спросил Евгений Романович, тыча толстым пальцем в замершего посредине гостиной кота.

– Это Тиша.

Кот, увидев противного Гоблина, фыркнул и явно разозлился (как я его понимала!).

– Где ты его взяла? Он заразный?

– Я думаю, Евгений Романович, что на вас заразы куда больше, чем на этом милом создании, я бы даже сказала, что вы целиком и полностью

представляете собой одну сплошную заразу.

Евгений Романович сжал кулаки. Шерсть на спине Тиши встала дыбом, белые клыки предупреждающе клацнули, а прищуренные глаза блеснули ненавистью. Перепуганный Гоблин чертыхнулся и заспешил в кухню.

Это хороший кот, не зря его дед Остап так любит. Взяв Тишку на руки, я погладила его по голове – он заурчал и заерзал от удовольствия.

– Поднимись к Воронцову.

Обернувшись, я увидела на лестнице Максима.

– Мы хотим с тобой поговорить, – как-то слишком тихо добавил он.

– Я возьму его с собой, – сказала я, прижимая кота.

– Бери.

Не нравилось мне это, но надо было идти...

По атмосфере, царившей в комнате, я поняла, что Судный день настал. Максим указал мне на кресло, но я мотнула головой – положительные герои никогда не завязывают глаза перед мушкетами и никогда не надевают колпак на голову перед виселицей. Свою судьбу я планировала встретить стоя.

Я положила кота в кресло, но он в знак солидарности спрыгнул на пол и занял место рядом со мной. Хвост поднят, глаза, как щелки. Отлично, теперь нас двое на двое.

– Это что за кот? – поинтересовался Максим, облокачиваясь о подоконник.

– Я вам про него рассказывала, я так долго искала его, и вот повезло. Завтра отнесу Тишку деду Остапу.

– Надо же, – улыбнулся Максим, – реальный кот. Я бы не удивился, если в последний момент оказалось бы, что единственный старик в деревне – и тот в сговоре с тобой.

Воронцов кинул на Максима напряженный взгляд, наверное, он велел меня не обижать.

– Аня, – мягко начал Воронцов, – я понимаю, что не всегда просто признаваться в некоторых вещах... Но я очень надеюсь на твою откровенность.

– Отлично, – кивнула я головой.

– Ты имеешь какое-нибудь отношение к похищению кольца «Живая слеза»? – спросил Максим.

– Нет.

– К убийству Служакова?

– Нет.

«А не так уж и сложно отвечать правдиво на вопросы, пусть еще задает, мне даже нравится», – подумала я.

– Ты знаешь, где сейчас находится кольцо?

– Да.

Воронцов с Максимом переглянулись и с безграничным изумлением уставились на меня.

А что вы хотели, я, к вашему сведению, ерундой не занимаюсь, безвинных девушек не преследую, вопросы глупые им не задаю – мне некогда. Вот поэтому и знаю то, чего не знаете вы.

– Как? – не понял Максим.

– Очень просто, – хороший такой, развернутый ответ.

– Ты хочешь сказать, что ты знаешь, где кольцо «Живая слеза»?!

Вот зачем меня переспрашивать, я вполне нормальный человек, у меня даже есть высшее образование по специальности «Экология и охрана Мирового океана», это-то что-нибудь да значит?!

– Да.

– И как давно ты знаешь об этом?

– Недавно.

– И где же кольцо? – спросил Максим.

– Пока я не могу открыть этот маленький секрет.

– Аня, скажи, настанет когда-нибудь такой день, когда ты перестанешь меня удивлять? – спросил Воронцов, нервно постукивая карандашом по столу.

– Настанет, – охотно пообещала я, – года через три после моей смерти.

– Что ты еще знаешь? – устало выдохнул Максим.

– Все, – пожала плечами.

Кот издал утвердительное «мяу» и потерся о мою ногу.

– Может быть, ты знаешь, кто убил Служакова?

– Знаю, Максим Сергеевич.

– Аня, я прошу тебя, сядь, – схватился за голову Воронцов. – Я хочу, чтобы ты спокойно рассказала обо всем. Пойми, это опасные игры, и опасность уже наверняка направлена в твою сторону.

Он беспокоился обо мне – мило, очень мило!

– Вовсе нет, пока я молчу, меня не за что убивать, – сказала я и, не выдержав, хихикнула.

– Если бы ты знала, – вздохнул Виктор, – как мне тяжело быть добрым.

– Немедленно все рассказывай! – потребовал Максим.

– Нет, – покачала я головой, – не все так просто. Я предлагаю вам сделку.

– И что же требуется от нас?

– Вы позволите мне сходить в охотничий домик и забрать свои вещи.

– Какие вещи у тебя там лежат? – спросил Максим.

– Это не важно. Я заберу то, что посчитаю нужным. Затем вернусь и расскажу все, что мне известно относительно кольца и убийства Служакова.

У меня не было другого выхода, просто не было. «Домик заперт, через пару дней мы уедем... Если я просто заберу коробку, они и не узнают, что в ней...»

– Хорошо, – после некоторых размышлений сказал Виктор. Достал из кармана связку ключей, выбрал один и протянул мне.

Мы встретились взглядами, и я отвела глаза.

– Иди, – поторопил Максим, – мы будем ждать тебя здесь.

Дверь, лестница, гостиная, снова дверь, еще одна – я на улице. Ноги пружинили, а сердце колотилось. Я подошла к охотничьему домику. Ключ с легкостью открыл замок.

Провела рукой по дверному косяку, взяла стул и потащила его к кровати. Залезла на него и подняла голову – балка пуста, коробки нет. Они обманули меня, так просто и легко обманули!

В комнату Воронцова я вернулась, злая и растерянная одновременно. Кот сидел рядом с креслом, увидев меня, он искренне обрадовался – подскочил и протяжно мяукнул.

Максим улыбался – гад! Виктор курил.

– Ты взяла все, что хотела? – спросил следователь, который в эту минуту уже не казался таким милым, как раньше.

Я промолчала.

Воронцов открыл верхний ящик стола и положил передо мной коробку. Ткани на ней уже не было, из чего я сделала только один вывод – они знают, что там внутри.

– Ты же за этим сюда приехала? – холодно спросил он. – Ты это искала, не так ли?

– Однажды мы с тобой договорились, что ты ответишь честно на три моих вопроса, – сказал Максим.

Как же, забудешь такое!

– Было дело.

– Так вот, я хочу тебя о многом спросить, и надеюсь на то, что ты не будешь вилять из стороны в сторону.

– Не буду, спрашивайте.

Терять-то уже нечего.

– Кому принадлежат бриллианты?

– Осикову, мне, Сольке и Альжбетке.

От этих слов они погрузились в глубокий шок. Максим, казалось, даже не знал, о чем меня теперь спрашивать. Настроение у меня сразу же улучшилось – остались только два вопроса, а помимо бриллиантов,

впереди маячили еще колье и убийца Служакова... Что, растерялись, товарищ следователь?

Мои мысли стали плести липкую паутину. Я запрещала себе думать о Викторе, но тем не менее думала: «Можно ли все исправить... признаться ли сейчас во всем... ну, не будет у нас денег, ну и что?.. Но... это же битва, и я должна победить...»

– Как эти бриллианты оказались здесь?

– Много лет тому назад Осиков отдал коробку на хранение Селезневу, покойному мужу Галины Ивановны. Селезнев не знал, что там, и она просто пылилась, пока не пришло время за ней приехать.

– Так как Осиков сидел в тюрьме, то предположу, что эти бриллианты краденые, – сказал Максим.

Я молчала, кот молчал тоже – полная солидарность.

– Где колье «Живая слеза»?

Это был последний вопрос Максима, на который я должна была ответить.

– У меня, в надежном месте.

Все. Я свободна от обязательств.

– Это не ответ.

– Надо было лучше задавать вопрос, – пожала я плечами.

– Почему именно ты пришла сюда за этой коробкой? – спросил Воронцов.

– Потому что я ни на кого больше положиться не могу, только на себя.

– Ты должна вернуть кольцо и рассказать нам все, что ты знаешь об убийстве, – потребовал Максим.

– Согласна, собственно, я это и собиралась сделать, вот только есть один маленький нюанс, – я склонила голову набок и улыбнулась – такой маленький шаловливый ребенок... – Я предлагаю вам сделку: кольцо и убийца в обмен на эти бриллианты, – добавила я, показывая на коробку.

С минуту они молчали, наверное, думали, что я совсем обнаглела. Может, так оно и есть, но только ничего уж тут не поделаешь – не могу я проигрывать!

Максим посмотрел на Воронцова.

– Ты можешь забрать это, – сказал Виктор, вынимая из коробки мешочек с бриллиантами.

«Не нравится мне, как я поступаю... и я боюсь даже думать о том, что он и так бы мне отдал их...» – мелькнуло в голове.

Я достала из заднего кармана джинсов кольцо и положила его на стол. Вообще только ради этой секунды стоило все это провернуть. У Максима были такие глаза, что я еле сдержала рвущийся на свободу хохот.

– Ты его все время носила в кармане?! – спросил он.

– Да, – с легкостью ответила я.

Ну и что, что я нашла его полчаса назад? Мне нравилось их шокировать, я просто не могла отказать себе в таком маленьком удовольствии.

– Ты ненормальная! – выдохнул Максим.

– Я в этом уже давно не сомневаюсь, – кивнул Воронцов.

– Уж какая есть, – с гордостью сказала я.

– Где ты его взяла? – потребовал подробностей Максим.

– В лесу за домом. Там есть небольшой лесок из елок, вот там и нашла. Увидела, что земля разрыта, и как-то потянуло посмотреть повнимательнее.

Я рассказала, как нашла кольцо, не забыв отметить особые заслуги Тиши. Кот сидел около моих ног и время от времени зевал, изображая полнейшее равнодушие. Но уверена, он считал себя самым главным персонажем в этой истории.

– Как оно было упаковано? – поинтересовался Максим.

Я достала из другого кармана целлофановый пакет и протянула ему. Я уже знала, какая будет реакция Максима и Воронцова, когда они увидят рисунок.

– Что?! – воскликнули они практически одновременно.

– Вот так, – развела я руками.

– Это фирменный пакет из магазина, в котором я всегда покупаю продукты, – сказал Виктор.

– Вы привозите их сюда, не правда ли? – лукаво спросила я.

– Значит, человек, укравший кольцо, живет в этом доме... – задумался Максим.

– По всей видимости, да, – подтвердила я.

– Кто? – резко произнес Воронцов.

Несколько секунд я медлила с ответом. Барабанная дробь – ту-ту-ту-ту-ту-ту. Так, о чем это они тут, ах, ну да, им нужно имя, делов-то... какое-то имя... кто же это, кто же это... ля-ля-ля. Нет, чтобы поговорить со мной о чем-нибудь дельном, я вообще-то разносторонний человек и даже книги иногда читаю, так нет же, подавай им имя, ну, не знаю, не знаю... может, если меня хорошо попросить, я и скажу что-нибудь. Давайте же, просите меня, умоляйте меня, хи-хи-хи!

– Галина Ивановна сказала, что не слышала, как украли кольцо, – начала я свою вступительную речь, – значит, или ее не было в комнате, или она крепко спала. Она говорит, что никуда не уходила в ту ночь, и мы с вами ей поверим, потому что в данном случае ей просто незачем врать. Она не брала это кольцо.

– Почему ты так уверена в этом? – спросил Максим.

– Если бы вам надо было что-то украсть у себя же, да так, чтобы на вас не подумали, разве бы вы устроили такой спектакль? Что это за отговорка – я спала и ничего не слышала, да она бы первой попала под подозрение с таким «алиби». Надо быть полной идиоткой, чтобы проверить такую глупость, к тому же, она не застраховала кольцо, о чем вы, Виктор Иванович, ничего не знали. В случае исчезновения столь ценного предмета все равно бы открылась правда, и все бы узнали, что кольцо не застраховано. Вашу реакцию несложно предугадать: вы бы пришли в бешенство и лишили свою сестру финансовой поддержки, потому что ваши средства она с легкостью отдавала любовнику, и получается, что в этом случае она теряет куда больше. На весах оказалось бы распиленное ворованное кольцо, значительно утратившее свою ценность – целиком бы она его продать уже не смогла; и вы тоже, со всем вашим богатством и постоянной финансовой помощью, оказались бы для нее недоступны. Ей просто невыгодно было красть кольцо, она не могла допустить, чтобы вы узнали о том, что кольцо не застраховано.

– Дальше, – потребовал Максим.

– Здесь самое лучшее место для кражи: милиции нет, все улики затопчут, да и всегда преступление можно свалить на любого бомжа, проживающего в радиусе сотни километров. К тому же, Галина Ивановна плавно попадает под подозрение, так что выбрано нужное место и нужное время. Раз преступник живет в доме, то рисковать он не мог, он должен был сделать все, чтобы остаться неузнанным: вдруг бы Галина Ивановна проснулась? Так что же надо сделать, чтобы подстраховать себя?

– Напоить ее снотворным, – сказал Воронцов.

– Правильно, – кивнул Максим.

– Конечно. Такие таблетки может раздобыть каждый, и в стакан при желании их кинуть может любой, но у кого из тех, кто проживает в доме, больше всего возможностей сделать это незаметно?

– У Екатерины Петровны! – сказал Максим.

Я улыбнулась и продолжила:

– Однажды мы с ней поругались, и во время ссоры она выкрикнула, что у нее есть снотворные таблетки.

– Это невероятно! – развел руками Воронцов. – А если ты все же ошибаешься?

Я достала из кармана найденное мною доказательство и положила его на стол.

– Что это? – спросил Максим.

– Нашла рядом с тайником, где было спрятано кольцо, собственно, поэтому вещичка и выглядит так грязно.

Максим с Воронцовым разглядывали небольшую бумажку с интересом.

– Но что это? – опять спросил Максим.

– Понюхайте, – ответила я.

– Как ни странно, пахнет очень вкусно, – сказал Виктор, – знакомый запах.

– Это пустой пакетик от ванилина, – сказала я, – его добавляют в выпечку. Только человек, который сам готовит, мог случайно обронить подобное. Этот запах не выветривается очень долго.

Максим подошел к окну и разглядел пакетик получше.

– Да, здесь написано именно «ванилин».

В комнате воцарилась тишина.

– Уж не знаю, как она эту фигню потеряла, наверное, бумажка выпала из кармана, когда она рыла землю, – сказала я, пожимая плечами. – Где ей было еще спрятать кольцо – только в лесу, в доме-то опасно. Служаков постоянно торчал около забора, круги нарезал вокруг участка, Екатерина Петровна об этом сначала и не подозревала. Думаю, он ее выследил или случайно увидел, как она прячет столь дорогую вещь...

– Подожди, – остановил меня Воронцов, – а откуда этот парень узнал про бриллианты Осикова, ведь он же здесь из-за них крутился?

– Он сюда приехал именно за бриллиантами. Карта, которую вы у него нашли, на самом деле принадлежала нам, вы же сами догадались, что крестик на ней означает охотничий домик.

– Догадались, – саркастично сказал Максим, – но пока еще все не увязали, как следует.

– У Осикова был напарник, это вместе с ним они разбогатели. Напарник умер, Осиков отсидел в тюрьме и решил получить свои сокровища. Через какое-то время он узнал, что сын его дружка тоже претендует на бриллианты, и этот сын как раз и есть убитый Служаков.

– Я с тобой с ума сойду! – хватаясь за голову, сказал Максим.

Я рассказала всю историю более подробно: как мы встретили Осикова, как нашли карту и как решили ехать в эти края.

– Служаков наверняка попытался отобрать у Екатерины Петровны ее добычу, – продолжила я, – простая логика – раз что-то прячут, значит, это ценно, но не для того же она воровала, чтобы отдавать! Думаю, он бежал за ней, почти догнал, споткнулся и упал. Она же воспользовалась ситуацией, схватила камень и треснула его по голове. Для такой ситуации не надо иметь высокий рост или какую-нибудь особую физическую силу, даже она со всей своей миниатюрностью вполне смогла убить человека.

– А зачем она вообще потащилась в лес, лежало бы кольцо там и лежало, потом бы приехала и забрала... – сказал Воронцов.

– Служаков постоянно крутился около дома, она наверняка много раз видела его в окно ночью. Она боялась за свое сокровище и, возможно, решила его перепрятать. Пока я только так могу объяснить ее ночное путешествие, приведшее к трагедии.

– Да, не стал бы Служаков отказываться от такого богатства, наверняка, увидев Екатерину Петровну, закапывающую что-то в землю, он решил получить это во что бы то ни стало, – задумчиво сказал Максим.

– Поняв, что она натворила, Екатерина Петровна решила воспользоваться ситуацией и подложила Служакову футляр. Теперь на нее уж точно подумать не могли – вот парень, грязный и чужой, это

наверняка он украл, а за кольцо его просто убили его же дружки, а добычу не поделили. Вот, собственно, и все.

– Сдается мне, – сказал Максим, – что ты, Анька, умная девчонка.

– Вы говорили, что я ненормальная.

– Это само собой... – Максим подошел к двери, открыл ее и крикнул: – Екатерина Петровна, будьте добры, принесите кофе!

Глава 35

Иначе и быть не могло

Вот теперь я могла спокойно сесть в кресло и даже положить ногу на ногу. Кот с удовольствием устроился у меня на коленях. Екатерина Петровна довольно быстро приготовила кофе и уже через три минуты ставила маленькую черную чашечку перед Максимом.

– Может быть, вам тоже принести? – спросила она у Воронцова.

А у меня она спросить не хочет?

– Нет, спасибо, – сказал Виктор.

– Что-нибудь еще? – поинтересовалась она у Максима.

– Да, я хотел вас спросить: вы что-нибудь знаете об этом?

Максим положил на стол кольцо «Живая слеза». Екатерина Петровна отскочила назад и закричала:

– Это не мое, я не брала!

Поднос с грохотом полетел на пол. Я даже не ожидала, что у нее так быстро сдадут нервы.

– Это вы украли кольцо, не так ли? – спросил Максим.

Воронцов медленно подошел к двери – убежать из комнаты теперь было невозможно.

– Нет, нет! – закричала Екатерина Петровна, понимая, что она теперь – точно мышь в мышеловке, – я не брала, и я не убивала его! Я не убивала его!

Она метнулась к окну и стала дергать створки, но они были плотно закрыты, и все ее усилия оказались тщетными. Тогда она бросилась к двери, но там стоял Воронцов. Екатерина Петровна взвизгнула и, крича что-то нечленораздельное, стала колотить его изо всех сил кулаками в грудь. Максим тут же пришел Виктору на помощь. Не прошло и минуты, как на запястьях Екатерины Петровны щелкнули наручники.

Взяв на руки разволновавшегося кота, я вышла из комнаты. В кармане моей ветровки лежал мешочек с бриллиантами...

Утром я застала на кухне голодного и злого Евгения Романовича. Он порезал палец ножом, разлил сгущенное молоко на брюки и уронил кусок масла на пол.

– Какого черта! – восклицал он. – Максим увез единственную нормальную прислугу в Москву, а мне как тут жить?!

– Он ее увез не столько в Москву, сколько в тюрьму, – поправила я, морща нос.

– Она готовила завтраки, обеды и ужины!

– Если учесть, что она еще воровала и убивала, то не такой уж отличной работницей она была.

– Да, когда мне Галина сказала об этом, я даже не поверил, – он вдруг замолчал и посмотрел на меня: – А ты чего стоишь, давай-ка, шевелись, я хочу завтракать, надеюсь, ты еще не забыла, что ты здесь прислуга?

Я, как и положено хорошей горничной, подняла с пола кусок масла и... положила его в кружку Евгения Романовича.

– Не знаю, расстроит ли вас это, но я увольняюсь.

– Это как так?!

– А вот так! – с этими словами я вышла из кухни.

Юрий Семенович сидел на скамейке возле дома.

– Утро доброе, – сказал он.

Я кивнула.

– Уехали?

– Да, – ответил он.

– Давно?

– Приблизительно час назад.

– А Воронцов? – спросила я.

– И он с ними, все вместе и уехали.

Не попрощался... В горле застрял противный ком. Наверное, он прав...

– А я вот уволилась и уезжаю, – сказала я.

Юрий Семенович встал и пожал мне руку.

– Прощай, – сказал он, – удачи тебе.

Вещи я собрала довольно быстро и, прижимая к себе кота, вышла за ворота. Обернулась. Приеду ли я когда-нибудь сюда? Вряд ли.

Сначала я направилась в деревню: слишком долго дед Остап ждал встречи со своим любимцем. Представляя, как он обрадуется, я улыбалась.

– Ну что, Тиша, – сказала я, – возвращаемся домой?

Кот в ответ добродушно мяукнул.

Первый раз за долгое время, шагая по лесу, я не думала о бриллиантах, убийцах и прочей ерунде: я думала только о встрече деда Остапа со своим загулявшим котом. На душе было легко и радостно (вру, тонкие ниточки нервов дергались, стоило только подумать о Воронцове).

Дед Остап, сидя на маленьком деревянном табурете, красил во дворе старую тележку.

– Здравствуйте! – крикнула я, пряча кота под курткой.

– Доброе утро, заходи, – приветствовал меня старик.

Макнув кисточку в банку с яркой-голубой краской, он продолжил свое занятие.

– А я ведь не одна к вам пришла.

Кисточка в руках деда Остапа замерла. Он встал, и в его глазах заблестели слезы. Я распахнула куртку, и серый кот, точно стрела, метнулся к своему хозяину.

– Дуралей ты мой негодный, – потрепал за шкирку своего любимца дед Остап, – спасибо, дочка, я как чувствовал, что ты мне добрую весть принесешь.

Глядя на эту сцену, я сама с трудом сдержала слезы. И что это на меня нашло?

– Хороший у вас кот, – улыбнулась я, – добрый и понимающий.

Дед Остап посмотрел на мою сумку, которую я оставила у калитки, и спросил:

– Никак уезжаешь?

– Да, пришло время.

– Все ли нашла, что искала?

– Даже не знаю, – вздохнула я.

– Не кручинься, если что не так, мимо тебя счастье не пройдет, не посмеет оно мимо тебя пройти.

– Всегда вы мне такие нужные слова говорите... – тихо сказала я.

– Я как есть говорю, – поглаживая кота по голове, сказал дед Остап.

– Пора мне, до свидания, здоровья вам крепкого, живите долго.

– Спасибо, дочка.

– А ты больше не теряйся, – сказала я коту.

В ответ он сощурил глаза, и мне даже показалось, что он улыбнулся. А теперь... к реке!

Всю дорогу я еле сдерживала себя, чтобы не побежать: наконец-то все закончилось, не надо ничего искать, не надо бояться, не надо волноваться, я свободна, и впереди, как всегда – целая жизнь!

– Так что Максим-то? – спрашивала Солька, дергая меня за рукав.

Как только мы приехали в Москву, так тут же отправились в ресторан. Нам не терпелось отметить удачное завершение выпавшего на нашу долю приключения, да и борьба с токсикозом у Сольки закончилась ее полной победой, и теперь, заказав целую кучу еды, мы болтали, как в старые добрые времена.

– Я же говорю, позвонил вчера вечером, мы с ним мило побеседовали. Екатерина Петровна наконец-то дала показания, призналась абсолютно во всем.

– Значит, твои версии оказались правильными? – спросила Альжбетка, попивая свежесжатый сок.

– Да, все так и было, – сказала я, поглядывая на Сольку.

Она заказала два вторых и теперь сидела и думала, с чего же начать.

– Вот ведь как бывает, – философски заметила Альжбетка. – А ты, Анька, хороший человек, сделала доброе дело, помогла следствию.

Да уж, сама сознательность.

– А вот интересно, милиция должна тебе за поимку особо опасного преступника какую-нибудь медаль дать? – продолжила Альжбетка.

– Не думаю, – засмеялась я.

– Может, памятные часы подарят, – отчаянно жуя картофельную запеканку, сказала Солька, – я по телику видела, за подобное всегда дают часы с дарственной надписью. Анька, ты мне их отдашь? Мне такие часы очень нужны.

– А почему тебе, – сразу подскочила Альжбетка, – Аня подарит их мне!

– Да успокойтесь вы, – отмахнулась я, – Максим сказал волшебное слово «спасибо», и, поверьте, этого вполне достаточно.

– А что Воронцов? – осторожно спросила Солька, – не звонил с тех пор?

– Нет, – сказала я резко.

Альжбетка сразу стала кидать на Сольку сердитые взгляды, которые переводились так: «Что ты напоминаешь, не видишь, что ли, она и так переживает».

Да, я переживала. Очень переживала.

– А маман-то твоя как? – сменила тему Альжбетка. – Свадьба скоро?

– Нашла о чем поговорить, – засмеялась я. – Пока я с ней не пересекалась, Осиков теперь богачей, кто его знает, чего он захочет. Хотя, с другой стороны, раз мама не мучает меня звонками, извещающими дочь о том, что все мужики – неблагодарные животные, то вероятность того, что они все еще вместе, – огромная.

– Интересно, он твоей маме сказал, что теперь богат? – спросила Солька.

– Ну, если ему жить надоело, то, наверное, сказал, – предположила Альжбетка.

Мы дружно засмеялись.

– Давайте лучше поговорим о наших планах на будущее, вносите предложения, – улыбнулась я.

– А какие планы... – цепляя на вилку огурчик, задумчиво сказала Альжбетка, – купим себе по машине и поедem по магазинам, носим какое-то рваньe, стыдно же.

На Альжбетке был брючный костюм за тысячу долларов.

– Ну уж нет, – запротестовала я, – не для того мы столько корячились, чтобы растратить деньги за месяц и сидеть потом в окружении дорогих побрякушек года полтора.

– Правильно, – сразу же поддержала меня Солька, наверное, втайне надеясь, что часы с дарственной надписью ей все же перепадут.

– Вспомните, о чем мы с вами говорили, когда пухлый Осиков стал стучаться в окно ресторана, – намекнула я.

– Мы хотели открыть собственное дело! – воскликнула Солька. – Давайте, давайте же станем крутыми и самостоятельными девчонками!

– Точно! – поддержала Альжбетка.

Она поставила перед будущей матерью стакан сока и добавила:

– Пей, тебе витамины нужны.

– Нам же теперь хватит денег, и даже еще останется, – начала мечтать Солька, заглядывая в стакан, – арендуем уютный офис, купим оборудование, повесим такие красивые шторы...

– У нас будет серьезная фирма, и все мужчины падут к нашим ногам, – подхватила тему Альжбетка.

– Я во время беременности буду работать, в наше время в декрет не ходят, это не модно.

– Ага, – кивнула Альжбетка, – а еще мы все же купим машину, и у нас обязательно будет личный водитель. Такой высокий и красивый.

Умеют же девочки мечтать! Минут десять они, особо не слушая друг друга, строили планы, которые вели к нашему процветанию и повальному замужеству. Я особой связи во всем этом не наблюдала, но разочаровывать их не стала. Солька так разволновалась, что схватила меню. По всей видимости, ей надо было срочно еще что-нибудь съесть для успокоения.

– Осталось только решить, чем мы будем заниматься, – вмешалась я в разговор, взирая на девчонок с умилением.

– Давайте откроем агентство, занимающееся трудоустройством нянь, – предложила Солька, – тогда потом, когда родится ребенок, у меня не будет с этим проблем.

– Ты что, какие няни, – возмутилась Альжбетка, – нам нужно что-нибудь такое... чтобы кругом было много мужчин.

– И что ты предлагаешь? – зло спросила Солька, не желая мириться с тем, что только что отвергли ее гениальную идею.

– Магазин дорогой мужской одежды или ресторан, – сказала Альжбетка.

– Не потянем, для этого у нас нет необходимых знаний, – сказала я, – все же надо хотя бы немного разбираться в том, чем мы планируем заниматься.

– Тогда частная школа, – предложила Солька.

– Да? И что я там буду делать, – возмутилась Альжбетка, – менять памперсы и вытирать носы?

– Школа, – обиделась Солька, – это нечто иное! О каких памперсах ты вообще говоришь? Давай, давай, опять предложи открыть ночной клуб, чего от тебя еще можно ожидать!

Если бы я не вмешалась, то мы бы скакали по кругу до утра.

– Девочки, угомонитесь. Надо спокойно все обдумать. Что мы еще умеем и можем делать хорошо? – спросила я.

– Ничего мы больше не можем, – надулась Солька.

– Только языком трепать и вляпываться в истории! – красноречиво добавила Альжбетка. – Вот это у нас получается просто замечательно!

– О! – воскликнула Солька. – Давайте откроем частное детективное агентство!

За столиком воцарилась тишина: мы понимали, что это именно то, что нам нужно.

– Решено, – улыбнулась я.

– Официант! – закричала Солька. – Принесите мне еще спагетти и фруктовый десерт с мороженым!

После ресторана девчонки побежали по магазинам, а я поплелась домой: просто не было настроения что-то примерять и выбирать.

Лифт или по ступенькам?.. Ладно, сегодня лифт, а уж завтра я начну новую жизнь: сяду опять на диету и буду бегать вверх и вниз по лестнице.

Я достала ключи и уже собралась подойти к своей двери, как увидела его... Он сидел на ступеньке... сидел и ждал меня...

– Я бы и так отдал тебе эти бриллианты, – сказал Воронцов.

– А я бы и так тебе все рассказала, – ответила я.

Каштановые глаза заискрились, и моя душа заерзала от счастья на своих любимых розовых подушках.

